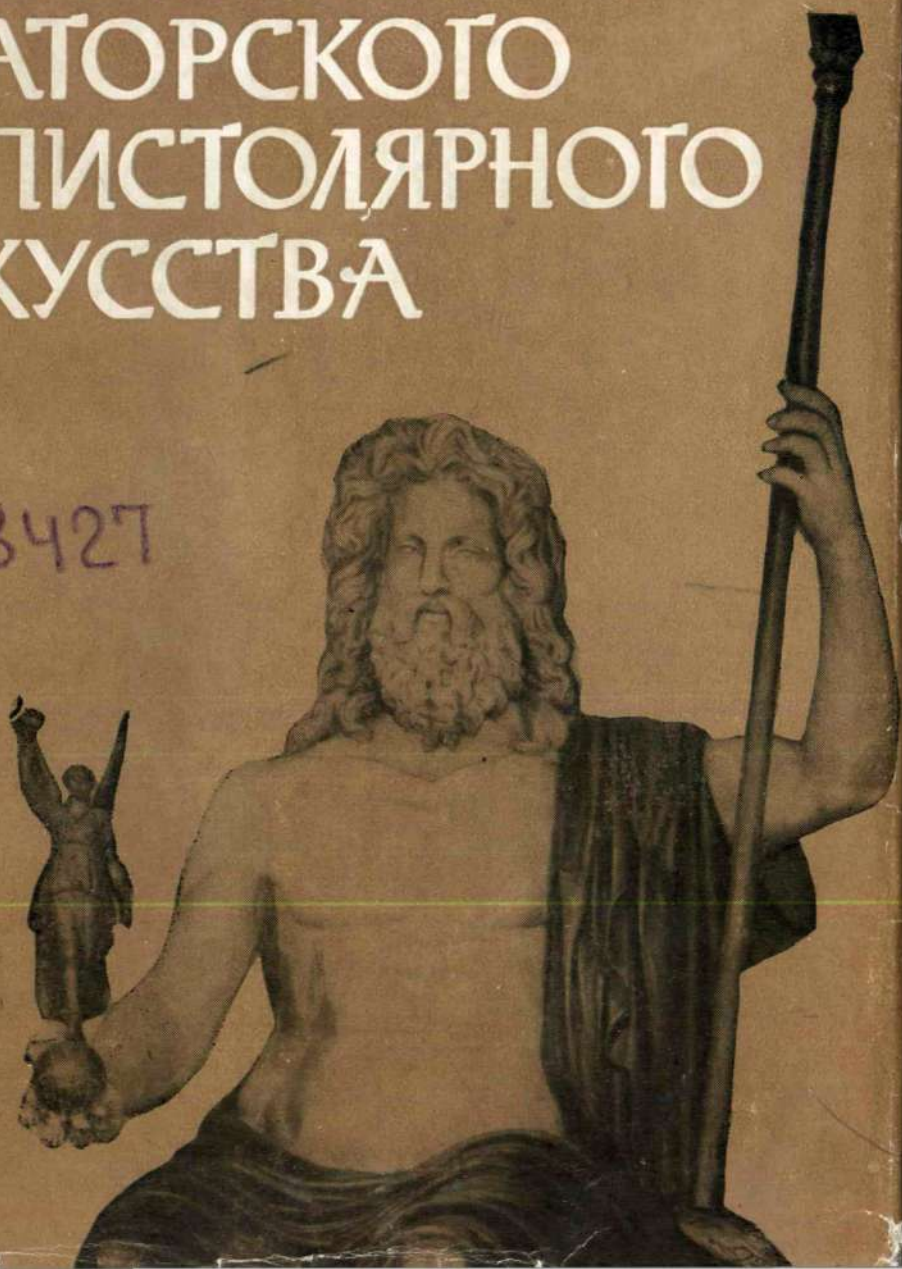
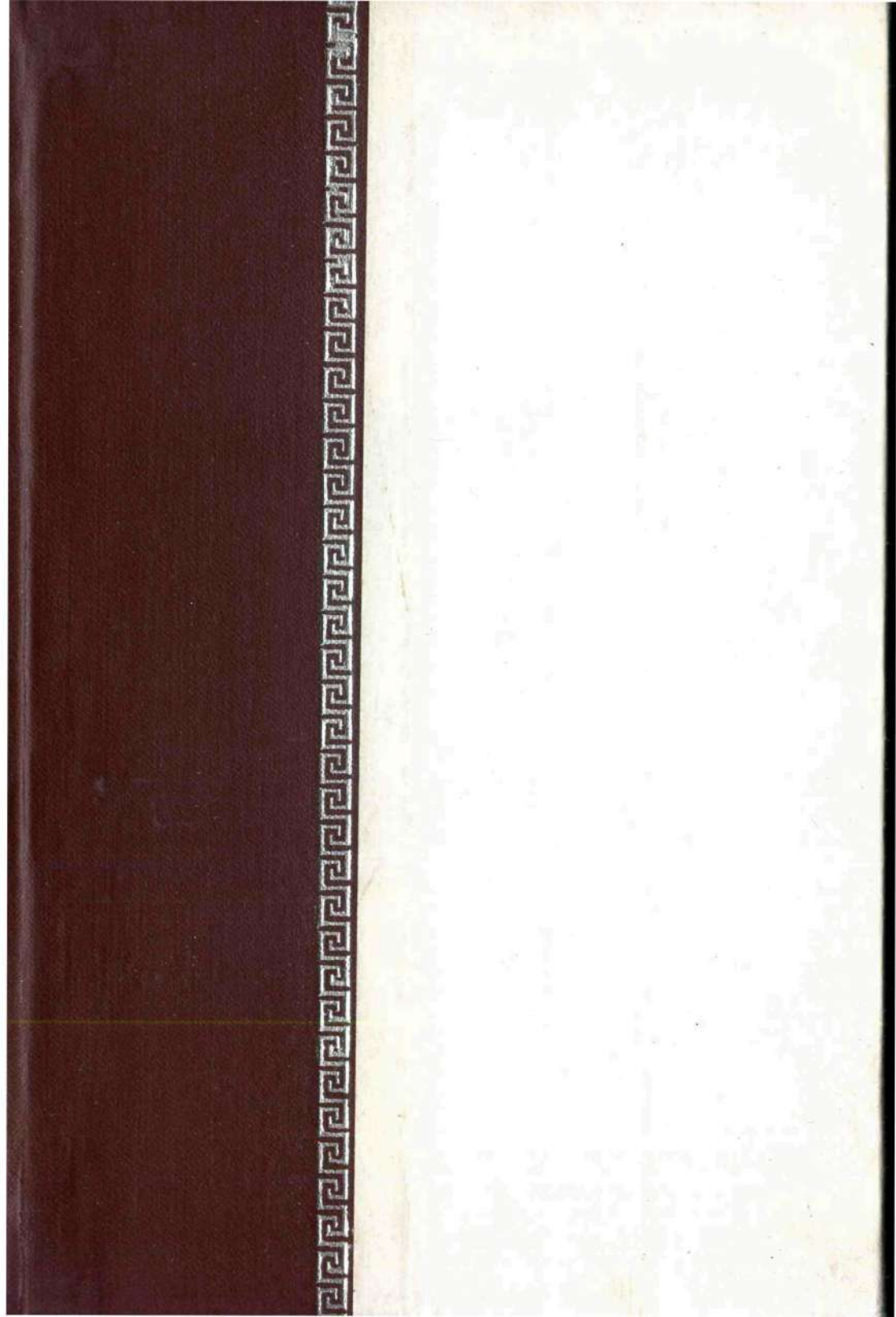

ПАМЯТНИКИ
ПОЗДНЕГО
АНТИЧНОГО
ОРАТОРСКОГО
и ЭПИСТОЛЯРНОГО
ИСКУССТВА

363427

РН

Юпитер

Мрамор и бронза. I век н. э.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
и.и. А. М. ГОРЬКОГО

ПАМЯТНИКИ
ПОЗДНЕГО АНТИЧНОГО
ОРАТОРСКОГО
и
ЭПИСТОЛЯРНОГО
ИСКУССТВА

II—V ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1964

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
М. Е. ГРАБАРЬ-ПАССЕК

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящий сборник памятников поздней античной литературы является вторым выпуском серии, подготовленной сотрудниками сектора античной литературы ИМЛИ. Первый выпуск этой серии под заглавием «Памятники поздней античной поэзии и прозы» вышел в свет в 1964 г.

В данном сборнике, охватывающем ту же эпоху, что и первый, читатель познакомится с двумя другими литературными жанрами, господствующими в поздней античности, — с ораторским и эпистолярным искусством Греции и Рима. Эти жанры не менее — а, пожалуй, даже более — характерны для поздней античности, чем поэзия и повествовательная проза. Именно искусство красноречия было в эту эпоху ведущим жанром, и все другие жанры испытывали его влияние: как стихотворения и повести, представленные в предыдущем сборнике, так и научные (и наукообразные) сочинения, образцы которых составят третий, последний, сборник этой серии.

Ораторское искусство на протяжении II—V веков пережило два значительных подъема. Первый из них относится ко II веку, когда при императорах династии Антонинов прекратились долгие внутренние смуты и было достигнуто относительное благополучие в огромной империи; тогда-то при покровительстве императоров и расцвело искусство так называемой «второй софистики», выявившееся в первую очередь именно в произведениях ораторских. Этот период представлен в данной книге именами Диона Хрисостома и Элия Аристиды. Второй подъем относится ко времени Константина и его преемников, к IV веку, к эпохе последней схватки язычества с побеждающим его христианством. Греция выдвигает в эту пору ряд крупных ораторов — императора Юлиана, его учителя Либания, Гимерия и Фемистия: их речи дают яркую картину этой эпохи (см., например, речь-послание Юлиана «К совету и народу афинскому», речь Либания «В защиту риториков» и др.). Кроме речей серьезного содержания в сборнике приведены образцы шуточных риторических «декламаций» Либания, пародирующих судебные выступления.

Римское красноречие, многие памятники которого утрачены, занимало, по-видимому, в эту эпоху второстепенное положение: оно представлено в сборнике «Апологии» Апулея и сохранившимися отрывками его декламаций («Флориды») и панегириком галльского ритора Евмения (конец III века).

Второй раздел сборника составляют образцы эпистолярного искусства, на которых заметно отразилось влияние риторической школы. Здесь следует различать письма фиктивные, написанные от мнимых лиц к мнимым же лицам, и письма подлинные, которыми обменивались писатели, ораторы и государственные деятели. К первой категории относятся любовные и бытоописательные письма, сочиненные Алкифроном, Филостратом и Элианом (III век). Подлинные письма на греческом языке принадлежат Юлиану, Либанию и Синесию, а на латинском языке — Фронтону, наставнику императора Марка Аврелия, и Симмаху — одному из последних борцов против христианства. Письма искусственные рисуют в живой художественной форме картины нравов и быта людей различных классов и профессий, подлинные же представляют особый интерес не только как литературный памятник, но и как исторический источник.

Почти все памятники, вошедшие в данный сборник, появляются на русском языке впервые, кроме произведений Апулея и речей Либания (впрочем, последние переведены заново). Очень пространные речи даны с некоторыми сокращениями. С некоторыми авторами — Апулеем, Филостратом, Элианом — читатель уже знаком по первому сборнику: там они представлены в разделе повествовательной прозы. Однако и к их произведениям даны краткие вступительные статьи.

Как и первый сборник, эта книга иллюстрирована photographиями с памятников, находящихся в коллекциях Государственного Эрмитажа.

ГРЕЧЕСКОЕ
ОРАТОРСКОЕ ИСКУССТВО

ДИОН ХРИСОСТОМ

Философ и ритор Дион, прозванный за свое красноречие Хрисостомом («Златоустом»), родился в середине I века в городе Прусе в Вифинии и умер там же в первые десятилетия II века. Дион происходил из знатного и состоятельного вифинского рода. Уже в молодости он стал должностным лицом в своем городе, а слава о его красноречии распространилась по всей Греции. В философском романе Филострата Старшего «Жизнь Аполлония Тианского» говорится о том, как Веспасиан, еще не решаясь начать гражданскую войну против Вителлия, вызвал Диона к себе и обратился к нему за советом. Это известие, хотя и не совсем достоверное (Филострат писал свой роман примерно через сто лет после смерти Диона), все же свидетельствует о том, каким уважением он пользовался; более того, уже в конце IV века известный оратор — Синесий (его письма читатель найдет в этой книге) посвятил Диону целый риторический трактат.

После вступления на престол младшего сына Веспасиана — Домициана, ненавидевшего философию и философов, Дион был вынужден покинуть родину, много лет вел жизнь бродячего философа-киника и побывал во многих странах, добравшись даже до устья Днестра. После смерти Домициана Дион вернулся в Прусу, опять занял там видное положение и даже несколько раз ездил в Рим к императору Траяну, высоко ценившему известного философа. От Диона до нас дошло много речей, литературно-риторических диалогов и трактатов, свидетельствующих о его широком образовании и значительных литературных способностях.

ОБ УПРАЖНЕНИИ В ИСКУССТВЕ РЕЧИ

1. Уже не раз восхвалял я тебя как прекрасного человека, достойного быть первым среди лучших, но никогда еще не восхищался тобой так, как теперь: ибо ты, уже зрелый муж, в расцвете сил, никому не уступающий в значении и влиянии, имеющий власть и возможность наслаждаться день и ночь всеми благами жизни, тем не менее стремишься к образованию, жаждешь усовершенствоваться в искусстве речи и не боишься трудностей, с которыми тебе, быть может, придется встретиться; это, как я полагаю, является признаком великого благородства души и свидетельствует не о честолюбии только, но о подлинной любви к мудрости; ведь все лучшие люди древности нередко говорили, что они учились непрерывно — не только в цветущем возрасте, но и в старости¹.

2. Мне кажется, ты придерживаешься весьма разумного мнения, что государственный муж должен быть опытен и искусен в речах; ведь это принесет ему большую пользу — он приобретет любовь, влияние и уважение, и никому не вздумается им пренебрегать. Например, каким средством можно ободрить людей, павших духом, лучше, чем это делает речь? Чем можно усмирить и покарать наглых и заносчивых? Чем можно пресечь их посягательства? Чьи наставления люди выслушивают более охотно, чем наставления того, чья речь услаждает их?

3. Часто приходится видеть, как некоторые наши граждане расходуют огромные средства, оказывают различные услуги, украшают город памятниками, а похвалу стяжают не они, а побудившие их к этому ораторы, словно им принадлежит главная заслуга. Поэтому-то древнейшие поэты, получившие свой поэтический дар прямо от богов, называют «богоподобными» не силачей и не красавцев, а тех, кто владеет речью. Вот за то, что ты это понял и намерен осуществить на деле, я хвалю тебя и тобой восхищаюсь.

4. Особую же благодарность приношу я тебе от моего лица за то, что именно меня ты счел способным принести тебе пользу при выполнении этих твоих замыслов и намерений; подобно тому, как кто-то в древности называл себя умелым предсказателем будущего, но только для себя самого² — так и я до сего времени полагал, что моего красноречия хватает только для меня, да и то едва-едва; ты же меня возвышаешь в моих глазах и внушаешь мне уверенность в себе, раз я могу быть полезен человеку высокообразованному и столь значительному; и, быть может, я действительно окажусь полезен, — так же, как ребенок или старик-пастух могут подчас показать крепкому молодому путнику тропинку или дорогу, ему не известную.

5. Но довольно вводных слов — пора перейти к выполнению поставленной тобой задачи.

Юнцу или человеку молодому, желающему держаться вдали от государственной деятельности, но путем обучения овладеть судебным красноречием, нужны совсем иные занятия и упражнения, чем тебе. Ты же не являешься новичком в этом деле, не можешь отказаться от государственных дел и нуждаешься не в изощренном и лонком судебном красноречии, а в таком, какое подобает государственному мужу и удовлетворяет его задачам.

6. Прежде всего пойми, что от тебя не потребуются чрезмерного труда и напряжения. Конечно, тому, кто уже издавна усердно работает на этом поприще, упражнения приносят большую пользу, но того, кто к ним непривычен, они отпугивают и лишают уверенности; те, кто не привык постоянно упражнять свое тело, также чувствуют слабость, если их заставляют делать трудную гимнастику; тело, не приученное к напряжению, нуждается скорее в умещении мазями и в равномерном движении, чем в упражнениях гимнастика; так и тебе нужны такие занятия красноречием, которые доставляли бы тебе больше удовольствия, чем утомления и трудностей.

Что касается поэтов, то я посоветовал бы тебе особенно тщательно ознакомиться из комиков с Менандром, а из трагиков с Еврипидом; и притом не просто читать самому для себя их произведения, а слушать, как их читают другие, особенно, если они умеют красиво передать их, ни мало их не искажая. Впечатление становится более цельным, если ты избавлен от трудностей, связанных с чтением текста.

7. И пусть никто из наших «умников»³ не упрекает меня в том, что я предпочитаю Менандра авторам древней комедии, а Еврипида — древнейшим трагикам; ведь и врачи предписывают нуждающимся в лечении не самые роскошные блюда, а самые полезные; а о том, чем полезны именно эти поэты, можно было бы говорить без конца: что касается Менандра, то своим умением изобразить любой характер и любую привлекательную черту он берет верх над суровым искусством древних комиков; а прелесть творений Еврипида и близость их к действительности, — хотя, пожалуй, он не достигает полностью трагического божественного величия в изображении характеров, — делают их в высшей степени полезными для человека, занятого государственной деятельностью; кроме того, он особенно искусен в изображении многообразных характеров и переживаний и, будучи не чужд философии, вплетает в свои поэтические произведения много изречений, которые могут пригодиться при любых обстоятельствах.

8. Но началом, серединой и завершением всего является Гомер, — и мальчику, и мужу, и старцу он дает то, что каждый в силах взять у него. Лирика, элегия, ямбы и дифирамбы очень ценны для того, у кого есть свободное время; но у того, кто намерен одновременно заниматься практической деятельностью, расширять ее круг и увеличивать свои знания, на них времени, пожалуй, не хватит.

9. Напротив, государственному деятелю необходимо изучать с особым усердием историков: не говоря уже о речах, которые встречаются в их сочинениях, для каждого государственного мужа, да и всякого, кто намерен участвовать в общественных делах, крайне необходимо хорошо знать, какие события, счастливые и несчастные, случаются и с людьми, и с государствами, и притом не только такие, какие можно объяснить доводами разума, но иногда и совершенно противоразумные: ибо тот, кто знает, что приключалось с другими, сумеет лучше справиться и со своими делами и, насколько это возможно, остаться невредимым: при удаче он не станет сверх меры зазнаваться, а поворот к худшему перенесет с достоинством — ведь и в счастливые времена он не закрывал глаза на то, что судьба может круто перемениться.

10. Если тебе когда-нибудь захочется прийти в хорошее расположение духа, возмись на досуге за Геродота; сладостная безмятежность его повествования внушает мысль, что его сочинение — скорее сказка, чем история. Но к величайшим историкам я причисляю Фукидиду, к историкам же второго разряда — Феопомпа; в его повествовании имеются риторические красоты, его способ изложения нельзя назвать неуклюжим и небрежным, а некоторая его неосмотрительность в подборе выражений не настолько велика, чтобы резать ухо. Что же касается Эфора⁴, то, хотя он дает много исторических сведений, его сбивчивая и небрежная манера письма не пойдет тебе на пользу.

11. А если говорить об ораторах — кто не знает лучших из них? Демосфена, который превосходит всех прочих своей мощью и выразительностью, искусным развитием мыслей и богатством слов? Лисия, отличающегося краткостью, простотой, точностью изложения и отсутствием ухищрений? Однако я советовал бы тебе не задерживаться на них слишком долго, а скорее заняться Гиперидом и Эсхином: их приемы воздействия проще, построение речи воспринимается легче, а по красоте выражения они не уступают первым двум. Советовал бы тебе заняться и Ликургом⁵: он более легковесен, чем остальные, но его речи отличаются благородной простотой.

12. Теперь я скажу тебе, что нельзя не ознакомиться и с ораторами более новыми, жившими незадолго до нас, — даже если кто-нибудь из слишком строгих учителей, прочтя мои советы, поставит мне это в вину; я говорю об Антипатре, Феодоре, Плутиионе и Кононе⁶ и о других в том же роде. Их ораторские приемы могут быть полезны для нас хотя бы уже тем, что мы подходим к ним не с тем рабским преклонением, как к ораторам древним. Именно потому, что мы можем заметить в их речах тот или иной недостаток, мы становимся смелее, надеясь достигнуть того же, что и они.

13. Ведь если сравниваешь себя с другими, то гораздо приятнее видеть, что ты ни в чем им не уступаешь, а порой тебе даже кажется, что ты их превосходишь.

Теперь я обращаю мое внимание на учеников Сократа, знакомство с которыми я считаю безусловно необходимым всякому, кто стремится овладеть искусством речи.

Как ни одно кушанье не имеет вкуса без прибавки соли, так ни один вид искусства речи не может услаждать слух, если он лишен сократовского изящества.

14. Восхвалять всех прочих последователей Сократа было бы слишком громоздким делом, да и ознакомиться с ними — не так-то уж легко. Одного только Ксенофонта, из всех этих древних писателей, как я полагаю, достаточно знать человеку, занятому государственными делами. Придется ему командовать во время похода, или руководить делами городской общины, держать речь в народном собрании или сенате, выступать в суде не только как судебный оратор, но как государственный деятель и властелин, и при этом говорить именно так, как подобает ему в его положении, — лучше всех и полезнее всех при любых обстоятельствах окажется для него Ксенофонт: ибо мысли его ясны и просты, легко понятны каждому, способ изложения изящен, приятен и убедителен, полон правдивости, прелести, стремительности, как будто Ксенофонт владеет не просто мощной речью, но прямо-таки волшебством.

15. Если ты, например, захочешь как можно тщательнее изучить его «Анабасис», то ты увидишь, что нет ни одной темы, на которую тебе, возможно, когда-либо придется говорить и которой бы Ксенофонт не коснулся; так что он может служить образцом для всякого, кто захочет либо проверить себя путем сравнения с ним, либо ему подражать. Понадобится ли при руководстве государственными делами ободрить людей, павших духом, — Ксенофонт не раз показывает, как это делать; потребует ли побудить к действию, вдохнуть силы, — едва ли кто-нибудь, понимающий греческий язык, сможет устоять перед убедительностью речей Ксенофонта.

16. Меня, по крайней мере, глубоко волнует и иногда вызывает слезы описание всех этих подвигов. Идет ли дело о том, как разумно обходиться с людьми самонадеянными и заносчивыми, не навлекая на себя их недовольства, и в то же время не терять своего достоинства, излишне раболепствуя перед ними и потворствуя им во всем, — и это ты найдешь у Ксенофонта. Как надо вести тайные переговоры, договариваясь с военачальниками не в присутствии толпы воинов, а с воинами — таким же способом; как подобает беседовать с лицами, облеченными властью, как обманывать врагов во вред им, а друзей — для их же пользы, как говорить чистую правду людям, без основания поддающимся страху, при этом не обижая, а убеждая их; о том, что не следует оказывать очертя голову доверия выше стоящим и их обманчивым уловкам; какие средства люди применяют, чтоб перехитрить других, и как они сами попадают в ловушку, — все это в его сочинении изложено исчерпывающим образом.

17. Я думаю, это происходит оттого, что он соединяет слово и дело, что он говорит не по наслышке и никому не подражает, а сам является и действующим лицом и рассказчиком; поэтому-то все его сочинения, а особенно то, которое я только что назвал, столь убедительны. Поверь мне, ты ничуть не расквесишься, если с усердием и любовью изучишь сочинения этого мужа: и в сенате и в народном собрании ты почувствуешь, как он протягивает тебе руку помощи.

18. Писать самому свои речи я тебе не советую — разве только изредка, лучше же диктовать их. Во-первых, положение диктующего более сходно с ораторским выступлением, чем положение пишущего; во-вторых, это доставляет меньше труда. Правда, что касается искусного подбора слов, диктовать менее полезно, чем писать самому, за то больше привыкаешь к ораторским приемам. Писать же разные школьные упражнения я тебе ни в коем случае не советую, но если уж хочешь писать, возьми какую-нибудь речь, чтение которой доставило тебе удовольствие, — лучше всего из речей Ксенофонта — и попытайся либо опровергнуть его, либо доказать то же самое, что он, но иным способом.

19. А еще лучше — если запоминание дается тебе легко — повторять всю речь подряд; так ты вполне освоишься и с особенностями его выражений и с точным ходом развития мысли. Говорю это не для того, чтобы ты, строка за строкой, воспроизводил все сочинение, как делают дети, но чтобы ты удерживал в памяти то, что тебе особенно понравится.

Подростку я написал бы на эту тему гораздо больше, а для тебя и этого достаточно; если ты запомнишь хотя бы небольшую долю прочитанного, это принесет тебе большую пользу; если же что-нибудь покажется тебе неприятным и затруднительным, то это вовсе не так уж необходимо.

20. Я, пожалуй, слишком растянул мои советы, но это — твоя вина: ты меня побудил и заставил сделать это. Так бывает и при борьбе: более сильные иногда нарочно поддаются слабым и этим заставляют их переоценивать свои силы: так и ты, как видно, побудил меня писать тебе так, как будто я имею дело с человеком несведущим, между тем как ты знаешь все это лучше меня. Я хотел бы только, если тебе это угодно, когда-нибудь встретиться с тобой, чтобы, читая вместе древних ораторов и беседуя о них, мы принесли бы пользу друг другу.

21. Ведь и начинающему художнику, и ваятелю недостаточно дать указания как положить краски, как начертить линии; гораздо полезнее, если он увидит, как работают сами художники и ваятели; да и при обучении борьбе недостаточно описать ее приемы, а непременно надо показать их ученику. Также и такие советы, какие даю я, принесли бы больше пользы, если бы тот, кто дает их, на своем примере показал, что надо делать. Что касается меня, то если бы мне пришлось даже просто читать тебе вслух, а ты бы

в это вслушивался, то я не отказался бы сделать это, имея в виду твою пользу,— ибо я тебя люблю, твоим усердием восхищаюсь, и за честь, оказанную мне тобой, благодарю.

Речь 9

О СОСТЯЗАНИЯХ

1. Однажды во время истмийских игр Диоген¹, живший в это время, по-видимому, в Коринфе, спустился на Истм. Однако он направился на празднество не с теми целями, как большинство пришедших туда, которые хотели поглазеть на участников состязаний, а кстати и на славу полакомиться. Диоген же, я думаю, хотел поглазеть на людей и на их неразумие. Он знал, что характеры лучше всего раскрываются на общественных торжествах и празднествах, между тем как на войне и в лагерях люди более сдержаны из страха перед опасностью. 2. Кроме того, он полагал, что здесь они могут легче поддаться лечению — ведь и телесные болезни, когда они ясно проявятся, врачам легче исцелить, чем пока они еще скрыты; а те больные, которые не заботятся о том, чтобы побеседовать с врачом, скоро погибают. Поэтому-то Диоген и посещал празднества. 3. Он говорил в шутку, когда его порицали за «собачьи» повадки², — ведь за его суровость и придирчивость его называли псом, — что собаки действительно часто увязываются за хозяевами на празднества, но они никому не чинят никакого вреда, а лают и набрасываются только на злоумышленников и грабителей; если же кто-нибудь, опьянев, заснет, то собаки не спят и охраняют его.

4. Когда Диоген появился на празднестве, то никто из коринфян не обратил на него внимания, так как они часто видели его и в городе и возле Кранея³; ведь люди не слишком-то интересуются теми, кто всегда у них на глазах и с кем, как они полагают, они могут общаться в любое время, когда им вздумается; а к тем, кого они видят только время от времени или кого они вообще никогда не видели, они сразу бросаются. Поэтому именно коринфянам всех меньше было пользы от Диогена (также, как больные не хотят обращаться к врачу, живущему вместе с ними); они думали, что им хватит и того, что они видят его в своем городе.

5. Что касается жителей других городов, то больше всего обращались к нему те, кто приходил издалека, из Ионии, Сицилии, Италии; были и пришедшие из Массилии⁴ и из Борисфена; все они, правда, скорее хотели поглазеть на него и послушать его хотя бы короткое время, чтоб потом было что рассказать, и вовсе не думали о том, как бы им самим стать лучше. 6. Ведь Диоген славился своим острым языком и умел, не задумываясь, метко отвечать на любые вопросы. Как неопытные люди пробуют понтийский мед,

а, испробовав, с отвращением выплевывают его, так как он горек и противен на вкус, так же многие из пустого любопытства хотели испытать Диогена, но, сбитые им с толку, отворачивались от него и обращались в бегство. 7. Когда он порицал других, им было смешно, но если дело касалось их самих, то они пугались и старались поскорее убраться с дороги. Когда он сыпал шутками и насмешками — как подчас он имел обыкновение, — они приходили в восторг, но если он начинал говорить более возвышенно и с жаром, они не могли стерпеть его резкости. Мне кажется, подобным же образом дети охотно играют с породистыми собаками, но если те рассердятся и залают громче, то дети пугаются до смерти.

Диоген всегда держал себя одинаково, никогда не изменяясь и не обращая внимания на то, хвалил ли его кто-нибудь из присутствующих или порицал, заговаривал ли с ним, подходя, какой-нибудь богач, знаменитый герой, полководец, правитель или какой-нибудь жалкий бедняк. 8. Если кто начинал болтать пустяки, Диоген просто пропускал это мимо ушей, но тех, кто много думал о себе и гордился своим богатством, происхождением или каким-либо другим преимуществом, он особенно ядовито язвил и порицал очень резко. Одни восхищались им, как мудрецом, другим он казался сумасшедшим, большинство же презирало его как бедняка и ни к чему непригодного, некоторые осуждали его, (9) а были и такие, что старались его оскорбить, бросая ему кости, как собакам; некоторые, подходя к нему, дергали его за плащ, большинство терпеть его не могло и негодовало на него; так, говорит Гомер, издевались над Одиссеем женихи, а Одиссей в течение нескольких дней терпел их наглость и дерзость⁵; Диоген во всем этом был сходен с ним: поистине он казался царем и властелином в рубище нищего между своими рабами и слугами, превозносившимися в неведении того, кто находится перед ними; а он без труда терпел присутствие их, пьяных и безумствующих по тупости и невежеству.

10. Руководители истмийских игр и некоторые другие почетные граждане, имевшие власть, были смущены и старались держаться в стороне от Диогена и молча проходили мимо, если видели его. Но когда он увенчал себя венком из сосновых веток, то коринфяне послали к нему нескольких прислужников и велели ему снять с себя венок и не совершать никаких противозаконных поступков; (11) а он спросил их, почему же для него противозаконно надевать сосновый венок, а для других — нет. Тогда один из пришедших сказал: «Ты же никого не победил, Диоген». «Победил я, — возразил он, — многих противников, и очень мощных, не таких, как те рабы, которые вон там борются, мечут диск и состязаются в беге; (12) я победил более жестоких противников — бедность, изгнание и бесславие, а кроме того гнев, тоску, страсть и страх и самое непобедимое чудовище, подлое и расслабляющее — наслаждение; никто из эллинов, никто из варваров не может похвалиться тем, что он в борьбе с этим чудовищем победил его силой своей души; все оказались

слабее его и пали в этом сражении, персы и мидийцы, сирийцы и македоняне, афиняне и лакедемоняне,— все, кроме меня (13). Не кажусь ли я вам достойным соснового венка или, отняв его у меня, вы отдадите его тому, кто больше всех набил себе брюхо мясом? Вот это все и передайте тем, кто вас послал, и скажите им, что как раз они-то и поступают противозаконно: они, ни в одном бою не одержав победы, расхаживают в венках; скажите, что именно я прославил олимпийские игры тем, что надел на себя венок — ведь, в сущности, из-за венка следовало бы сражаться между собой не людям, а козлам».

14. Вскоре после этого Диоген увидел одного человека, шедшего со стадиона и окруженного огромной толпой; он даже и не шел сам, а толпа несла его на руках; из его спутников одни вопили, другие прыгали от радости и воздевали руки к небу, третьи бросали ему длинные ленты. Диоген спросил, почему столько шума вокруг этого человека, что же такое случилось. Этот человек ответил: (15) «Я победил, Диоген, всех в беге на целый стадий». «Ну, и что же из этого? — спросил Диоген. — Ты не стал ни чуточки умнее от того, что ты обогнал других бегунов, ты ничуть не рассудительнее теперь, чем был прежде, ты не стал менее труслив, ты вовсе не менее подвержен страданиям, ты и в будущем будешь во многом нуждаться, и жизнь твоя не станет менее подвержена разным бедствиям». 16. «Да, это правда, клянусь Зевсом, — сказал тот, — но ведь я бегая быстрее всех эллинов». «Но никак не быстрее зайцев и оленей, — возразил Диоген, — а ведь именно эти животные, бегающие быстрее всех, они-то трусливей всех других; они боятся и людей, и собак, и орлов и ведут самую несчастную жизнь. Неужели ты не знаешь, что быстрый бег — признак трусости? как раз те животные, которые бегают быстрее всех, они же и самые робкие».

17. А Геракл, например, был тяжел на ногу, не мог пешком догонять злодеев и потому носил с собой лук и стрелы, чтобы поражать ими бегущих. «Но, — возразил победитель, — Ахилла поэт называет и быстроногим и храбрейшим». «А почему ты думаешь, — сказал Диоген, — что Ахилл был таким быстроногим, — он, который не мог догнать Гектора⁶, хотя гонялся за ним весь день?»

18. «И тебе не стыдно, — продолжал он, — гордиться тем, в чем ты отстаешь от самых слабых животных? Я думаю, что ты даже и лисицу не сможешь обогнать. На сколько же ты обогнал твоего соперника?» «На самую малость, Диоген; именно это и есть самое удивительное в моей победе». «Вот как, — ты, значит, оказался счастливее его только на какую-нибудь пядь?» «Да, ведь мы все отборные бегуны». «Ну, скажи, а насколько быстрее вас пролетают над стадионом жаворонки?» «Так ведь они крылаты». 19. «Следовательно, — сказал Диоген, — если самое быстрое существо в то же время превосходит всех других, то, пожалуй, лучше быть жаворонком, чем человеком. Тогда нечего жалеть соловьев и удонов за то,

что они из людей превратились в птиц, как рассказывают нам мифы»⁷. «Но я-то ведь человек,—возразил победитель,—и из всех людей самый быстроногий—я». 20. «И что же из этого? Может быть, у муравьев один бежит быстрее другого; разве они восхищаются им? Не показалось ли бы тебе смешным, если бы кто-нибудь стал восхищаться муравьем за то, что он быстро бежит? А если бы все бегуны были хромыми, то стоило ли бы тебе особенно похвалиться тем, что ты, хромая сам, обогнал других хромых?»

Говоря так, Диоген обесценил само состязание в беге в глазах многих слушателей и заставил победителя уйти огорченным и присмирившим. 21. Этим он оказывал не раз немалую пользу людям: если он встречал кого-нибудь, кто гордился пустяками и не хотел слушать никаких разумных доводов по самому нестоящему делу, Диоген понемногу сбивал с него спесь и освобождал его хотя бы от малой частицы его неразумия; так же врач, делая прокол в опухшую часть тела, заставляет опухоль опасть.

22. Однажды во время беседы Диоген увидел, как два коня, связанные вместе, начали брыкаться и лягать друг друга; вокруг них стояла и глазела на них целая толпа, пока один из коней не сорвался с привязи и не обратился в бегство. Тогда Диоген подошел к тому, который остался на месте, увенчал его и провозгласил его победителем на истмийских играх и победителем в ляганье. Ответом на это был всеобщий хохот и шум, Диогеном многие восхищались, а над участниками состязания насмехались; говорят, что некоторые зрители даже совсем ушли, не поглядев на состязание, в особенности те, которые жили в плохих помещениях или вовсе не имели пристанища.

Речь 10

ДИОГЕН, ИЛИ О СЛУГАХ

(§ 1—17, 21, 28)

1. Как-то раз, когда Диоген шел из Коринфа в Афины, он встретил по дороге своего знакомого и спросил его, куда он идет; спросил он его, однако, не так, как обычно спрашивают люди, желающие показать, что они не относятся равнодушно к делам своих друзей; но, едва выслушав ответ, они уже бегут дальше; Диоген же ставил вопросы, как делают врачи, расспрашивая больных о том, что они намерены делать,—они ставят вопрос, чтобы потом дать им добрый совет: одно они приказывают делать, другое запрещают. Так и Диоген стал расспрашивать этого человека о том, что он делает.

2. Тот ответил: «Я иду в Дельфы попросить совета у божества. Но когда я шел по Беотии, от меня сбежал мальчишка-раб,

сопровождавший меня, и я возвращаюсь в Коринф¹; может быть, я найду этого мальчишку там. Тогда Диоген возразил, как всегда, очень серьезно: «Как же ты, чудака ты этакой, думаешь, что ты сумеешь воспользоваться советом божества, раз ты не сумел использовать раба? Не кажется ли тебе, что это последнее дело гораздо легче и менее рискованно, чем первое, особенно для тех, кто не умеет ничем пользоваться как следует? Да и чего ты собственно добиваешься, разыскивая этого мальчишку? Разве он не был скверным слугой?» 3. «Да, конечно, очень даже скверным. Хотя я не сделал ему никакого зла и даже приблизил его к себе, он все-таки сбежал». «Очевидно, он считал тебя дурным хозяином; если бы ты казался ему хорошим, он бы не покинул тебя». «Но, Диоген, может быть, он и сам был дурным». «Итак,— сказал Диоген,— он, считая тебя дурным, сбежал, чтобы ты не причинил ему какого-нибудь вреда; а ты считаешь его дурным и все же разыскиваешь его,— очевидно, тебе очень хочется, чтобы он тебе навредил; (4) разве дурные люди не причиняют вреда тем, кто ими владеет или кто пользуется их услугами, будут ли это фригийцы или афиняне, свободные или рабы? Ведь даже если кто считает свою собаку непригодной к делу, то он не станет ее искать, если она сбежит от него; напротив, он выгонит ее вон — пускай убирается! А те, кто отделается от дурного человека, ничуть не радуются этому, а начинают хлопотать, оповещать своих друзей, пускаются сами в путь, тратят деньги, лишь бы снова заполучить беглеца. 5. А ты думаешь, от скверных собак бывает больше вреда, чем от дурных людей? Скверные собаки загубили одного Актеона, да и то потому, что они были бешенные; а сколько народа погибло от дурных людей, и не сосчитать,— и частные лица, и цари, и целые города: одни — от слуг, другие — от воинов и придворных копыеносцев, третьи — от мнимых ложных друзей, немало погибло и от руки сыновей, братьев и жен; (6) неужели же это не удача, если удастся избавиться от дурного человека? Надо ли его искать и гоняться за ним? Ведь это все равно, что, освободившись от недуга, начать его искать и стараться снова как бы внедрить его в свое тело».

Знакомый Диогена ответил: «То, что ты говоришь, Диоген, пожалуй, и верно; но трудно не попытаться отомстить тому, кто тебя обидел; рабу этому я ничего худого, как видишь, не сделал, а он посмел бросить меня: ведь он у меня никакой работы, какую обычно выполняют рабы, не делал, а сидел, бездельник этакий, дома, ел и пил и не имел никаких обязанностей, кроме как сопровождать меня». 7. И ты полагаешь,— сказал Диоген,— что ты справедливо поступал с ним, кормя его, бездельника и неуча? Ты же еще больше портил его; ведь лень и безделье больше всего другого губят людей неразумных. Он совершенно правильно решил, что ты его портишь; и хорошо сделал, что сбежал, очевидно, чтобы взяться за работу, а не испортиться вконец, бездельничая, зевая

и обедаешь; а ты, по-видимому, считаешь пустячным проступком то, что ты портишь человека. Разве не следует сбегать именно от такого человека как ты, как от самого злостного врага и злоумышленника?»

«А что же мне теперь делать? При мне ведь нет другого слуги?» 8. «А что ты сделаешь, если у тебя неудобная обувь, которая натирает ногу, а другой у тебя нет? Неужто ты не снимешь ее как можно скорее и не пойдешь босиком? А если эта обувь сама развяжется, неужто ты не завяжешь ее потуже и не стянешь ногу покрепче? Как босые иногда ходят быстрее, чем те, у кого жмет обувь, так же многие, не имея слуг, живут легче и имеют меньше неприятностей, чем те, у кого их много. 9. Посмотри-ка, сколько хлопот у богатей; одним приходится заботиться о своих заболевших слугах; им нужны врачи и сиделки — ведь рабы обычно не очень-то следят за собой и не берегутся, если захворают, отчасти по неразумию, отчасти потому, что они думают — если что-нибудь с ними случится, то от этого больше вреда будет их господину, чем им самим; другим богачам приходится каждый день сечь своих рабов, заковывать их в цепи, третьим — гоняться за беглыми рабами. Не могут они ни уйти из дома, когда им вздумается, ни дома они покоя не видят; (10) а смешнее всего то, что иногда они обслужены хуже, чем бедняки, у которых вовсе нет рабов. Богачи похожи на сороконожек — я думаю, ты видал их; у них ужасно много ног, но они самые медленные из всех пресмыкающихся. Разве ты не знаешь, что от природы тело каждого человека устроено так, что он может обслуживать себя сам? Ноги у него — для ходьбы, руки для работы и для заботы о других членах тела, глаза — чтоб видеть, уши — чтоб слышать; (11) к тому же и желудок ему дан такого размера, что человеку не нужно больше пищи, чем он может добыть себе сам; и он вмещает как раз столько, сколько для человека нужно и полезно для здоровья. Рука, на которой больше пальцев, чем положено природой, слабее; человек с такой рукой считается калек; если у него есть лишний палец, то он и другими пальцами не может пользоваться, как следует; так же, если у кого-нибудь будет много ног, много рук, много желудков, то — клянусь Зевсом — это ни мало не придаст ему силы для труда; ничуть не легче будет для него добывать себе все то, что ему нужно, а напротив, гораздо трудней и неудобнее. 12. Теперь тебе надо будет доставать пищу только для себя одного, — продолжал Диоген, — а прежде — для двоих; если заболеешь, придется заботиться только о себе, а прежде пришлось бы ухаживать и за другим больным. Если ты останешься один в доме, то тебе нечего бояться, что ты сам у себя что-нибудь украдешь, а если заснешь, то нет опасности, что раб натворит каких-нибудь бед, если не заснет. Прими во внимание еще вот что: если ты женат, то жена не будет считать нужным заботиться о тебе, раз у тебя есть в доме раб; к тому же она, конечно, будет то ссориться с ним, то бездельничать и приставать к тебе с

жалобами; а теперь ей будет не на кого жаловаться, и она сама станет больше заботиться о тебе. 13. Где есть раб, там и дети портятся, становятся ленивыми и надменными, раз есть кто-то, кто их обслуживает и на кого они могут смотреть свысока; если же их предоставить самим себе, то они будут мужественней и сильней, и с самого детства научатся заботиться о родителях.

«Но, Диоген, я сам беден, и если мне не следует держать раба, то я продам его». «И ты не постыдишься,— сказал Диоген,— впервых, обмануть покупателя, продавая ему негодного раба? Ведь ты либо должен скрыть правду, либо ты не сможешь его продать. 14. Кроме того, если человек продаст плохой плащ или какое-нибудь орудие, или животное, больное и не пригодное к работе, то ему придется взять проданное обратно, тогда ты ничего не выгадаешь; а если тебе удастся кого-нибудь обмануть, и он не заметит недостатков твоего раба, неужели ты не боишься тех денег, которые ты выручишь? Возможно ведь, что ты купишь еще худшего раба, если наткнешься на продавца, который окажется похитрее тебя, покупателя; а может быть, ты используешь эти деньги на что-нибудь, что тебе повредит: деньги далеко не всегда приносят пользу тем, кто их приобрел; от денег люди претерпели гораздо больше бед и больше зол, чем от бедности, особенно, если у них нет разума. 15. Ты, очевидно, не постарайся приобрести то, что может научить тебя из всего извлекать пользу и правильно устроить все свои дела? Ты будешь добиваться не ума, а денег и владения землей, конями, кораблями и домами? Ты сам станешь их рабом, они принесут тебе много огорчений, заставят тебя много и напрасно трудиться, и ты проведешь всю жизнь, хлопоча то о том, то о другом, а пользы ни от чего не увидишь. 16. Разве ты не замечаешь, насколько беспечальнее, чем люди, живут звери и птицы? Жизнь для них слаще, они здоровее и сильнее людей, и каждый из них живет столько времени, сколько ему положено, хотя у них нет ни рук, ни человеческого разума. Но вместо этого и многого иного, чего им недостает, у них есть одно величайшее благо — они не имеют собственности».

«Да, пожалуй, Диоген, я предоставляю моему рабу идти, куда ему угодно, разве что я случайно натолкнусь на него». «Клянусь Зевсом,— возразил Диоген,— это все равно, как если бы ты сказал: не стану я искать эту брыкливую и лягающуюся лошадь, но если она мне попадется, то я подойду к ней поближе, чтоб она меня хорошенько лягнула».

17. «Ну, ладно, оставим это дело. А почему ты не хочешь, чтоб я воспользовался указанием божества?» «Что? Я отговариваю тебя воспользоваться его указанием, если ты способен к этому? Вовсе не это я сказал, а вот что: очень трудно, даже невозможно использовать указание бога или человека, или даже пользоваться своими собственными силами, справиться, если не умеешь; а попытаться что-то делать, не умея — вот это хуже всего. Или ты думаешь, что

человек, не умеющий обращаться с конями, много пользы от них получит?» «Конечно, нет».

[Далее идет обычный сократический диалог, построенный на примерах: пользования музыкальными инструментами, орудиями и т. д. Собеседник Диогена терпит терпение.]

«Я согласен с тобой, Диоген, но пока ты бесконечно задаешь вопросы, солнце успеет закатиться». 21. «А не лучше ли слушать полезные слова до самого захода солнца, чем без толку идти вперед? — Значит, во всех случаях, когда ты не умеешь чем-либо пользоваться, нельзя быть уверенным в исходе дела; а чем важнее та вещь, которую ты хочешь использовать, тем больше вреда при неумелом обращении она может принести. Уже не думаешь ли ты, что с конем можно обращаться так же, как с ослом?» «Что ты? Конечно, нет».

[Опять идет ряд примеров, с помощью которых Диоген доказывает, что человек, не умеющий понять других людей, не умеет понять и себя и тем менее может понять то, что скажет ему божество.]

«Ты что же думаешь, — говорит Диоген, — Аполлон говорит на аттическом или на дорическом наречии; разве у богов и людей один и тот же язык?»

[Диоген приводит примеры неправильно понятых предсказаний оракулов: Эдип, Крез.]

«Если ты последуешь моему совету, — сказал Диоген, — то будешь осторожен и постарайся сперва познать самого себя; а потом, когда ты сам уже станешь разумным, тогда и иди к оракулу, если сочтешь это необходимым. 28. Но я уверен, что тебе не понадобится никакой оракул, если у тебя будет свой разум. Подумай-ка, например, оракул прикажет тебе правильно читать и писать, а ты не знаешь грамоты — ведь ты не сможешь сделать, как он велит; а раз ты знаешь буквы, то ты и без веления божества будешь писать и читать, как следует. Также и во всяком другом деле: если тебе дадут совет делать что-то, чего ты делать не умеешь, ты не сможешь это выполнить. И жить правильно ты не сможешь, если не подумаешь сам, как это сделать, хотя бы ты надоедал Аполлону своими вопросами каждый день, а он занимался бы только тобой одним. А имея разум, ты и сам сообразишь, что тебе надо делать, и как».

Речь 12

ОЛИМПИЙСКАЯ РЕЧЬ

(§ 44—84)

44. Как мы пока установили, представления людей о божестве приостекают из трех источников: они врождены, восприняты от поэтов, закреплены законами. Четвертым источником мы назовем искусство и художественное ремесло, поскольку оно создает статуи

и картины, изображающие богов: то есть, я говорю о работах живописцев, ваятелей, резчиков по камню и дереву, одним словом, обо всех тех, кто счел себя достойным с помощью своего искусства изображать природу божества, — либо неясными набросками, обманывающими зрение, либо смешиванием красок и нанесением очертаний, что, пожалуй, дает наиболее точный образ, либо ваянием из камня и вытачиванием из дерева, причем ваятель мало-помалу удаляет все лишнее, пока не останется тот образ, который явился ему; иные расплавляют в огне медь и другие ценные металлы и потом чеканят их или заливают в формы, либо лепят из воска, наиболее легко поддающегося обработке и допускающего позднейшие исправления.

45. Такими художниками были и Фидий, и Алкамен, и Поликлет, а также Аглаофон, Полигнот и Зевксид, а раньше всех их — Дедал¹. Этим людям было недостаточно показать свое искусство и свой ум путем изображения всяких обычных предметов, — нет, они показывали воочию образы богов в разнообразнейших формах, причем их «хорегами»², так сказать, были городские общины, дававшие им поручения как от имени частных граждан, так и от имени народа; а они преисполняли умы людей познанием божества и различными наглядными представлениями о нем, не расходясь при этом слишком резко с поэтами и законодателями, во-первых, чтобы не показаться нарушителями законов и не подвергнуться грозившей за это каре; во-вторых, они и сами видели, что поэты опередили их и что образы, созданные поэтами, более древние, чем те, которые создают они.

46. Им вовсе не хотелось, чтобы народ счел их не заслуживающими доверия и осудил за введение каких-то новшеств; поэтому по большей части они следовали мифам и создавали свои произведения в согласии с ними, но вносили и кое-что от себя, становясь при этом в известной степени и сотрудниками и соперниками поэтов: ведь поэты передавали созданные ими образы через слух, а художники более простым способом — через зрение — раскрывали божественную природу своим многочисленным и менее искушенным зрителям. Но все эти впечатления черпали свою силу из некоего первоисточника — стремления почтить и умилизовать божество.

47. Далее, помимо этого простейшего и древнейшего познания богов, врожденного всем людям и возрастающего вместе с разумом, мы должны присоединить к трем указанным разрядам истолкователей и учителей — к поэтам, законодателям и художникам — еще и четвертый: его представители отнюдь не легкомысленны и не считают себя неосведомленными в делах божественных: я говорю о философам, исследующих природу бессмертных и рассуждающих о ней, может быть, наиболее правдиво и совершенно.

48. Законодателя мы сейчас к ответу привлекать не станем; он ведь сам человек суровый и привык привлекать к ответу других людей; давайте же и его поощрим, и наше время сэкономим. А вот

из прочих разрядов мы выберем самых лучших и поглядим, содействовали они и словом и делом благочестию или причинили ему вред, сходятся ли они в своих мнениях между собою или расходятся и кто из них ближе всех подошел к истине, оставаясь в согласии с тем первоначальным и бесхитростным познанием божества. И вот что мы видим: все они единодушно и единогласно как бы идут по одному следу и твердо придерживаются его; одни видят его ясно, другие — в тумане; а вот тому, кто поистине философ, как бы не пришлось искать подмоги, если его станут сравнивать с творцами статуй и стихов, особенно здесь, в праздничной толпе, которая является их благосклонным судьей.

49. Предположим, например, что кто-нибудь первым призвал бы на суд перед всеми эллинами Фидия, этого мудрого боговдохновенного творца знаменитого восхитительного произведения³, и назначил бы судьями людей, радеющих о славе божества; нет, пусть лучше соберется суд из всех пелопоннесцев, беотийцев, ионян и прочих эллинов, расселившихся повсюду по Европе и Азии; и этот суд потребовал бы от него отчета не в деньгах, не в расходах на создание статуи, не в том, во сколько талантов обошлось золото, слоновая кость, кипарисовое и лимонное дерево — наиболее прочный, не поддающийся порче материал для внутренней отделки, — не в том, сколько было истрачено на прокормление и оплату как простых рабочих (а их было немало и работали они долго), так и более искусных мастеров, и, наконец, в том, сколько получил сам Фидий, которому платили наивысшую плату сообразно с его мастерством; обо всем этом могли бы требовать от него ответа жители Элеи, так бескорыстно и великодушно принявшие на себя все эти расходы.

50. Мы же вообразим себе, что Фидий предстал перед судом по совсем иному делу, и вот кто-нибудь обращается к нему, говоря: «О ты, лучший и искуснейший из всех мастеров! Какой дивный и милый сердцу образ, какую безмерную усладу для очей всех эллинов и варваров, постоянно во множестве приходящих сюда, создал ты — этого никто опровергать не станет.

51. Поистине этот образ мог бы поразить даже неразумных животных, — если бы они могли только взглянуть на него; быки, которых приводят к этому жертвеннику, охотно подчинялись бы жрецам, желая угодить божеству, а орлы, кони и львы угасили бы дикие порывы гнева и замерли в спокойствии, восхищенные этим зрелищем. А из людей даже тот, чья душа подавлена тяготами, тот, кто претерпел в своей жизни много бедствий и печалей, кому даже сладкий сон не приносит утешения, даже и тот, думается мне, стоя перед этой статуей, забудет все ужасы и трудности, которые приходится переносить человеческой жизни.

52. Вот какой образ открыл ты и создал, поистине он

Гореусладный, миротворящий, сердцу забвенью
Бедствий дающий...⁴

Таким сиянием, таким очарованием облекло его твое искусство.

Даже сам Гефест не нашел бы, наверное, никаких недостатков в твоём творении, если бы увидел, сколько радости и наслаждения оно доставляет человеческому взору. Однако создал ли ты изображение, подобающее природе божества и достойный ее облик, используя прелестнейшие материалы и показав нам воочию образ человека сверхъестественной красоты и величия, но все же только человека, и правильно ли ты изобразил все то, чем его окружил, — вот это мы теперь и рассмотрим. И если ты перед всеми здесь присутствующими сумеешь доказать и убедить их, что ты нашел изображение и облик, соответствующие и подобающие первому и наивысшему божеству, то ты можешь получить еще более высокую и щедрую награду, нежели уже полученную тобой от элейцев.

53. Ты видишь, — это иск не шуточный и дело для нас рискованное. Ведь прежде мы, ничего ясно не зная, создавали себе самые различные образы и каждый в меру своих сил и дарований воображал себе божество, как нечто целое, уподобляя его чему-то, как бы в сновидении; и если даже мы порой слагали воедино мелкие и незначительные образы, созданные прежними художниками, то не слишком верили им и не закрепляли их в уме.

Ты же силой своего искусства победил всех и объединил сперва всю Элладу, а потом и другие народы вокруг этого образа, — столь божественным и блистательным представил ты его, что всякому, кто его раз увидел, уже нелегко будет вообразить себе иной образ.

54. Однако уж не думаешь ли ты, что Ифит и Ликур⁵, да и тогдашние элейцы, учредили подобающие Зевсу игры и жертвоприношения, но из-за нехватки денег ни одной статуи, соответствующей его имени и величию, найти не сумели? Или, может быть, они воздержались от этого, боясь, что с помощью смертного искусства они никогда не смогут создать подобающий образ наивысшего совершеннейшего существа?»

55. На это Фидий, человек речистый и уроженец речистого города, да к тому же близкий друг Перикла, ответил бы, вероятно, вот что:

«Граждане эллинские! Это — величайший по значению суд из всех, когда-либо бывших. Ведь не о власти, не об управлении каким либо одним городом, не о числе кораблей и пехотных воинов, не о правильном или неправильном ведении дел должен я теперь держать ответ, нет — о всемогущем божестве и об этом его изображении: создано ли оно пристойным и подобающим образом, достигло ли оно той степени человеческого искусства в изображении божества, какая человеку вообще доступна, или оно недостойно его и ему не подобно.

56. Вспомните, однако, я у вас не первый истолкователь и наставник истины; ведь я родился не в те давние времена, когда Эллада только начиналась и не имела еще ясных и твердых пред-

ставлений обо всем этом, а когда она уже стала старше и укрепи-лась в своих верованиях и в размышлениях о божестве. О тех древнейших произведениях ваятелей, резчиков и живописцев, которые вполне сходны с моими, кроме как в изяществе отделки, я говорить не стану. 57. Но ваши воззрения я застал уже сложившимися издавна и непоколебимыми, и приходиться с ними в столкновение было невозможно; застал я и мастеров, изображавших божественные предметы, живших до нас и считавших себя более мудрыми, чем мы,— это были поэты; они имеют возможность с помощью поэзии внушить людям любую мысль, между тем как наши художественные творения можно сравнивать только с каким-нибудь готовым образом.

58. Божественные явления — я говорю о солнце, луне, небесном своде и звездах — сами по себе, конечно, изумительны, но воспроизвести их внешний вид — дело несложное и не требует большого мастерства, например, если кто захочет начертить контур луны в ее фазах или диск солнца; в действительности все эти явления полны душой и мыслью, но в их изображениях ничего этого воочию не видно; может быть, именно поэтому они в древности и не пользовались у эллинов особым почитанием.

59. Ибо дух и мысль сами по себе ни один ваятель и ни один живописец изобразить не в силах, а люди, сколько бы их ни было, не могут ни узреть, ни постигнуть их. Но то, в чем все это возникает, мы уже не воображаем только, а достоверно знаем; это — человеческое тело, и к нему мы и прибегаем, уподобляя его, как хранилище мысли и разума, божеству и стремясь за неимением образа наглядно показать неизобразимое и незримое через зримое и поддающееся изображению, воздействуя на ум с помощью символов; при этом мы поступаем лучше, чем некоторые варвары, которые, как говорят, уподобляют божество животным, исходя из низменных и нелепых представлений. Но тот человек, который превзошел всех своим пониманием красоты, торжественности и величия, он-то и был величайшим мастером, создававшим образы божества⁶.

60. Было бы ничуть не лучше, если бы людям не показали воочию статуи или изображения богов и если бы — как, быть может, кто-нибудь полагает — нам следовало обращать взор только к небесным явлениям. Конечно, всякий разумный человек почитает их и верит, что они действительно являются блаженными богами, зримыми издалека; однако при размышлениях о божестве всеми людьми овладевает мощное стремление чтить божество и поклоняться ему, как чему-то близкому, приближаться и прикасаться к нему с верой, приносить ему жертвы, украшать его венками.

61. Подобно тому, как маленькие дети, разлученные с отцом или матерью, тяжело тоскуя и стремясь к ним, часто в своих сновидениях к ним, отсутствующим, протягивают руки, так и люди обращаются к богам, любя их за их благодеяния, и стремятся любым способом подойти к ним ближе и вступить с ними в общение. По-

этому-то многие варварские племена, бедные и не владеющие искусствами, считают богами горы, стволы деревьев и нетесанные камни — предметы, ни в чем и ничем не соответствующие образу божества.

62. Если же вам кажется, что я виновен в том, что придал божеству человеческий образ, то вы прежде всего должны обвинять в этом Гомера и гневаться на него; ведь он не только изобразил его облик чрезвычайно похожим на это мое произведение, описав в самом начале своей поэмы его кудри и даже его подбородок — в своем рассказе о том, как Фетида просит Зевса почтить ее сына⁷; более того, далее он говорит о собраниях, о совещаниях, о спорах богов, о их пути с Иды на небо и на Олимп, о их усыплении, их пирах и любовных свиданиях, правда, украшая все это возвышенными словами, но придавая всему черты близкого сходства с жизнью смертных людей. Он даже осмеливается уподоблять Агамемнона божеству в самых главных чертах; он был

Зевсу, метателю грома, головой и очами подобен⁸.

63. Что касается моего творения, то ни один человек — будь он даже безумен — не уподобит этого облика смертному мужу, ни по красоте, ни по величию, которым обладает бог; поэтому, если вы не признаете меня художником более искусным и более умудренным, чем Гомер, — а ведь вы считаете его «богоравным» по мудрости, — то я согласен понести любую кару, какую вы пожелаете. Однако теперь я хочу сказать, какие возможности предоставлены тому искусству, которым владею я.

64. Дело в том, что поэзия безмерно изобильна, во всех отношениях богата и повинуетя своим собственным законам; владея средствами языка и изобилием речений, она может своими силами раскрывать все стремления души и что бы ни пришлось ей изображать — образ, поступок, чувство, размер, — она никогда не окажется беспомощной, ибо голос «вестника» может совершенно ясно возвестить обо всем этом⁹.

Гибок язык человека; речей для него изобильно

Всяких; поле для слов и сюда и туда беспредельно¹⁰.

65. Поистине, род человеческий может скорее лишиться чего-то угодно иного, но не голоса и речи; в этом одном он обладает неизмеримым богатством: ибо из всего, что доступно восприятию, человек не оставил ничего невыраженным и необозначенным, но на все постигнутое он накладывает сейчас же ясную печать имени; часто он имеет даже много названий для одного и того же предмета и когда кто-либо произнесет хотя бы одно из них, у него возникает представление, которое лишь немного бледнее действительности. Величайшей мощью и силой обладает человек в изображении всех явлений с помощью слова.

66. Поэтому искусство поэтов совершенно самобытно и неприкосновенно — таково творчество Гомера, который настолько свобод-

но пользовался речью, что не избрал какой-либо один единственный способ выражения, а смешал воедино все греческие наречия, до того времени разрозненные, — дорийское и ионийское, и даже аттическое — и слил их вместе гораздо прочнее, чем красильщики тканей сливают свои краски, причем он сделал это не только с современными ему наречиями, но и с языком прежних поколений. Если от них сохранилось какое-либо выражение, он извлекал его на поверхность, как некую древнюю монету из клада, позабытого владельцем.

67. Он делал это из любви к речи и пользовался даже многими словами варварских языков, не избегая ни одного, если оно казалось ему сладостным или метким. Он применял метафоры не только из смежных или близких друг к другу областей, но и из весьма удаленных одна от другой, чтобы пленить слушателя и, очаровав, потрясти его неожиданностью; при этом он располагал слова не обычным образом, одни растягивал, другие сокращал, третьи еще как-нибудь изменял.

68. Наконец, он показал себя не только как творца стихов, но и как творца слов — он говорил обо всем своими словами: подчас он давал предметам свои собственные имена, подчас добавляя что-либо к словам общеизвестным, как бы накладывая на одну печать другую печать, более выразительную и ясную; он не упускал ни одного звучания, но, подражая, воспроизводил голоса потоков, лесов и ветров, пламени и лучины, звон меди и грохот камней и все звуки, порождаемые живыми существами и их орудиями, — рев зверей, щебет птиц, песни флейты и свирели; он первый нашел слова для изображения грохота, жужжанья, стука, треска, удара, он назвал реки «многошумными», стрелы «звонящими», волны «стонущими» и ветры «буйствующими» и создал еще много подобных устрашающих, своеобразных и изумительных слов, повергающих ум в волнение и смятение.

69. У него не было недостатка ни в каких словах, ни в наводящих ужас, ни в улаждающих, ни в ласковых, ни в суровых, ни в тех, которые являют в себе тысячи различий и по звучанию и по смыслу; с помощью этого словотворчества он умел производить на души именно то впечатление, которое хотел.

Напротив, наше искусство, накрепко связанное с работой руки и требующее владения ремеслом, ни в какой мере не пользуется такой свободой: прежде всего нам необходим материал, прочный и устойчивый, однако не слишком трудно поддающийся обработке, а такой материал нелегко добыть; к тому же, нам нужно иметь немало помощников.

70. Кроме того, ваятель непременно должен создать себе для каждой статуи некий прообраз в определенной форме, сохраняющийся неизменным, и притом в нем должна быть охвачена и воплощена вся сущность и вся мощь божества. Напротив, поэты могут без труда описать в своих творениях многие его образы и самые разнообразные формы его проявления, изображая божество то в

движении, то в покое, — как покажется уместным в каждом отдельном случае, — и приписывая ему деяния и речи; да и труда и времени им, я думаю, приходится затрачивать меньше: ведь поэт, движимый единой мыслью и единым порывом души, успевает создать великое множество стихов, — подобно тому, как струя воды стремительно вырывается из родника, — раньше, чем воображаемый и мыслимый им образ покинет его и исчезнет; а занятие нашим искусством затруднительно и медлительно, и работа наша подвигается едва-едва и шаг за шагом, как видно, потому, что ей надо одолевать неуступчивый и упорный материал.

71. Но трудней всего вот что: ваятель должен сохранять в своей душе все время один и тот же образ, пока он не закончит свое произведение, нередко — в течение многих лет. Известное изречение гласит, правда, что «глаза надежней, чем уши»¹¹; пожалуй, это и верно, но они более недоверчивы и, чтобы их убедить, надо приложить гораздо больше усилий; ибо глаз воспринимает с полной точностью то, что он видит, а слух можно взволновать и обмануть, очаровав его образами, украшенными стихотворным размером и звучанием.

72. Наше искусство должно считаться с условиями веса и объема, а поэты могут увеличивать и то и другое по своему усмотрению. Поэтому Гомеру не стоило никакого труда описать Эриду, сказав, что она

В небо уходит главой, а стопами касается дола¹².

А мне волей-неволей пришлось заполнять только то пространство, которое представили мне элейцы и афиняне¹³.

73. Ты, Гомер, мудрейший из поэтов, превзошедший всех прочих мощью своего поэтического дарования, конечно, согласишься с тем, что ты первым, раньше всех других поэтов, показал эллинам воочию много прекрасных образов всех богов, а особенно величайшего среди них; одни из них кротки, другие страшны и грозны.

74. А образ, созданный мной, дышит миром и неизменной кротостью, он — хранитель Эллады, единодушной и не терзаемой междоусобиями. С помощью моего искусства и по совету мудрого и доблестного града элейцев я воздвиг его образ, милосердный, величественный и беспечальный, образ подателя дыхания, жизни и всех благ, отца, спасителя и хранителя всех людей, насколько возможно смертному вообразить и воспроизвести божественную и непостижимую сущность.

75. Взгляните теперь и судите, соответствует ли этот образ всем тем именам, которыми принято называть божество. Ведь один только Зевс из всех богов носит имена «Отца» и «Царя», «Градохранителя», покровителя «Дружбы» и «Сотоварищества», а кроме того «Заступника умоляющих», бога «Гостеприимства» и «Изобилия»; множество у него и других имен и все они говорят о его доброте. «Царем» его называют за власть и силу, «Отцом», я полагаю, — за

его заботы и кротость, «Градохранителем» — за то, что он печется о законах и общем благе, «Родоначальником» — потому, что боги и люди — родичи между собой, покровителем «Дружбы» и «Сотоварищества» — потому, что он заставляет людей общаться друг с другом и хочет, чтобы они были друзьями, а не врагами и противниками; «Заступником умоляющих» — потому, что он милостиво выслушивает молибы нуждающихся в его помощи, богом «Убежищ» — потому, что он — прибежище в бедствиях, «Гостеприимцем» — потому, что мы должны заботиться и о пришельцах и никого из людей не считать чужим, «Подателем благ и изобилия» — потому, что по его воле зреют плоды и растет достаток и сила.

77. И, насколько было возможно показать все это без помощи слова, разве наше искусство не изобразило Зевса подобающим образом? Его власть и царственная сила воплощены в огромных и мощных размерах его статуи; его отеческая забота — в его кротком и приветливом облике; мысли «Градохранителя» и «Законодателя» отражены в его глубоком и вдумчивом взоре; символом родственной близости между богами и людьми является то, что он имеет облик человека; а что он «Покровитель друзей», «Заступник умоляющих», «Гостеприимец» и «Податель убежища», да и все прочие его свойства можно понять по его ласковому, кроткому и доброжелательному выражению лица; а о том, что он «Податель благ и изобилия» свидетельствует его величественная простота, разлитая во всем его образе: видя его, всякий поймет, что он — щедрый и милостивый податель всего доброго.

78. Вот все это я и изобразил, насколько было возможно это сделать, не называя всех его свойств словами. А вот бога, мечущего молнии, посылающего на гибель многим людям войну, ливни, град и снежные бури, возводящего на небо яркую раду, знамение войны, бросающего вниз искрометную звезду — зловещую примету для мореходов и воинов, — бога, возбуждающего грозную распрю между эллинами и варварами и вдыхающего в измученных и отчаявшихся воинов неугасимую страсть к битвам и сражениям; бога, завешивающего судьбы людей, полубогов и целых войск и принимающего решение по самовольному отклонению весов¹⁴, этого бога было невозможно изобразить средствами моего искусства; да, пожалуй, я бы не захотел сделать это, даже если бы мог.

79. Разве было бы возможно создать из металлов, имеющих здесь в земле, беззвучное изображение грома или подобие зарницы и молнии, лишенное блеска? На что оно было бы похоже? Как содрогнулась земля и поколебался Олимп при легком мановении бровей Зевса, как темная туча увенчала его главу, Гомеру было нетрудно описать и ему была предоставлена в этом полная свобода, а наше искусство в таком случае совершенно бессильно: оно требует точной проверки с помощью зрения.

80. Однако если кто-нибудь скажет, что используемый нами материал недостойн величия божества, то это мнение верное и пра-

вильное; но ни те, кто доставил материал, ни художник, выбравший и одобривший его, не заслуживают порицания, ибо нет более красивого и блистательного материала, доступного человеку и поддающегося резцу ваятеля.

81. Разве возможно обработать воздух, огонь и неистощимые водные источники с помощью орудий, доступных смертному? Им поддается только то, что лежит в основе этих стихий. Если же говорить не о золоте и камне — веществах общеизвестных и не имеющих особой ценности, — а об основной, могучей и плотной сущности мира, то даже не всякий бог может разлагать ее на составные части и, по-разному сочетая их друг с другом, создавать различные виды живых существ и растений; это доступно только одному божеству, к которому в таких прекрасных словах обращается один «из поэтов поэтов»:

Владыка Додоны, всемогущий отец, великий художник¹⁵.

82. Поистине именно он один — первый и совершеннейший художник, и не элейская городская община приходит ему на помощь в его деле, а в его распоряжении находится все вещество, которое содержит в себе вселенная. От Фидия и Поликлета же нельзя требовать больше того, что они сделали; даже и совершенное ими величественней и великолепнее всего прочего, что было создано нашим искусством.

83. Ведь Гомер даже Гефеста изобразил показывающим свое мастерство не на каких-либо иных материалах; описывая, как бог трудился над созданием щита, Гомер не сумел найти никакого нового вещества, а сказал вот что:

Сам он в огонь разгоревшийся медь некрушимую ввергнул,
Олово бросил, серебро, драгоценное золото...¹⁶

Из людей я не уступаю никому своего места и не соглашусь, что когда-либо был мастер, более искусный, чем я, но с Зевсом, построившим все мироздание, никого из смертных сравнивать нельзя».

84. Если бы Фидий в свою защиту произнес такую речь, то, я думаю, эллины с полным правом присудили бы ему венок.

ЭЛИЙ АРИСТИД

Элий Аристид (129—189) был одним из наиболее известных ораторов II века. Уроженец Малой Азии, он много путешествовал и выступал со своими речами и декламациями в различных городах империи вплоть до самого Рима, где он побывал в 156 г. Но основным его местожительством была Смирна. Этот город он всегда горячо восхвалял; и когда Смирна была разрушена жестоким землетрясением, он обратился к Марку Аврелию с патетической речью, умоляя его помочь восстановлению города, а потом благодарил его в еще более торжественной речи.

Речи Элия Аристида по содержанию разнообразны: среди них есть панегирики отдельным лицам и городам, политические «увещательные» речи и небольшие трактаты по риторике; особое место занимают шесть так называемых Священных речей, в которых он подробно рассказывает о своей тяжелой болезни (общей подагре или невралгии) и о варварских методах ее лечения при храме Асклепия; чрезвычайно суеверный фантазер, Элий Аристид повествует даже о своих таинственных сношениях, в которых ему являлся сам Асклепий.

Элий Аристид был убежденным аттикисмом, но подражал не столько Демосфену и Лисию, сколько более склонному к риторике Исократу; в речах же патетического характера, например, в «Монодии на гибель Смирны» он нередко пользуется пышной разукрашенной прозой азиатских ораторов.

О ТОМ,
ЧТО КОМЕДИИ НЕ СЛЕДУЕТ СТАВИТЬ НА СЦЕНЕ

1. Жители Смирны! Для того, кто хочет убедить в чем-нибудь своих слушателей, весьма выгодно, если содержание его речи приходится им по душе; но если кто-либо вздумает преподавать им наставление, то большинство слушателей не только не воспользуется его поучениями, но даже и слушать его не станет. Ведь во всех делах, которые сами по себе привлекают нас и возбуждают наше рвение, никаких советов не требуется — в этих случаях сама природа без труда управляет нашими действиями; напротив, во всем том, что мы, повинаясь указаниям разума, должны делать или чего должны избегать, необходим добрый совет. Поэтому, если кто никаких советов слушать не хочет, с тем и разговаривать не стоит.

2. Есть, конечно, на свете и такие люди — грубые и невежественные; вы же, по вашему собственному мнению, превосходите всех прочих и благоразумием и образованием; поэтому, как мне кажется, было бы недепо, если бы вы не воспользовались с благодарностью поданным вам добрым советом, даже в том случае, когда по началу вам будет неприятно выслушать его.

3. К тому же, если бы я предлагал что-либо очень трудное и обременительное, то, пожалуй, об этом можно было бы поспорить; правда, и тогда я постарался бы доказать, что общую пользу следует предпочесть мимолетному увеселению. Но я отнюдь не намерен предлагать вам что-либо неприемлемое; напротив, я хочу дать вам мой совет именно для того, чтобы вам не пришлось впоследствии самим произносить и выслушивать неприятные для вас речи; я же далек от того, чтобы причинять вам неприятности или давать вам неприемлемые советы.

4. Итак, я начну с того вопроса, за обсуждением которого вам всего легче будет следить и который и мне наиболее близок. Ведь нам предстоит справлять празднество в честь Диониса¹, а также — Зевс свидетель — и в честь Афродиты и всех прочих богов: мы будем совершать возлияния, приносить жертвы, петь пеаны, надевать венки и постараемся не упустить ничего из того, что повелевает нам благочестие; но нам следует с корнем вырвать то, что обычно сопутствует празднеству, что тешит толпу, но в высшей степени тягостно для людей порядочных: я говорю об издевательствах и шутовских выступлениях, устраиваемых и среди бела дня, и — клянусь Зевсом — даже по ночам; не следует ни сочинять для них песенок, ни участвовать в них, ни показывать разные непристойности.

5. Ведь дело вот в чем: кому неохота выслушивать злословие, того оно не забавляет; а кто слушает его охотно, привыкает к нему, а в этом — первый источник дурных нравов; не может быть худше-

го порицания ни для частного лица, ни для города в целом, чем то, что их радует зло. Из всех человеческих пороков самым худшим является злобность — ей нет прощения, и, несомненно, только тот поддается ей, только тот растит ее в своей душе, кто способен вполне подчиниться ее власти. И вот доказательство: никто не станет радоваться, если злословят о том, кого он любит и к кому относится благожелательно.

6. Ведь даже тот, кто другому причинит вред, нанесет убыток или совершит что-либо подобное, может оправдать свой поступок тем, что он совершил его невольно; злобность же отличается от всего этого уже тем, что самое название ее происходит от слова «зло» и уже поэтому она не заслуживает прощения; ведь слово «злобность» обозначает не какой-либо отдельный дурной поступок, а природную черту характера человека, который никому не желает добра; и так же как «злобность» родственна «злу» и получает от него свое название, так и злословие заключает в себе немалую долю зла, хотя бы уже по сходству их названий: и то и другое свойственно людям злым и дурным.

7. Я полагаю, что следует всегда и мыслить и говорить насколько возможно благопристойнее; а при ежемесячных священнодействиях и празднествах разве не следует стремиться к тому, чтобы и речи были прекрасны, и мысли благородны, и чтобы все относилось друг к другу в высшей степени вежливо и благожелательно? Ведь боги вознаграждают именно за дружелюбие и единомыслие. Разве не должны мы считать самые эти празднества как бы свидетельством нашего всеобщего дружелюбия, разве не должны мы думать, что никакие пышные жертвоприношения, никакие возлияния не могут быть более угодны богам, чем благородное уминовение?

8. Как можем мы выразить наше почитание богов иначе, чем если мы перед их лицом не станем ни говорить, ни слушать что-либо неподобающее? Ведь и в присутствии уважаемого нами друга мы воздерживаемся от многих выражений даже в том случае, когда имеем повод высказать резкое осуждение; неужели же, когда нам внимают сами боги, мы станем говорить и слушать о том, чего сами не только не одобряем, но чего стараемся избегать, как дел позорных?

9. Вам следует понять, что я не предлагаю чего-либо нового, но только то, что уже издавна было установлено и законами и общепринятыми обычаями: вспомните о том, что глашатаи, созывая народ на собрания, в первых же своих словах приказывают выражать свои мысли подобающим образом; вспомните о наставлениях, которые нам дают жрецы и священнослужители, храмовые прислужники, когда мы приносим жертвы, вспомните и о том, что мы сами стараемся соблюдать эти правила во время наших молений.

10. Какой же смысл в том, чтобы с одной стороны считать благопристойный способ выражения чем-то прекрасным и подобаю-

щим для священнодействий, а с другой — оставлять безнаказанными тех, кто кощунствует? Принося жертвы, мы ведем себя благопристойно, а перед лицом тех же самых богов, которым приносим эти жертвы, мы под предлогом их праздника произносим и слушаем разные мерзости; мы утверждаем, что боги не терпят злословия и в то же время делаем их как бы покровителями тех поношений, которыми осыпаем друг друга.

11. Разве, полагая, что это угодно богам, мы не противоречим сами себе? Если, стремясь приблизиться к богам, мы воздерживаемся от всего дурного, а сами, зная, что поступаем дурно, всем этим забавляемся, разве мы сохраняем заветы благочестия? Как же можем мы в честь богов делать именно то, чего во имя тех же богов должны всячески избегать?

12. Очень странным кажется мне, что речь птиц мы считаем священной (где бы ее ни услышали, даже в совершенно пустынных местах), а в наших собственных речах не умеем удержаться от сквернословия даже на сцене театра; приступая к алтарям богини Молвы, мы жаждем услышать от нее только самые прекрасные слова (настолько твердо мы уверены в том, что именно они подобают богине), а словами, которых вообще не следовало бы терпеть, мы оскверняем наш язык как раз на празднествах.

13. Мы велим мальчикам сохранять уста в чистоте, даем им и в школе и дома такое наставление: о том, что позорно делать, не следует и говорить; а сами, собрав вместе и детей, и женщин, и людей всех возрастов, назначаем награды за злословие, и тех, кто особенно преуспеет в этом деле, стараемся вознаградить особо.

14. Даже к священным сосудам у входа в храм мы не допускаем того, кто совершит или стерпит известные проступки, и об этих же самых проступках мы распеваем песенки во время священнодействий; мы считаем нечестным принести что-либо в жертву не в согласии с установленным порядком, а почитать богов неподобающими речами считаем признаком благочестия; во всех прочих делах мы соблюдаем пристойность и в то же время спокойно смотрим на всевозможные телодвижения участников хоров, спокойно слушаем любые их речи; если кто-нибудь из певцов возьмет неверную ноту, мы выгоняем его из хора, а если весь хор поет о неподобных вещах, мы его вознаграждаем.

15. И если кто-нибудь оскорбит нас, мы впадаем в ярость, а когда мы сами осыпаем себя оскорблениями, то именно это и считаем необходимой частью подлинного праздника. Таким образом, мы и с богами несогласны и сами себе противоречим.

16. Тем не менее есть люди, утверждающие, будто разрешение злословить в театре приносит добрые плоды: те, кто вели дурной образ жизни, подвергаются осуждению, а все прочие, из опасения, что и они могут стать предметом издевательств комедии, стараются вести себя благоразумно. Раз это так, то я предложил бы весьма высоко оценить пьянство, если оно способно оказывать на

людей такое воспитательное воздействие и если можно без труда добиться того, чтобы пьяницы учили прочих людей благоразумию и, сами еще не протрезвившись, наставляли других в правилах той прекрасной жизни, которую следует вести.

17. Но кто из вас не знает, что вовсе не дело толпы — брать на себя труд воспитания, так же как не ее дело — давать законы и выносить суждения по общественным вопросам? Мы ведь не доверим первому встречному вести корабль до Коринфа; так неужели же любой человек знает, по какому пути следует идти в жизни и чем надо снабдить людей на этот путь? Неужели любой может взяться за кормило и вести юношество, куда ему вздумается?

18. Ведь если, отбирая атлетов, мы отвергаем непригодных, и им приходится не только с позором удалиться, но и заплатить пеню², то почему же мы так беспечны, что руководителей важнейшим делом воспитания и обучения выбираем из числа рабов и усерднейших завсегдатаев мелких лавчонок?

19. Ведь и в привратники мы ставим не кого попало, а человека надежного, чтобы в нашем доме не могло приключиться ничего постыдного; а наших детей и жен и весь наш город в целом — одним словом все, что нам дорого, — мы отдадим всякому, кто захочет все это прибрать к рукам? Тем, кого мы считаем ниже себя, даже когда они трезвы, тем мы станем верить, когда они пьяны?

20. Однако, скажут нам, в эту пору нечего говорить о воспитании, это — время разгула; ведь это — Дионисии, время веселых гулянок и ночных шествий; итак, значит, мы на это время освобождаем детей от надзора их подлинных учителей и поручаем их людям, которые сами ни на что не годны, но навязывают нам свои мнения; при этом мы, как видно, даже не понимаем, насколько неподходящим является самое место, где все это происходит, и насколько нелепа сама эта мысль.

21. Не по театрам подобает шататься учителям и не там обучать юношей — театры устроены для забавы и развлечения; есть другие места, которые и носят подобающее им название, в которых и следует изучать философию; там не издеваются и не злословят бесстыдно, а дают такое воспитание, которое приличествует свободному гражданину, и обучают, кроме всего прочего, и тому, что всего неблагоприятного следует остерегаться.

22. К тому же, если бы участники комедий издевались только над дурными людьми, а прочих оставляли в покое, то, пожалуй, это еще можно было бы допустить; но в данное время это дело, пусть даже по началу неплохое, к добру не ведет, ибо многим приходится выслушивать злословие совершенно незаслуженно, а в то же время есть и такие люди, чьи проделки каждому известны, а они тем не менее избегают публичного осуждения. В чем же дело? В том, что выступающие в комедиях отнюдь не подражают ни истинным преподавателям, ни учителям мудрости, ни тем, кто действительно хочет научить людей добру, — ведь если бы это было так, они преж-

де всего исправились бы сами; нет, они выступают либо из личной вражды, либо напротив, кому-нибудь в угоду; иногда им случалось попросить у кого-нибудь денег, и они их не получили, иногда они не достигали успеха в любовных домогательствах — вот тогда-то они и осыпают оскорблениями своих недругов, а о разных других делах умалчивают, так что на чистую воду выводят не тех людей, чья жизнь позорна.

23. Подумайте еще и вот о чем: более всех, казалось бы, должны стараться откупиться от злословия те, кто кое-что за собой знает; а кто должен бы менее всего придавать значение злословию? Разве не тот, кто уверен в себе и в своем достойном образе жизни? А на деле выходит наоборот — дурные и бесчестные люди выходят сухи из воды, а издевательствам подвергаются как раз те, кто менее всего этого заслуживает.

24. Вообразим себе даже, что злословию подвергаются и те и другие (конечно, едва ли это возможно — никто уважающий себя не станет терпеть оскорблений): но и тогда тот, кто не ценит своей доброй славы и кто в конце испорчен дурными страстями, не только не почувствует себя обиженным, а, напротив, даже сочтет это для себя выгодным и будет рад-радехонек, что о нем узнали все; а те, кто понесет поношение не по заслугам, разве не потерпят ущерба, лишившись тех наград, которые они заслужили своим благородием?

25. Итак, не ставить комедии надо в целях улучшения нравов юношества, а именно в этих самых целях надо эти постановки прекратить, чтобы юноши могли беспрепятственно стремиться к доблести. Дурных людей мы можем карать и иными способами, но зачем так оскорблять людей добропорядочных? Неужели же такого человека, на которого никогда не поступало даже законной жалобы, мы выдадим с головой всякому, кто захочет его бесчестить?

26. Подумать надо и вот о чем: иному честному человеку покажется, пожалуй, более предпочтительным расстаться с некоторой суммой денег, чем слушать поношения, — особенно тому, кто по натуре робок. Разве не ясно уже из этого, насколько вредоносна постановка комедий, — разве не ясно, что ее следует начисто запретить? Ведь самым добропорядочным людям придется выбирать одно из двух: либо, не давая взятки, выслушивать хулу, либо понести наказание за то, что они откупились от оскорблений деньгами; а чем же страдают те, кто выслушивает оскорбления с полным равнодушием?

27. Помимо всего прочего, дурная слава отдельных лиц бросает тень и на весь город в целом; каковы лица, высмеянные в комедии, таковы — так часто думали люди — и все остальные. Взгляните на ваших предков, афинян: тех мужей, которых превозносят в своих произведениях почти все писатели, одна только комедия унижает и только она дает доводы в руки клеветникам: ведь — говорят они — вы видите, что афиняне сами себя обличают.

28. А уж о том, насколько велика разница между нынешними бесстыдными и лживыми нападками и теми поучительными и полезными советами, которые заключались в так называемых «парабазах»³, и говорить не стоит; а даже если от них кое-кому и попадало, то, как сказано в пословице, «от благородных колотушек и побоев не болят». А там, где и слова гнусны, и напевы безобразны, и жесты бесстыдны, и где комедия все равно не в силах карать те пороки, которые показывает она сама, какое удовольствие может она доставить? Неужели вы все это одобряете? Что позорнее этого?

29. Разве можно все это видеть и слышать и все же считать полезным? Нет, это явный признак испорченности нравов. Если любой человек, будь то мужчина или женщина, привыкнет слушать поношения и выносить позорнейшую хулу, он потеряет уважение к себе и приучится к дурным нравам, даже если раньше и был им чужд. А кроме всего прочего «При чем здесь Дионис?» — мне кажется, именно к этому случаю данная пословица особенно подходит.

30. Поистине, великую славу приносит нашему городу то, что у нас и в банях, и в подворотнях, и на городской площади, и в домах разные бабенки, подростки, да и каждый, кому только вздумается, распевает всяческие песенки! Притом, неужели можно издеваться только над своими согражданами? Но ведь это довольно странно, что вы станете щадить чужестранцев больше, чем самих себя; вы окажетесь совсем не похожи на лакедемонян — они держали свои собственные дела в тайне, а вы предоставите кому угодно возможность говорить про вас даже самые неподобающие речи? Или мы и чужестранцев не станем щадить?

31. Хороши же будут тогда наши с ними взаимоотношения! Да нелегко будет и родителям воспитывать детей или старшим братьям наставлять младших там, где распевают подобные песенки! Не лучше ли вам перестать выставять себя на позорище?

32. Но, скажут нам, ведь шутка — Зевс свидетель — вещь вполне допустимая; да, если она исходит не от подонков, — ведь порядочных людей не так-то уж много. А любителей злословить я хотел бы спросить вот о чем: действительно ли они шутят или говорят серьезно? Если шутят, зачем они прикидываются, будто хотят дать глубокомысленные наставления? Если же они говорят всерьез, то их опять-таки надо спросить, основана ли их хула на правде или на лжи? Если на правде, то почему они не прибегают к помощи законов? Однако там, где действительно следует говорить, они молчат, а где следует молчать, говорят. Если же они лгут, то пусть радуются, что это сходит им с рук безнаказанно, а не жалуются на то, что им не разрешают злословить.

33. Я думаю, что даю всем, вам в особенности, совершенно правильный совет. Чем больше вы, по вашему мнению, превосходите всех прочих и образованием и благовоспитанностью, тем позорнее для вас стремиться к тому, чего делать не следует.

ЮЛИАН

Император Юлиан (331—363) прожил недолгую, но бурную и деятельную жизнь. Он был двоюродным братом императора Констанция, человека жестокого и подозрительного. Детство Юлиана прошло в Малой Азии, под строгим надзором приверженцев Констанция; уже в это время он увлекся античной литературой и языческой религией. В молодости Юлиан получил разрешение провести несколько лет в Академии в Афинах, где его соучениками были Василий Кесарийский и Григорий Назианзин (Богослов), впоследствии крупные ораторы и руководители христианской церкви. Там же, в Афинах, он познакомился с известнейшим языческим оратором Либанием и учился у него красноречию; дружба между учителем и учеником продолжалась всю короткую жизнь Юлиана.

Жена Констанция, Евсевия, покровительствовала Юлиану, и по ее совету Констанций вызвал Юлиана в Рим и назначил его начальником всех легионов, размещенных в Галлии. Юлиан оказался очень талантливым и храбрым полководцем; но враги оклеветали его перед императором, и ему было приказано перевести свои легионы на Восток и передать их Констанцию, который начал войну с персами. Возмущенные этим распоряжением войска Юлиана провозгласили его императором, и Юлиан двинулся походом на Константинополь. Дело дошло бы до вооруженного столкновения, если бы не внезапная смерть Констанция. Это было в 361 году; к этому времени и относится речь-послание Юлиана «К совету и народу афинскому», в которой он оправдывает свои поступки, объясняя их прямым указанием богов.

Став императором, Юлиан развил широкую деятельность, ревностно занимаясь государственными делами, окружил себя философами и ораторами и вступил в открытую борьбу с ненавистной ему христианской церковью. Увлекаясь неоплатонизмом и мистическими языческими культами — Митры, Матери богов и Сераписа, — он пытался создать из этих культов и «олимпийской» религии синкретическое языческое вероучение в противовес христианству; он вел с христианством и философскую полемику в речах и письмах, за что и получил у христианских писателей прозвище «Отступника».

Юлиан обладал значительным литературным талантом и огромной работоспособностью. Литературное наследство, оставленное им, довольно обширно; в него входят речи, философские трактаты, два памфлета («Ненавистник бо-роды» и «Цезари») и более ста писем. Весь этот материал представляет большой исторический и психологический интерес и свидетельствует как о незаурядной одаренности и начитанности Юлиана, так и о его неуравновешенном характере и о некоторой склонности к софистике и риторике.

Победить христианство Юлиану не удалось. Правление его было недолгим: в 363 г. в походе против парфян он погиб от тяжелой раны, нанесенной ему, возможно, кем-то из его собственных воинов — многие его солдаты оставались христианами.

Учитель Юлиана, Либаний, посвятил своему царственному ученику и другу, ранняя смерть которого тяжело поразила его, две надгробные речи и следующую эпитафию:

Здесь, за стремительным Тигром лежит Юлиан погребенный;
Был он правителем мудрым и воинном, страха не знавшим.

(Паладинская Антология, VII, 747; пер. Ю. Шульца)

К СОВЕТУ И НАРОДУ АФИНСКОМУ

(§ 1—4; 6—8; 11—13)

1. Много подвигов совершили ваши предки, и не только им самим, но и вам подобает за это почет и слава; много трофеев воздвигнуто ими, одни — в честь всей Эллады в целом, другие — в честь вашего города в память тех битв, в которых он сражался один на один либо с другими эллинами, либо с варварами; однако едва ли есть такой подвиг или такое мужественное деяние, которым и другие города не могли бы похвалиться; некоторые совершены ими рука об руку с вами, другие — самостоятельно; но если я начну вспоминать и сравнивать, то, пожалуй, подумают, что я отдаю преимущество одному городу перед другим или, как риторы, соблюдая свою выгоду, слишком мало воздаю чести городам, менее значительным; поэтому я буду говорить только об одном из ваших достоинств, — именно о том, которому мы не находим подобного у других эллинов и которое издавна признается за вами. В ту пору, когда господство было у лакедемонян, вы взяли его из их рук не насилием, а молвой о вашей справедливости, — ведь ваши законы воспитали Аристиду Справедливого¹. И дав столь блестящие доказательства вашей справедливости, вы не раз подтверждали их еще более блистательными деяниями. Бывает, правда, что кому-нибудь сопутствует ложная слава о его справедливости, и так же нечего удивляться, если среди множества дурных людей появится один, кому свойственна любовь к добру; разве у мидян не восхваляют Дейоку, у гипербореев — Абариса, у скифов — Анахарсиса?² Едва ли заслуживает изумления то, что и среди этих беззаконнейших народов нашлось три человека, все же чтивших справедливость, причем два последних чтили ее искренне, а первый — имея в виду свою выгоду. Но чтобы целый народ и целый город были всем сердцем преданы справедливым речам и делам, — этого, кроме как у вас, пожалуй, нигде не найдешь. Я хочу напомнить вам лишь один такой случай из истории вашего города, — а их было много. После войны с персами Фемистокл задумал внести предложение поджечь тайком эллинские корабельные верфи; не решаясь прямо заговорить об этом с народом, он заявил, что откроет свое тайное намерение тому, кто будет для этой цели избран народом. Народ избрал Аристиду; узнав замысел Фемистокла, Аристид скрыл его от народа, но, выступив перед народом, сказал, что не может быть ничего более выгодного, чем этот замысел, но вместе с тем и ничего более несправедливого; и весь город единодушным голосованием немедленно отверг это предложение³. Клянусь Зевсом, какое величие души! Именно так подобало поступить людям, воспитанным мудрейшей богиней!⁴

2. И вот, если в давнюю пору дела у вас обстояли так, как я сказал, то и теперь от доблести предков у вас сохранилась с тех времен

как бы некая мерцающая искорка; я полагаю, что вы станете судить о человеке не по тому, насколько он удачлив, и не потому, прилетел ли он по воздуху или прошел по всей земле с невероятной скоростью и неубывающей силой, а взглянете, поступал ли он справедливо; и если окажется, что он действует согласно справедливости, то его похвалит и каждый из вас в отдельности, и все вы вместе; если же он справедливости не уважает, то он, конечно, заслужит ваше презрение: ведь ничто не является столь родственным мудрости, как справедливость,— и того, кто нарушает справедливость, вы изгоните как нечестивца, не чуждого вашей богини.

Поэтому я хочу рассказать вам все о себе; хотя вы уже многое знаете, однако кое-что могло остаться скрытым от вас и притом именно то, что вам особенно важно узнать, и я хочу, чтобы вам, а через вас и прочим эллинам, стало известно все. Пусть никто не подумает, что я болтаю попусту, если я начну говорить о событиях, совершавшихся у всех на глазах, событиях давно прошедших или недавних. Я хочу, чтобы ничто, касающееся меня, не укрылось ни от кого из вас, а ведь возможно, что один не знает одного, а другой — другого. Начну мой рассказ с моих предков.

3. Что со стороны отца я происхожу из того же рода, как Констанций, общеизвестно; ведь наши отцы были единокровными братьями⁵. И вот как поступил с нами, своими ближайшими родичами, этот человеколюбивейший император: шестерых моих двоюродных братьев (а они были и его двоюродными братьями); а также моего отца, приходившегося ему родным дядей, еще одного нашего общего дядю по отцу⁶ и моего старшего брата он казнил без суда; меня и другого моего брата он тоже хотел убить, но в конце концов послал нас в изгнание; потом он меня призвал обратно; а моего брата, даровав ему сперва звание цезаря, вскоре казнил.

Зачем мне перечислять теперь, как в трагедии, эти несказанные ужасы? Говорят, он раскаялся во всем этом, он страшно страдает от угрызений совести, он думает, что наказан за это бездетностью и неудачей в войне с персами; эти слухи распространялись в ту пору и при дворе и среди тех, кто окружал моего брата — блаженной памяти Галла. «Блаженной памяти!» Галл нынче впервые слышит эти слова: ведь Констанций, убив его вопреки всяким законам, отказал ему в погребении в гробнице его предков и не счел его достойным такого присловия. Как я сказал, этими слухами хотели убедить нас в том, что Констанций совершил все эти злодеяния, будучи введен в заблуждение и уступая насилию мятежного непокорного войска. Все это напевали нам в уши как во время нашего заточения в каппадокийской деревушке⁷, когда к нам со стороны никого не допускали, так и потом, когда брата вызвали из изгнания, а меня, еще подростка, оторвали от моих учебных занятий. Как описать мне эти шесть лет, которые мы провели на чужбине, взаперти, подобно узникам, заключенным в персидских крепостях? К нам не допускали ни одного посетителя, никто из наших старых

знакомых не имел к нам доступа, мы проводили жизнь, лишенные правильного обучения и каких бы то ни было занятий, приличествующих свободным людям; вокруг нас было много рабов, и с нашими собственными рабами мы разделяли их участь и были их товарищами; ни один наш ровесник не был допущен к нам.

4. По милости богов мне выпало на долю счастье освободиться из заключения, а моего брата держали при дворе⁸ в таких ужасных условиях, какие едва ли кому приходилось выносить. В его характере действительно проявлялись некоторые черты дикости и жестокости,—это можно было объяснить его воспитанием в горной глуши. Следовало бы винить за это того, по чьей милости мы получили такое воспитание; боги даровали мне любовь к философии, сохранившей меня в чистоте; ему же никто ничего не дал. Едва только его перевезли из деревни во дворец и облекли в пурпурный плащ, как Констанций уже проникся к нему завистью и не переставал ему завидовать, пока не уничтожил его. Отнять у него пурпур Констанцию показалось мало; но ведь можно же было оставить брата моего в живых, даже если он был неспособен царствовать! но нет, его надо было лишить и самой жизни. Но пусть даже так, однако ему все же следовало дать возможность сказать хотя бы слово в свое оправдание, ведь это позволено даже преступникам. Если закон не разрешает тому, кто поймал разбойников, убить их на месте, то как же можно уничтожать без суда тех, которые, лишившись своих почетных званий, стали из владык просто частными лицами?

А что, если брат мой мог назвать виновников своих проступков? Ведь ему были переданы письма некоторых лиц, содержащие — клянусь Гераклом! — безмерные клеветнические наветы против него; возмущенный ими, он вспыхнул гневом, конечно, мало приличествующим правителю, однако не сделал ничего, что заслужило бы смертной казни. Разве нет закона, разрешающего всем людям, будь то эллины или варвары, защищаться от тех, кто поступает несправедливо? Может быть, он защищался слишком резко, но не сделал ничего выходящего из ряда вон; уже не раз говорилось о том, что гнев побуждает иногда к резким выпадам против врага. Но вот Констанций в угоду евнуху, своему постельничему и своему повару, выдал на смерть в руки негодяев своего родича, цезаря, мужа своей сестры⁹, отца своей племянницы, человека, на сестре которого он сам был женат первым браком¹⁰, человека, связанного с ним по воле богов такими тесными узами родства.

Меня он лишь с большим трудом отпустил, протаскав полных семь месяцев то туда, то сюда, под строгой охраной¹¹; и, конечно, если бы некое божество, пожелавшее меня спасти, не расположило ко мне прекрасную и добродетельную Евсевию, супругу Констанция, я не вырвался бы из его рук. А между тем — клянусь богами — я не виделся за все это время с моим братом и даже во сне

его не видал; я ведь не жил с ним вместе, не навещал его, а писал ему редко, и то о разных пустяках.

Избежав опасности, я с радостью отправился на родину моей матери: из всего огромного достояния, которое, несомненно, в свое время было приобретено моим отцом, мне не досталось ничего, ни клочка земли, ни одного раба, ни домика: добродетельный Констанций унаследовал вместо меня все мое отцовское имущество, а со мной, как я уже сказал, не поделился ничем; моему брату он дал ничтожную часть отцовского наследия, но за то все, что досталось брату от его матери, Констанций забрал себе.

[Юлиан рассказывает о том, как по приказу Констанция он был вынужден жить то в Италии, то в Малой Азии, то в Греции, причем Констанций ни разу не пожелал его видеть; наконец, Юлиан был вызван в Милан.]

6. Вот что со мной произошло. Прибыв в Медиолан¹², я поселился в пригороде. Евсевия не раз проявляла свою благосклонность ко мне и приказывала мне писать ей обо всем, в чем я буду нуждаться. И вот я решил написать письмо, вернее даже прошение, заклиная ее помочь мне: «Пусть бог ниспослет тебе все свои милости, пусть будут тебе дарованы чада-наследники, а меня, как можно скорее, отправь домой!» Но я считал опасным отправить это письмо во дворец к супруге императора. Я стал молить богов указать мне ночью, следует ли посылать императрице это письмо; боги же в ответ угрожали мне страшной гибелью, если я это письмо отправлю. Боги мои свидетели, что я говорю чистую правду! Поэтому я решил письма не посылать; и с этой же ночи в мой ум запала мысль, которой хочу поделиться и с вами. «Я задумал было,—сказал я себе,—воспротивиться воле богов и вообразил, что могу лучше размышлять о моей судьбе, чем те, кому ведомо всё... Но берегись, как бы тебе не поступить неразумно, презрев законную волю богов! Где твое мужество? Ведь это прямо-таки смешно: ты готов льстить и унижаться из страха смерти, а следовало бы отбросить все заботы и предоставить богам творить их волю, возложив на них заботу и попечение о тебе. Так советовал и Сократ¹³: „делай хорошо то, что зависит от тебя, а все прочее предоставь богам; не стремись ничего приобретать, ничем завладевать, а что они даруют, принимай спокойно“».

7. Эта мысль показалась мне не только вполне безопасной, но и подобающей разумному мужу; кроме того, она была внушена мне богами; избегая ожидаемых козней, броситься навстречу грозной и позорной опасности, показалось мне страшным и внушающим тревогу и ужас; я уступил и послушался.

Вскоре меня облекли званием и плащем цезаря¹⁴. О, боги, какое рабство, какой страх и угроза, ежедневно висящая над головой! Двери на засовах, стража у ворот, руки моих рабов под строгим надзором, как бы ко мне не проскочила записочка от моих друзей. Прислужники все чужие; лишь с трудом удалось сохранить при

дворе четырех моих собственных рабов, двух маленьких мальчишек и двух постарше, для личных услуг; один из них знал о моей вере в богов и тайком, насколько мог, участвовал в совершении обрядов¹⁵. Мои книги я поручил охране одного врача¹⁶, единственного, кто остался при мне из стольких верных товарищей и друзей; его дружба со мной была сохранена в тайне и ему даже разрешили сопровождать меня. Я так боялся всего и стал таким робким, что многим из моих друзей, желавшим навестить меня, я, против моей воли, запретил ко мне приходить; мне очень хотелось видеть их, но я опасался сделаться виновником бедствий для них.

[Далее Юлиан рассказывает, как он был назначен военачальником в Галлию; сперва он имел весьма скромные полномочия, потом ему было поручено командование всей армией. Положение Галлии было в это время очень тяжелым.]

Я выступил в поход, когда хлеба уже созрели. Множество германцев совершенно спокойно расположилось на жительство вокруг кельтских городов, ими же опустошенных. Число городов, стены которых были снесены, доходило до сорока пяти, а сторожевых башен и небольших крепостей было разрушено вдвое больше; населенная варварами полоса земли по эту сторону Рейна тянулась от истоков его до океана; наиболее близко расположенные к нам поселения германцев отстояли от берега Рейна на тридцать стадиев, а между ними и нами лежала полоса, еще втрое шире, обращенная в пустыню и настолько разоренная, что кельты там даже скота не могли пасти; даже некоторые города, в окрестностях которых варвары еще не расселились, были, однако, уже покинуты жителями.

8. Найдя Галлию в таком состоянии, я отвоевал Колонию Агриппину, лежащую на Рейне и потерянную нами около десяти месяцев тому назад, и взял крепость Аргенторат, расположенную у подножия Барсега¹⁷. Наверное, молва об этом сражении дошла и до вас; боги отдали в мои руки в качестве пленника вражеского короля, но я, не колеблясь, уступил славу этого подвига Констанцию. Даже если мне не подобало еще праздновать триумф, в моей власти было убить моего врага Хнодомара¹⁸; никто не помешал бы мне провести его через всю землю кельтов, показать во всех городах и насладиться его бедой. Но я подумал, что этого делать не следует, и прямо отослал его к Констанцию, вернувшемуся в ту пору из поездки к квадам и сарматам¹⁹. Так случилось, что между тем как я сражался, он совершил мирное путешествие и был дружелюбно принят племенами, живущими по Истру, — но триумф все же справил не я, а он. После этого прошел и второй, и третий год, и к концу этого срока из Галлии были изгнаны все варвары, большинство городов было нами отвоевано, а из Бретанды прибыли многочисленные корабли. Я создал флот из шестисот судов — четырехста из них построены по моему приказанию в срок менее десяти месяцев — и ввел их в устье Рейна; а это было нелегко, ведь там по соседству живут варварские племена. Флорентий²⁰ считал это

дело настолько невыполнимым, что обещал заплатить варварам две тысячи литр серебра, лишь бы добиться от них права на проезд, и Констанций, узнав об этом (ему сообщили о таком намерении) написал мне и дал распоряжение пойти на это условие, если оно мне не покажется слишком позорным. Как же могло такое дело не быть позорным для нас, если даже Констанцию оно показалось позорным,—ему, слишком уже привыкшему во всем угождать варварам?

Ничего я им не заплатил, а пошел на них войной и при содействии богов добился подчинения племени салиев, прогнал хамабов²¹, забрал множество скота, женщин и детей. Я нагнал на них такого страха и подготовил такой поход против них, что они тотчас дали мне заложников и открыли безопасный путь для моего обоза с продовольствием.

Слишком много времени потребовалось бы для того, чтобы перечислить и описать все, что я сделал за четыре года. Вот главное: еще цезарем я трижды переходил через Рейн; я добился освобождения двадцати тысяч пленных, которых варвары держали по ту сторону Рейна; в двух боях и при одной осаде я захватил тысячу пленных, не таких, что уже не могут сражаться, а мужчин в расцвете сил; я отправил к Констанцию четыре легиона отличнейшей пехоты, три других более низкого качества и два отборных отряда всадников. В настоящее время с помощью богов я отбил обратно все наши города, а в ту пору уже около сорока.

Призываю Зевса и всех богов, покровителей наших городов и нашего рода, в свидетели моего доброго отношения к Констанцию и моей верности ему! Я относился к нему, как я желал бы, чтобы родной сын относился к отцу. Я воздавал ему такой почет, какого ни один цезарь доселе не воздавал императору. Он до сего времени не мог ни в чем упрекнуть меня, хотя я всегда говорил с ним откровенно; теперь же он выдумывает какие-то смехотворные поводы своего недовольства мной.

[В § 9—10 Юлиан говорит о том, как к нему были присланы помощники и заместители Пентадий, Павел и Гауденций, которые немедленно начали интриговать против него и внушили Констанцию мысль перебросить легионы, которыми командовал Юлиан, на Восток. Войска подняли мятеж и провозгласили Юлиана императором.]

11. ...Легионы прибыли; я, согласно обычаю, вышел к ним и стал их уговаривать продолжать свой путь; они простояли на месте один день, в течение которого я ничего не знал об их намерениях. Свидетели мои Зевс, Гелиос, Арес, Афина и все боги, что до самых сумерек я ничего не подозревал. Когда солнце стало садиться, меня предупредили о том, что готовится; дворец немедленно был окружен и повсюду раздались крики, между тем, как я еще размышлял, что мне делать, и еще не верил своим глазам. Все это произошло еще при жизни моей жены²², и я в ту пору отдыхал в нашей комнате в верхнем этаже; в стене этой комнаты было отвер-

стие, через которое я поклонялся Зевсу. Между тем крики и шум во дворце усиливались, и я обратился к богу с мольбой «знаменье дать мне...»²³ и он явил мне его.

Мне было дано веление повиноваться и не противиться страстному желанию войска. Тем не менее, даже после того, как знамение явилось мне, я отнюдь не согласился немедленно, но сопротивлялся сколько мог и не хотел ни провозглашения императором, ни венца. Но не мог же я один противиться такому множеству людей, тем более, что боги, желавшие свершения этого дела, все более распалили их жар и зачаровывали мою душу; наконец, около третьего часа кто-то из солдат набросил на меня золотую цепь, и я вступил во дворец, — богам это ведомо! — тяжело вздыхая от глубины моего сердца. Мне следовало бы, конечно, ободриться, доверяя божеству, явившему мне знамение; но меня мучила совесть, и я охотно скрылся бы, чтобы не показалось, будто я не до конца был покорен Констанцию. Во дворце господствовало смятение; приверженцы Констанция немедленно использовали его, чтобы затеять козни против меня, и стали раздавать солдатам деньги; они ждали одного из двух: либо среди солдат возникнут раздоры, либо они все вместе нападут на меня. Но один из членов свиты моей жены узнал об этих тайных делах и немедленно сообщил мне о них; когда же он увидел, что я ничего не предпринимаю, он вне себя, словно одержимый, стал кричать в толпу прямо на площади: «Воины, чужестранцы и граждане, не предавайте императора!» Гнев охватил солдат и все они, вооруженные, ворвались во дворец; видя, что я жив, они в радости, словно неожиданно встретив близких друзей, окружили меня, бросились меня обнимать, подняли себе на плечи; зрелище было удивительное, можно было подумать, что происходит некое священнодействие. Окружив меня со всех сторон, они стали требовать расправы со всеми приверженцами Констанция; какую борьбу мне пришлось выдержать, чтобы спасти их, знают одни боги.

12. А после всего этого, как держал я себя по отношению к Констанцию? Ни в одном из писем, которые я отправил ему до нынешнего дня, я не именовав себя званием, дарованным мне богами; я подписывал их просто «Цезарь». Я взял с солдат клятву, что они ничего не станут предпринимать, если он разрешит нам спокойно оставаться в Галлии и согласится с тем, что уже произошло. Все легионы, состоящие под моим командованием, обратились к нему с мольбами, заклиная его сохранить мир между нами двумя. А он, в ответ, поднимает против нас варваров, называет меня врагом; он даже платит варварам за то, что они опустошают галльскую землю. Он пишет тем варварам, которые живут по соседству с Италией, чтобы они остерегались всех воинов, переходящих границу Галлии. Он скопил на границах огромные запасы зерна, лежащие на складах в Бригантии²⁴. На западных склонах Альп он набрал столько же продовольствия для похода, который он задумал вести против меня. И это — не пустые слова, но уже решительные дей-

ствия; я перехватил тайные письма к варварам, задержал обозы с продовольствием и захватил переписку Тавра²⁵. И это еще не все: он и сейчас пишет мне как «цезарю» и извещает меня, что он ни в какое соглашение со мной входить не намерен. Он присылает ко мне некоего Эпиктета, епископа галлов, чтобы обеспечить мне безопасность. Об этом он пишет во всех своих письмах, в которых он обещает сохранить мне жизнь, но не говорит ни слова о моем почетном звании. Однако я придаю его клятвам столько же цены, как «словам, написанным на золе», — как говорит пословица, — я хорошо знаю, сколь они искренны. Но я решился защищать мою честь не только потому, что мое почетное звание законно и заслужено мной, но и потому, что это необходимо для благополучия моих друзей, — не говоря уже о том, с какой жестокостью Констанций управляет всем миром.

13. Вот что определило мои действия, вот что мне кажется справедливым. Прежде всего я почтил богов, видящих и слышащих все. Я принес богам жертвы, моля об успехе моего дела; в тот день, когда я должен был обратиться к моим солдатам с речью перед выступлением в этот поход, я дал им понять, что дело идет не о моем спасении, а о спасении государства, о свободе рода человеческого, а в особенности о существовании всех галлов, которых Констанций два раза предал в руки врагов; человек, который не чувствует почтения к могилам своих предков, конечно, не станет уважать и гробниц чужого племени. Но я счел необходимым привести к повиновению наиболее воинственные племена и собрать достаточные запасы золота и серебра в ожидании того, когда Констанцию будет угодно пойти на соглашение со мной и примириться с настоящим положением. Но если он намерен продолжать войну и не откажется от своих прежних притязаний, я готов бороться с ним всеми средствами, какие будут удобны богам. В противном случае я чувствовал бы себя опозоренным, так как я был бы побежден не силой оружия, а собственной робостью. Ведь если теперь он и победит меня, то будет обязан этой победой многочисленности своих солдат, и это будет заслугой не его самого, а его войска. А если бы из боязни за свою жизнь и из страха перед опасностью я остался в Галлии, он бы без труда сжал с обоих флангов мою армию полчищами варваров и ударил мне в лоб своими огромными войсками. Тогда мое положение стало бы безвыходным, и я был бы разбит, что для разумного мужа — ужасное несчастье²⁶.

Вот какими соображениями я хотел поделиться с вами, граждане афинские, и сообщить их в посланиях к моим братьям по оружию и ко всем городам Эллады. Пусть боги, владыки мироздания, даруют мне до конца свою обещанную мне поддержку. Пусть они дадут Афинам возможность насладиться всеми благами, которыми я постараюсь осчастливить их, насколько это будет в моей власти. Пусть боги дадут им императоров, проникнутых такими же убеждениями и готовых осуществить их на деле.

ЛИБАНИЙ

Либаний (314—393) является крупнейшим оратором IV века. Он был уроженцем сирийской Антиохии, получил прекрасное образование и скоро достиг известности. В течение многих лет Либаний выступал как оратор и преподаватель ораторского искусства в разных городах Малой Азии: он упоминает, например, о пяти годах, проведенных в Вифинии, о своих блестящих выступлениях в Никее. Уже пожилым человеком он приехал в Константинополь, но как язычник был изгнан оттуда фанатичным императором Констанцием. К старости Либаний вернулся в свой родной город, где занял почетную должность члена городской курии и имел свою собственную школу ораторского искусства. Он принимал горячее участие в городских делах и постоянно защищал интересы родного города перед сменявшимися императорами. Особым почетом он пользовался в годы правления своего любимого ученика, императора Юлиана, реформам которого, направленным на восстановление языческого культа, Либаний, как убежденный язычник, горячо сочувствовал; однако и сменявшие Юлиана императоры-христиане, Грациан и Феодосий, уважали Либания и исполняли многие его просьбы. От Либания до нас дошло около семидесяти речей, его автобиография, пятьдесят декламаций и свыше тысячи писем. Несмотря на любовь Либания к многословию, его речи представляют собой богатейший источник исторического и бытового характера.

К АНТИОХИЙЦАМ В ЗАЩИТУ РИТОРОВ

(§ 1—14, 19, 25, 31, 45, 46)

1. Что я не принадлежу к числу тех, кто постоянно докучает нашему городу своими просьбами и что до нынешнего дня вам, граждане антиохийские, не приходилось под воздействием моих речей тратиться на содержание преподавателей — ни в малой, ни в большой степени, — это вы все, конечно, можете признать. Я считал необходимым поступать так вовсе не потому, что боялся не добиться успеха даже в важном деле; напротив, чем охотнее вы — как я был уверен — примете любое решение, согласное с моим желанием, тем более обдуманно следовало поступать мне самому. Но теперь, поскольку молчать уже невозможно, даже если бы я очень сильно желал этого, я пришел, чтобы сказать то, чего не могу не сказать, не совершая несправедливости, и чему вы, если хотите поступить хорошо, должны поверить. И при этом окажется, что те, кто, на первый взгляд чем-то пожертвуют, на самом деле ничего не теряют, и в то же время стяжают себе славу величайшей щедрости.

2. Ведь если бы я сам владел таким богатством, что его хватало бы и на мои личные нужды, и на обеспечение этих людей [учителей], то я, обратившись к самому себе, сказал бы то самое, что теперь говорю вам и, выручив своих товарищей из беды, был бы сам вдвойне счастлив: как тем, что сделал им добро, так и тем, что мне не пришлось бы обсуждать на людях их бедственное положение, виновником которого — как бы я ни был осторожен в выражениях — несомненно, надо признать наш город.

3. Однако поскольку размер моего состояния таков, что я, правда, сам не вынужден ничего брать у других, но и не имею возможности давать, то только от вас, граждане, можно ожидать помощи; тем самым упреки ваших обвинителей, если таковые имеются, вы лишите силы. Оказав помощь теперь, вы покажете, что, конечно, оказали бы ее уже давно, если бы знали, что она нужна; и тогда, пожалуй, всякий станет порицать уже не вас, ничего не знавших о беде, а тех, кто вам о ней не сообщил.

4. Может быть, я заставаю заплакать тех, о ком хлопочу; когда я стану говорить об условиях, в которых они существуют, и рассказывать подробно о их горестной нужде, им, конечно, будет очень тяжело быть у всех на глазах; но для них будет лучше вытерпеть все, что я скажу об их бедности, но зато потом избавиться от нее, а вам следует — если даже кое-какие мои слова заденут вас — тоже стерпеть это, но зато в дальнейшем заслужить себе добрую славу.

5. Ведь если бы я завел речь об этом предмете, желая либо их унижить, либо вас обвинить, я поступил бы дурно; но поскольку я делаю это, чтобы они избавились от постоянной нужды, а вы — от

обвинений в небрежном отношении к тем людям, к которым относиться так не следовало, я, пожалуй, могу оказаться благодетелем тех и других — и тех, кому даю добрый совет, и тех, за кого ходатайствую. А вы можете проявить наибольшее внимание к моей речи, если вы, несмотря на то, что обстоятельства вашей жизни различны, все же не захотите придерживаться различных мнений по этому вопросу.

6. О чем же я говорю? Пусть ни тот, кто вовсе не имел детей, ни тот, у кого было много хороших детей, но они уже умерли, ни отец, имеющий одних только дочерей, ни тот, чьи дети либо еще не учатся у ритора, либо уже перестали нуждаться в них, — пусть никто из вас, ссылаясь на эти обстоятельства, не подумает, что данный вопрос его не касается, что якобы не потерпит ущерба, если правильное мнение не восторжествует. Ведь вы пришли сюда, чтобы держать совет о делах того города, к которому все вы принадлежите в равной степени, хотя и разнитесь между собой по своему семейному положению.

7. Одно дело надлежит нам теперь рассмотреть, что выгоднее для Антиохии, города прекрасного и великого, — позаботиться ли об учителях красноречия в нынешних бедственных обстоятельствах или вообще покончить с этим делом? Все, что способствует благоденствию и славе города, должно ведь быть вашей главной заботой, а в особенности то, что выдвинуло наш город на первое место по сравнению с другими. А это, если я не ошибаюсь, и есть наше владение красноречием, благодаря которому неразумные вспышки правящих лиц обуздываются мощью разумной речи. Если бы те, чья власть опирается на силу оружия и на победы в сражениях, вдруг согласились на прекращение производства оружия, то они лишились бы своего достоинства, да и самих себя погубили; подобным образом тот, кто возвысился благодаря искусству речи, если бы перестал заниматься им, поплатился бы за это сам.

8. О различных прочих недостатках обучения поговорим потом, а вот для так называемых «риторов» надо уже теперь найти какое-либо средство помощи; их под моим началом четверо, а под их руководством юноши изучают древних писателей. О том, что следует относиться к ним вдумчиво и заботливо, я и скажу несколько слов.

9. Если бы кто-нибудь спросил их: «Скажите-ка, вы сами родом антихийцы: или родители ваши здешние уроженцы? Или вы попали сюда по необходимости, спасаясь от мощных врагов или страшая судебного преследования?» Они отрицали бы и то и другое.

Но что же побудило их предпочесть чужбину родной стране? Вот что они сказали бы: «Опасаясь всяческих тревог, связанных с другими профессиями и стремясь к спокойной деятельности преподавателя, мы полагали, что, оставаясь дома, проведем жизнь, поглощенные разными мелкими делами и будем мало чем отличаться от тех, кто сидит на месте и бездельничает; а в этот именно го-

род мы были привлечены блестящими и пышными надеждами и многими примерами; скольких бедняков, не имеющих ничего за душой, приняли вы к себе и в скорости сделали одних владельцами обширных прекрасных земельных угодий, других наградили серебром, золотом и всякими другими богатствами. Рассчитывая на все это, скажут они вам, мы и поспешили сюда, чтобы поместить наше красноречие в надежное место, а самим получить и свою долю тех благ, которые достались нашим предшественникам».

10. Так будет ли хорошо, если они на опыте убедятся, что эта добрая слава обманчива, что вы представлялись им в воображении лучшими людьми, чем оказались на деле, и что они, явившиеся сюда с радостью, должны теперь пасть духом? Они покидали своих близких, ссылаясь на то, что уходят на поиски такого заработка, который позволит им и себя содержать и домашним помогать, а теперь они не только посылать домой ничего не могут, но были бы рады хоть получить из дому хотя бы самую малость, лишь бы им что-нибудь прислали!

11. Пусть вас не вводят в обман ни их звание — учителей и ристоров, ни то, что они восседают на кафедре, словно на престоле, ни разные их повадки, а выслушайте того, кто досконально знает все их дела и скажет вам чистую правду: у одних нет даже домишка, а они ютятся в чужом углу, словно башмачники, что чинят старую обувь; а кто купил домик, не выплатил долга, так что ему приходится еще тяжелей, чем тому, кто ничего не покупал. Рабов у кого три, у кого два, а у кого и вовсе нет; да и те, именно потому, что их так мало, пьянствуют и оскорбляют своих хозяев, которые часто не умеют с ними справиться и заставить их слушаться, как следовало бы. Одного считают счастливым за то, что у него только один ребенок, другого — несчастным за его многодетность, третьему приходится вести себя осмотрительно, чтобы не попасть в такое же положение, а четвертого называют умником за то, что он боится вообще вступать в брак.

12. В прежние времена учителя, — такие же как они, — захаживали, бывало, к серебряных дел мастеру, заказывали утварь, подолгу рассуждали с работниками мастерской, подчас порицая сделанную ими работу и показывая, как ее улучшить, подчас похваливая мастеров, работавших быстро или подгоняя медлительных; а этим учителям приходилось больше всего вести разговоры — можете мне поверить — с пекарями; причем, не пекари должны им за недоставленный хлеб, не пекари просят у них денег взаймы, — нет — они сами кругом в долгу у пекарей, вечно обещают расплатиться и вечно вынуждены просить дать им еще хлеба в долг; терзаемые противоречивыми чувствами, они должны и бегать от поставщиков и за ними гоняться; как должники, они бегают от них, а как просители, бегают за ними; не отдав долга, они от стыда опускают глаза, а пустой желудок заставляет их смотреть прямо в лицо займодавцу; а когда нужда все растет, на отдачу долга ниоткуда помощи не пред-

видится, они снимают у жены серьги или запястья и, прокляная свое искусство речи, кладут их в руку пекаря и уходят, размышляя не о том, как бы вознаградить жену, а о том, какую домашнюю утварь придется пустить в ход на следующий раз.

13. И вот, закончив свои уроки, они не спешат, как следовало бы, отдохнуть от трудов, а медлят и задерживаются возможно дольше, так как дома они еще сильнее почувствуют свое бедственное положение; садятся они в кружок и плачутся каждый на свои горести и тому, кто жалуется на свои обстоятельства, — они-де ужасны — приходится услышать об еще более тяжелых.

14. Находясь среди них, я готов провалиться сквозь землю — и по двум причинам: во-первых, как ваш согражданин, во-вторых, как «корифей этого хора»; по обеим этим причинам мне следовало бы протянуть им руку помощи, а я до сих пор только скорбел об этом, но не сделал ни шага, пока, наконец, мое поведение не показалось мне малодушным и низким; тогда я решил, что надо немедленно найти средство помочь этой беде, для городского совета не отяготительное, а для риториков удовлетворительное.

19. «Как?», пожалуй, спросит кто-нибудь, «разве они ежегодно не получают установленной платы?» Во-первых, они получают ее не ежегодно, а им то дают ее, то никто им ее не выдает, то выдают им только часть, то совсем задерживают. Уж не стану говорить о той волоките, с которой нам приходится иметь дело при обращении к управителям, начальникам, казначеям, к любому надменному чиновнику; и вот свободный человек вынужден кланяться, расточать слова, изворачиваться и лстить тому, кто ниже его; это для человека, уважающего себя, — а таким и подобает быть учителю, — тяжелее самой ужасной голодовки.

25. А между тем есть люди, которые, сидя в цырульнях, болтают о высоких заработках учителей, составляя списки учащихся юношей и насчитывая на пальцах огромные суммы денег; они, пожалуй, и сейчас зададут мне вопрос: «а где же плата, поступающая от учеников?» Ответить нелегко и не потому, чтобы правильного ответа не было, — он у меня, конечно, готов, — но потому, что самый правдивый ответ покажется вам неправдоподобным. Дело в том, что люди, нажившие себе в былые времена преподаванием большие богатства, заставили всех думать, что владение этим искусством ведет к огромным заработкам; по справедливости дело должно было обстоять именно так, но в действительности оно обстоит совсем иначе: значение искусства речи упало, а почему это произошло, об этом те, кто знаком с условиями нашей работы, знают, но я скажу об этом несколько слов для тех, кто об этом не осведомлен.

[В § 26—30 Либаний говорит о равнодушии императора Констанция к красноречию, о кратком подъеме этого искусства при Юлиане и жалуется на то, что значение ораторского искусства непрерывно падает.]

31. А впрочем, к чему строить разные предположения, если можно, занявшись точным опросом, ясно узнать, как обстоит дело? Пусть тот, кто думает, будто от учеников поступает много денег, пойдет в школу и, севши у кафедры, вызывает и спрашивает каждого, какую плату получает от него преподаватель; думаю я, что, кроме очень немногих, все остальные ученики, если бы знали, зачем их вызывают, обратились бы в бегство и скрылись, кто где сумеет; они не осмелились бы солгать и посоветились бы сказать, что ничего не платят; а некоторые платят такую малость, что им хотелось бы умолчать об этом, — пожалуй, больше, чем тем, кто не платит ничего.

45. Но уже не говоря о том, что эти учителя владеют искусством речи, разве по всем остальным своим качествам они не заслуживают благожелательного отношения к себе? Разве один из них не прожил больше тридцати лет, постоянно нуждаясь и не ропща, никого не обвиняя и ни в чем не обвиненный? А другой, живя вместе со своими близкими знакомыми, никогда не сплетничал и не изменял старой дружбе ради новой; третий — человек смелый, но отнюдь не злой, точно соблюдающий во всем меру и готовый идти на риск за свои убеждения; а о самом молодом из них, что можно сказать, кроме того, что он, будучи сам еще мальчиком, уже стал руководителем детей и ни одному доносчику не дал никакого повода для обвинения?

46. Так неужели же вы не позаботитесь об этих людях, владеющих искусством речи и вполне достойных по своему характеру? Ведь если бы я просил о чем-нибудь для себя, никто из вас не возразил бы ни слова, а раз я об этом прошу для других, вы не дадите им ничего? Предположим, что я выступил здесь, рассказал о себе все то, что говорил о них, и даже зная, что иду на риск, сказал: «За все это дайте мне что-либо из земельных владений города, как это полагается», — неужели нашелся бы кто-нибудь, столь неразумный, нахальный и бессовестный, что он решился бы встать с места и открыто возражать? Не думаю. Вот теперь и считайте, что нынче получатель — я, и то, что вы дадите им, вы дали мне; а я пред лицом всех вас открыто заявляю, что почет оказан именно мне. Такое решение послужит вам к чести и славе, а если кому-нибудь была неприятна моя нынешняя речь, то впоследствии ему доставит удовольствие его собственный поступок

К ТЕМ, КТО НЕ ХОЧЕТ ВЫСТУПАТЬ С РЕЧАМИ

(§ 1—7, 9, 12, 13, 15, 16, 26, 28)

1. Всякий, кто заметит, как упорно вы храните молчание в судах, может, пожалуй, пролить горькую слезу и надо мной, и над нашим городом, и над вами самими, и над вашими отцами, живы ли они или уже умерли. А между тем вы уже давно могли смыть с себя этот позор, если бы вы не смотрели свысока на мои увещания, да и теперь еще не поздно сделать это, если вы захотите меня послушаться.

2. Поэтому я умоляю богов, хранящих наш город, дать мне толково по порядку изложить мои вам советы — ради чего я и пришел сюда — и убедить вас в их правильности. Ведь успех речи и для самого оратора, и для слушателей заключается в том, чтобы его слова были оценены как весьма достойные, а слышавшие их предпочли то, что для них полезно тому, что их улаживает. Если же вы и впредь будете придерживаться такого образа действий, как теперь, но хотя бы не столь упорно, то я и тогда буду считать это своей удачей — ведь это произойдет в результате моих советов.

3. Пусть кто-либо ответит мне хотя бы на один вопрос: «Какое звание имеее вы все?» Он, конечно, скажет: «Мы — члены городского совета». В чем же заключается смысл этого звания? В том, чтобы сознательно выполнять свои общественные обязанности, вносить в своих речах необходимые предложения, противодействовать вредным мероприятиям, с одними мнениями соглашаться, другие — оспаривать, оказывать содействие правителям благоразумным и бороться с теми, кто не видит, что полезно для города, противопоставлять голосам, исходящим с императорского престола, голоса совета и пользоваться своим искусством речи так, чтобы наводить страх, а не поддаваться ему.

4. Это и есть подлинное дело членов совета, а не забота о дровах, дорогах, о конях и атлетах, о медведях и звероловах. Конечно, расходы и на все это — дело достойное; оно приносит почет и городу, и жертвователю, но все же выполнять эти дела — не значит быть членом совета, это — различные виды общественных повинностей, а выполнение обязанностей члена совета — совсем другое, а именно то, о чем я сказал раньше. И даже если кто-либо десять раз выполнял каждую из этих повинностей в пользу своей родины, то это будет доказательством его щедрости и великодушия, принесет ему славу, но отсюда еще далеко до подлинного государственного дела.

5. Многие отцы и — Зевс свидетель — даже матери после смерти мужа брали на себя такие расходы от имени детей, только что отнятых от груди, а иногда даже грудных. Так разве кто-нибудь может присудить им звание члена совета? Думаю, никто, если он

в здравом уме. Каким же образом младенец, который даже не знает, что выполняет общественную повинность, мог бы на деле быть членом совета? И как же тот, кто не выполняет самого дела, может носить соответствующее звание? Так вот и вы, как малые дети, повинности отправляете, а дела не выполняете.

6. Уже и раньше слышал об этом я от людей, которые рады поиздеваться надо мной и понасмехаться над вами; я и тогда не имел основания не верить им, я ведь знал, каков ваш дар речи и при других обстоятельствах, но теперь я полностью убедился в неудаче моего обучения: пришлось мне придти в совет, чтобы обратиться с речью к правителю, чего, собственно говоря, делать не следовало. Совет был в полном сборе. Разбирался один важный вопрос, требовавший речей и ораторских выступлений. Прочие члены совета выступали, говоря о том, что им казалось полезным, а вы выполняли ваши гражданские обязанности молча и участвовали в обсуждении вопроса только тем, что время от времени кивали головой в знак одобрения; вернее, это делали те из вас, кто сидел на виду, а другие не делали и этого, а прятались за чужие спины, ничем не отличаясь от слуг, которые не сводят взгляда со своих хозяев. А когда вы стали расходиться, то те, кто выступали с речами, могли быть собой довольны, а вам, все время молчавшим, пришлось и здесь помалкивать: те, кто примкнули к первым, могли за них порадоваться, а сопровождавшие вас чувствовали себя униженными.

7. А что вы, вернувшись домой к обеду, могли сказать своим матерям? Если вы обманули их, говоря, что вы пришли к ним после произнесения речи, то вы поступили дурно, если же вы сознались в том, что не вымолвили ни слова, то вы заставили их тяжело вздохнуть и почувствовать себя злосчастными матерями; они проклянут тот день и час, когда родили вас на позор, упрёки и поношение для себя. Пожалуй, любому ремесленнику станет стыдно за вас; как ему выполнять ваши распоряжения, как надеяться на то, что вы поможете ему в беде, если вы сами нуждаетесь в других людях, которые станут говорить за вас?..

9. Если бы вы были гражданами города, достигшего известности вследствие обладания какими-либо другими общепризнанными благами, а не за красноречие членов своего городского совета, то и тогда вам следовало бы стать лучше ваших отцов и с полным правом применить к себе слова Сфенела¹, но вы могли бы как-то оправдаться тем, что в свое время не приобрели искусства речи. Однако любой человек может установить, что наш город прославился именно тем, что члены его совета этим искусством владеют; поэтому-то у нас и преподаватели красноречия немало времени уделяют эпидиктическим речам. Следовательно, крайне дурно не стать наследниками и этого богатства и в течение вашей жизни загубить приобретенную городом славу. Ведь если бы вы разрушили городские стены, вы были бы привлечены к суду, а, лишая город тех

почестей, которые он заслужил своим искусством речи, разве вы поступаете достойно?..

12. А что может быть хуже вашего молчания? И какую вы найдете отговорку, чтоб оправдать себя? На родителей вы пожаловаться не можете, — что они якобы не послали вас к тем, у кого можно было научиться говорить, что они не покупали вам книг и не платили за ваше обучение; не можете пожаловаться и на нас, учителей, будто мы плохо знаем свое дело. Правильность этих моих слов могут засвидетельствовать многие города во многих областях, в которых мои воспитанники благодаря искусству речи достигли высокого положения; если бы на это не потребовалось слишком много времени и не было бы нескромным, то я мог бы их перечислить.

13. Вы были ничем не хуже их, пока учились в школе, от природы вы достаточно одарены для того, чтобы воспринять основы искусства речи, да и в усердии у вас в ту пору недостатка не было; но в последующее время они и вы пошли разными путями; они сохранили приобретенное, а вы его упустили сквозь пальцы; а причина в том, что они читают книги, а вы охотнее возьмете в руки змею, чем книгу; они не заменили чтение конскими состязаниями, а вы считаете состязания высшей радостью жизни и, забывая обо всем прочем, думаете только о том, какой из возниц самый ловкий и кто из них победит; и того провидца, который вам это предскажет, вы чтите больше, чем самих богов; а из зрителей вы уважаете тех, которые «пашут поле» гипподрома и наживаются тем, что, сидя наверху, ободряют своими выкриками скаковых коней, а вместе с ними и возницу. Вот кому вы поклоняетесь, кому завидуете, кому подражаете; вот на кого вы хотите стать похожими, а не на ваших отцов; и — кланусь Зевсом — вы действительно уже на них похожи; да среди вас есть и такие, которые даже превзошли многих из этих людей, и вы гордитесь этой победой больше, чем победители на олимпийских играх...

15. Разве я не дооценивал эту опасную болезнь и не поступал, как врачи, сокрушаясь о вас? Разве я оставлял вас в покое, ограничиваясь ругательством? Разве я пропускал хотя бы один день, не увещевая вас: «Дорогие мои, протрезвитесь, не опьяняйте себя больше, одумайтесь, ведь это безумие, придите в себя; пожалейте себя, пожалейте и меня; научитесь пользоваться языком лучше, чем ваши рабы; в настоящее время вы отличаетесь от них только своим положением; а если бы вы и они очутились голыми перед кем-нибудь, кому о вас ничего не известно, и он бы послушал, каким языком говорите вы и они, он, мне думается, счел бы несправедливым, что одни являются господами, другие — слугами».

16. Разве вы не слышали от меня постоянно одних и тех же увещаний в этом роде? Разве вам, чуть вы меня завидите, не казалось, что я скажу именно это самое? Разве не потому, что вы ожидали от меня таких слов, вы часто пускались бежать? Разве

я не просил вас перестать относиться с ненавистью к Демосфену? Разве я не исправлял весьма настойчиво ошибки в вашей речи? и разве не обещал, что от многих недостатков можно легко избавиться? Правда, даже это казалось вам слишком трудным. Но уже если вы раньше не исправились, то хотя бы теперь, любезные друзья, докажите свое звание на деле, и станьте теми, кем вас именуют — членами городского совета.

26. Но ведь мне могут возразить: «сладостно безделье, а то, о чем ты говоришь, требует труда». Да, и что же в этом страшного — отстать от вредных удовольствий и обратиться к полезному труду? Ведь если результат второго лучше, чем результат первого, то и сам труд лучше удовольствий. Ведь и земледельцу приятно ничего не делать, но тогда придется голодать; поэтому-то они пахут и сеют и работают, не покладая рук, чтобы их не застиг голод. Много труда и у мореплавателей, — клянусь Зевсом — к тому же еще немало и опасностей. Но увеличить свое имущество приятнее, чем сидеть на берегу, не всходя на корабль. Если бы так, как вы, рассуждал кулачный боец, разве он ушел бы с состязания увенчанным? Сладко проводить жизнь, не произнося речей; а разве, если будешь молчать в судах, это не приведет к беде? Чтение портит глаза — а разве плод его не слаще всего прочего?..

28. Станьте же великими, мощными и знаменитыми; вам должно быть стыдно, что ваши ровесники в других городах называют вас трусливыми зайцами; заставьте их называть вас каким-нибудь более красивым именем. И, может быть, если придется когда-нибудь отправлять посольство, обратятся к вам, минуя старших, которым следует дать немного отдохнуть, и полагая, что вы достаточно разумны и можете принести не меньше пользы, чем они. Это послужило бы к украшению нашего города больше, чем все его площади и портики; вам самим это доставит больше радости, чем атлеты, псари и возницы, а мою душу избавило бы от уныния, часто овладевающего мной; только это одно было бы для меня в настоящее время целебным средством.

Речь 25

О РАБСТВЕ

(§ 1—3; 8—16; 20, 21, 28—30, 38, 67, 71)

1. Два слова — «раб» и «свободный» — звучат по всей земле, и в домах, и на площадях, и на полях, и на лугах, и на горах, а теперь уже и на кораблях, и на лодках. Одно из них — «свободный» — якобы связано с понятием счастья, а другое — «раб» — с его противоположностью. И если кого-нибудь оскорбят, то оскорбленный негодует особенно сильно, если он свободный; если же кто-нибудь

дурно обращается с рабом и его за это осуждают, то, напротив, негодует он, говоря, что рабов можно бить, ведь они все равно, что камни.

2. А я, издавна вглядываясь в разные житейские обстоятельства, за свою долгую жизнь не раз проливал слезы по поводу судьбы других людей и моей собственной, и полагаю, что одно из этих слов следует упразднить, ибо оно не соответствует никакому реальному предмету.

3. Задолго до моего рождения заметил это поэт Еврипид, творец «Гекабы». Ибо, когда Гекаба умоляет Агамемнона помочь ей покарать Полиместора, Агамемнон боится сделать это, чтобы его не оклеветали перед лицом его войска, будто он заботится больше о делах врагов, чем о своих соотечественниках; старуха же, видя, что даже сам вождь ахейцев боится ахейцев, говорит:

Увы! Меж смертными людьми свободных нет;
Но каждый — раб, иль денег, иль своей судьбы:
То прихоти толпы, то писанный закон
Ему препятствует разумно жизнь вести¹.

И от этих причин, да и от многих других рождается рабство.

8. У тех, кто хвастается своей свободой, его свободу прежде всего ограничивает то, что он не властен делать все, что ему угодно, а вынужден заниматься тем, что ему при рождении назначила Мойра. Посмотри, например, вот я хочу плавать по морям и разбогатеть, посещая разные гавани, а Мойра гонит меня на сушу, к волам, бороздам и посеву, к косе и житнице, и живу я, лишенный желанного и занимаюсь малым, жить в безопасности, а Мойра гонит его на корабль, и он вместо поля бороздит море, едва-едва огражденный от смертельной опасности дощатыми бортами; третий влюблен в риторику, а обучается у гимнаста, прославлен своей силой и увенчан в Олимпии, а тот, кто жаждет венка из Писы², предназначен к занятиям красноречием.

9. И вообще часто можно заметить, как личные желания борются с решением Мойр, и как повсюду побеждают Мойры: кто избегает брака, женится, а холостяк всю жизнь приносит жертву богу брака. От Мойр же зависят и бедность, и богатство, и многодетность, и бездетность, и срок жизни, более или менее долгий.

10. Почему же ты жалеешь слугу и называешь его рабом за то, что он действует по твоему мановению, за то, что твои намерения как бы налагают на него узду, и он вынужден однако делать, от другого воздерживаться? А тобой самим решения Мойр руководят тверже, чем рулевой — кораблем, и ты, сопротивляясь им, никаким образом не можешь стать свободным и преодолеть их волю.

11. Есть, правда, люди, которые не произносят имени Мойр, а во всем винят богиню Судьбы, приписывая ей равным образом и

хорошее, и дурное, и хвалят того, кто сказал: «жизнь людей — дело судьбы», будто это она делает знаменитых незаметными, а незаметных — знаменитыми, а потом и тех и других возвращает в прежнее положение, и у одного отнимает богатство, другому дает.

12. Эти люди думают, что война и мир, здоровье и болезнь и вообще все, что приносит пользу или вред людям, — все прошедшее, настоящее и будущее зависит от решения Судьбы. Для нас невозможно ни судиться с ней, ни требовать праведного суда, ни свергнуть ее могущество военной силой, как лакедемоняне — власть Писистратидов³.

13. Почему же твой раб больше рабствует тебе, чем сам ты Судьбе? Если ты можешь, поддавшись гневу, послать его нагим работать на мельнице, то и она может раздеть тебя догола и послать к дверям богачей ждать от них подачки. Однако даже если ты до конца жизни пребываешь в благополучии и не пережил никаких потрясений по воле Судьбы, то ты не сам закрепил за собой свое благополучие, точно так же, как и раб не может благоденствовать, если этого не хочет его господин; то, что мы — для них, то она — для нас. Видно, рабство исходит откуда-то свыше, и, может быть, с неба; надо полагать, что и Тихе поставлен престол на небе, хотя она и не принадлежит к числу двенадцати богов⁴.

14. Давайте посмотрим теперь, каких владык и владычиц мы сами поставили над собой; они исходят изнутри, из нас самих, губят нас, и — что самое нелепое — те, кого они губят, любят их.

15. На первом месте стоит обжорство и пьянство; разве это не наши владыки? Они отвлекают людей от разумных и полезных дел, подобающих мужчине, и гонят на богатые пирушки, напоминающие пиры персов и сибаритов, до поздней ночи приковывают нас к месту (словно злые погонщики своих ослов), с набитым желудком и тяжелой головой и наконец отправляют их домой, причем они плетутся в безобразном состоянии, шатаясь, не владея ногами; а проспавшись, эти люди опять поддаются тому же соблазну, и всю жизнь проводят в пьянстве, рабствуя перед винными кратерами, пифосами⁵ и кубками.

16. Еще одним владыкой является гнев, не приходящий на помощь разуму в тех случаях, когда это могло бы быть справедливым и полезным, но делая разум себе подвластным и нагло присваивая себе господство. Того, кем он овладеет, он гонит без оглядки и производит смятение большее, чем буря на море, которая обрушилась на сына Лаэрта⁶. И вот такой человек вскипает постоянно, по любому случаю, против кого угодно, словно сосуд на большом огне, и мало чем отличается от пса, лающего без толку; он орет, становится нестерпимо дерзким, сыплет непристойные слова и поэтому большинство людей становится его врагами...

20. А того, кого пожирает зависть, она губит уже не тем, что доставляет ему наслаждение, нет — она причиняет зло и самому завистнику и предмету зависти, но завистнику вредит больше; ведь тому, кому завидуют, иногда наносится ущерб, а иногда и не наносится, а тому, в ком она укоренилась, она терзает душу, истощает тело, делает его мрачнее, чем людей, оплакивающих своих умерших близких; а горюет он не о том, что с ним самим случилось что-то дурное, а что кому-то другому повезло.

21. Если бы я человека, страдаемого таким недугом, назвал свободным, разве я бы не ошибся? Он чувствует себя более подавленным душой, чем любой раб, носящий на лбу клеймо; ведь если хозяин позволит рабу отпустить спереди волосы, то, скрыв позорное клеймо, раб может опять смеяться, как неклеяемый, а печаль завистника не рассеет ничто. Какой же человек, находясь в здравом рассудке, не согласится, что лучше попасть в плен к врагам, чем носить в себе зависть, пустившую глубокие корни в душе, владычицу дикую, озлобленную и угрюмую?

28. Какой же такой чрезмерно тяжелой работой обременяет раба хозяин? Обязанность его как раба — прислуживать тому, кто его купил, за трапезой и в купальне, стирать одежду, запрягать лошадей и питаться либо остатками яств, либо другой пищей, которая, конечно, по изысканности не равна хозяйской, но за то полезнее. Поэтому рабы в большинстве случаев здоровей своих господ: последние болеют от безделья, первых избавляет от недугов труд.

29. Кроме того, для раба возможен побег; можно найти убежище и на суше, и на море, также в горах и рощах; он может укрыться у козопасов, у пастухов, сторожащих рогатый скот, может сам стать пастухом и освободиться от рабства; а от тех владык, которых я перечислил, разве убежишь? Разве от них возможен побег? Куда ни придешь, несешь с собой своего владыку.

30. Но вот приходит врач лечить то раба, то хозяина, а нередко обоих в один и тот же день. У кого же из них тело свободно той свободой, которая дается здоровьем? Иногда у одного, иногда у другого, но навсегда она не дана никому. А когда хозяина, скованного подагрой, несут в кресле сильные рабы, то разве не является признаком их рабского состояния то, что они являются теми, кто носит, а признаком его рабства то, что его носят? Но ведь он стоит и жалуется гораздо больше, чем носильщики. Пожалуй, не найдется такого бездельника или бедняка, который бы не предпочел быть рабом у своего господина, но не рабствовать такой болезни.

38. Но разве земледелец не свободен? Как так? Над всем его трудом ведь господствует состояние воздуха, ветры и дожди; он должен постоянно, принося жертвы, молить тех, кто дает семенам прорасти, злакам подрасти и колоситься, а колосу наливать-

ся. И это все еще недостаточная помощь, ибо если не будет ветра в ту пору, то все предыдущие старания трудолюбивого земледельца погибли.

67. Однако ссылаться на неблагоприятные условия, на гнев Зевса, на отсутствие ветра и на все то, что дает урожай хозяину, нельзя, если дело идет о снабжении рабов; ведь раба питает земля, даже не принеся урожай, одежду для него ткут, а обувь шьют, пока он поживает; он вступает в брак, а заботиться ему ни о чем не надо, обо всем должен заботиться хозяин, а от раба требуется одно — проявить свою силу на ложе. Если раб заболевает, у него одна печаль — сама его болезнь, а о лекарствах, врачах и заклинаниях должен хлопотать кто-то другой; на случай смерти ему тоже нечего думать о погребении; у него есть могильщик, тот, кого принято считать хозяином, но кто на самом деле является рабом...

71. «Но, говорят, раб принадлежит то одному, то другому и его тело поступает в продажу». А почему же он столь несчастен оттого, что один получил какую-то сумму, а другой ее отдал? Ведь это не искалечило его тела, не нанесло вреда его душе, и если он владел каким-нибудь ремеслом, оно при нем и осталось; и часто, если судьба к нему благосклонна, он попадает из более бедного в более богатый дом.

...Итак, никто не свободен, а свободен ли философ, это мы рассмотрим, друзья, в другой беседе.

Речь 6

О ЖАДНОСТИ (§ 1—5, 8, 11, 15—17)

1. Нелегко встретить, друзья мои, человека, который не жаловался бы на богиню Судьбы и не называл ее несправедливой, а себя несчастным: кто красив, но ростом невысок, упрекает ее в несправедливости, а себя считает злополучным, — так же и тот, кто высок ростом, но не красив; тот, у кого есть оба эти качества, сетует, зачем он не силен, а у кого есть все три, упрекает богиню в том, что он не скороход.

2. Но даже если бы у него были налицо все эти телесные преимущества, он все равно не был бы доволен и не благодарил бы божество за это; «я не владею риторикой, — говорит он себе тогда, — не знаю врачебного искусства, не умею вести беседу, не могу играть на кифаре и быть полководцем». Он упускает из вида все, что у него есть, перечисляет все, чего у него нет, и думает, что

судьба не пошла ему навстречу; между тем не судьба несправедлива к нему, а несправедлив он сам.

3. Но за отсутствие всех этих свойств он, пожалуй, еще не станет очень уж винить судьбу, но как только речь пойдет о деньгах или о должностях,—о, какие тут сыплются попреки и никак не удастся заткнуть его злоречивую глотку! Тот, кто обрабатывает одно поле, жалуется на то, что у него не два, у кого два — почему не три, у кого три — почему не четыре, у кого десять — почему не двадцать, у кого много, зачем не вдвое больше, у кого вдвое больше — зачем не во много раз больше. И никаким множеством не удовлетворишь эти жадные требования.

4. То же самое чувство переживают такие люди, когда подумают, что можно иметь больше денег, чем есть у них; и поэтому одна и та же сумма представляется им и малой и большой,—большой, пока они ее не заполучили, и малой, когда она уже у них в руках. Тысяча талантов золота мало по сравнению с двумя тысячами, а две тысячи мало по сравнению с суммой, в десять раз большей.

5. Итак, не находится ничего, что заставило бы их похвалить Судьбу; то же самое и в вопросе о должностях: положим, кто-то управляет городом; он несчастен, потому что правит не областью; другой управляет областью — злосчастный, он правит не многими областями! третий — многими, зачем он не префект? и тот, кто не подчинен никому, кроме скипетроносца, все-таки считает себя несчастным. Также несчастен и главный префект, если он не облечен еще высшим званием консула. Вот он получает и это звание, но он хочет руководить государем и направлять его деятельность по своему усмотрению, а если это ему не удастся, какое страшное несчастье! Судьба к нему неблагоприятна и не дала ему ничего из своих даров!..

8. И даже если человек вкусит от всех даров судьбы, он сидит, испуская стоны по поводу того, что человеку неминуемо суждено умереть; он называет блаженными только небо и солнце — ведь они будут жить вечно и никогда не погибнут; вот насколько ненасытное и неблагодарное существо — человек...

11. Жил однажды в Египте человек корыстолюбивый; он вступал в дружбу только с теми, у кого не было детей, чтобы считаться у них за сына, наследовал имущество умерших и таким образом из бедняка сделался богачом; но всех бездетных отцов, которые еще оставались в живых, он ненавидел. Когда один из его знакомых, страдавший той же болезнью жадности, что и он сам, стал восхвалять его счастливую судьбу, благодаря которой у него составилось одно огромное состояние из многих небольших, он сказал: «меня нельзя называть счастливым до тех пор, пока и эти последние не умрут», — он подразумевал тех, чье имущество он надеялся прибрать к рукам...

15. Но ты, человек, преклонись перед богиней и считай себя счастливым, если ты здоров душой и чист телом, если у тебя разум-

ная жена, добропорядочные дети, если ты сохранил отцовское добро и имеешь искренних друзей.

16. А ты, зарабатывающий себе на пропитание трудами рук своих, цени то, что у тебя есть руки и что ты умеешь ими пользоваться; а ты, судебный оратор, цени свое искусство речи, даже если тебе не дают никакой государственной должности; ты же, управляющий одним городом, цени это, если тебе и не поручают управлять другими городами; а ты, учитель, цени свою независимую жизнь. И всякого, кто, не нуждаясь в врачах, после купанья идет обедать и не боится неприятностей, которые может ему причинить сикофант, следует причислить к тем, кто имеет полное право восхвалять Судьбу.

17. Недавно я говорил это одному из своих приятелей. Мы собирались мыться и были уже почти раздеты, когда я обратился с мольбой к Афродите и Сатиру отпустить меня домой вполне убаготворенным; а мой приятель заявил, что нет человека злополучнее его. Я же, услышав это, разбил его за то, что, имея возможность выкупаться, пообедать и выпить вина, а не приняв лекарство, он при всем этом еще считает себя несчастным. Он признал, что я прав, и с тех пор, когда на него нападало уныние, он всегда повторял самому себе мои слова и ему становилось легче.

Речь 60

МОНОДИЯ НА ХРАМ АПОЛЛОНА В ДАФНЕ ¹

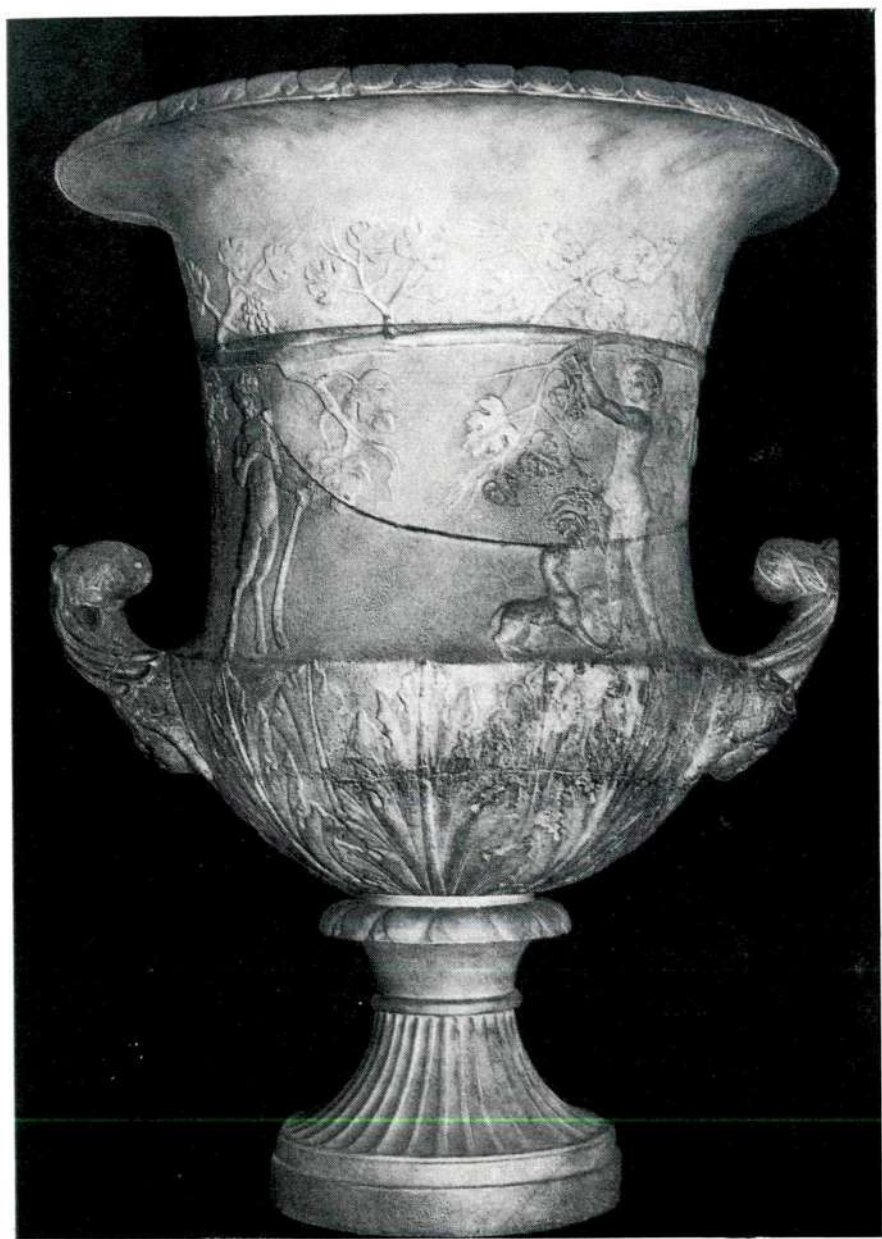
(§ 1—3, 6, 9, 11—14)

1. Мужи! Ваши глаза, так же как и мои, затуманены слезами; нам уже никогда не придется называть наш город ни прекрасным, ни величественным...

2. Царь персов ², прародитель того, кто ныне воюет против нас, некогда с помощью предателя захватил город и поджег его, а потом направился в Дафну, чтобы подвергнуть ее тому же; но бог отвратил его от этого намерения, и он, отбросив факел, преклонился перед Аполлоном; так смягчил и обуздал его бог, явившись ему...

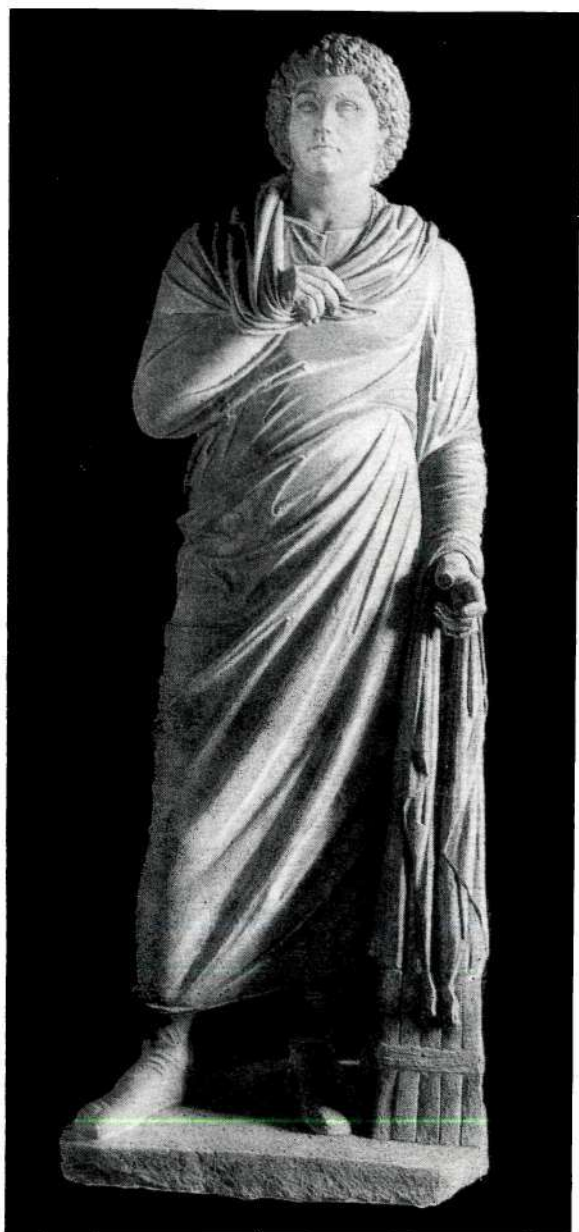
3. Итак, тот, кто пришел на нас походом, нашел более полезным для себя сохранить храм в целости, и красота статуи оказалась сильнее гнева варвара. А ныне, о Гелиос и Гея, кто и откуда явился этот враг, который, не имея ни гоплитов, ни всадников, ни легковооруженных воинов, одной малой искоркой погубил все...

6. Какое место отдохновения для утомленного духа мы утратили, о Зевс! Сколь безмятежна была сама Дафна, насколько безмятежнее ее храм, словно сама природа создала возле залива этот тихий залив — и тот, и другой безбурны, но второй дарует большее успокоение; кто мог не найти там исцеления от болезни, от

Вази с вакхическим рельефом

Мрамор. Начало I века н. э.

Статуя мужчины
Мрамор. I век н. э.

страха, от горя? Кто стал бы стремиться оттуда на «острова блаженных»?

9. О десница злого демона! О, преступное пламя! На что набросилось оно прежде всего? С чего началось это бедствие? Может быть, вспыхнув на крыше, огонь постепенно охватывал все остальное — главу, лик, чашу, кифару, длинный хитон? И ни Гефест, хранитель огня, не отвратил бушующего пламени, чтобы отблагодарить бога за указание, некогда от него полученное? Ни Зевс, держащий в узде дождевые потоки, не излил водные струи на пламя, он, который некогда угасил костер злополучного лидийского владыки? ³...

11. Мужи, душа моя влекома к образу бога, и в моем представлении восстает перед глазами его облик, стройная фигура, нежная шея, изваянная из камня, пояс, стягивающий на груди золотой хитон так, что одна часть его подобрана, а другая свободно развевается; на кого, даже пылающего гневом, весь этот облик не подействовал бы миротворно? Бог был изображен поющим песнь; и подчас, говорят, слышали в полдень, как он играл на кифаре — счастливы те, чьи уши это слышали! Эта песнь была восхвалением земли; и в честь земли он как будто совершал возлияние из золотого кубка...

12. Испустил крик прохожий, шедший мимо на ранней заре, возопила жрица бога, любимая им обитательница Дафны; удары в грудь и пронзительные вопли пронесли по густой роще и достигли города, распространяя страх и ужас; и очи правителя, только что смежившиеся сном от этой горькой вести, распростились с отдыхом; обезумев, он помчался в Дафну, он жаждал иметь крылья Гермеса, он сам старался раскрыть причину бедствия, пылая в душе столь же жарким огнем, как храм. А горящие строила рушились и губили все, на что попадали, раньше всего статую Аполлона, — он был ближе всего к кровле — а потом и все остальное, красоту муз, изображения основателей города, блеск мрамора, стройность колонн. А народ толпился вокруг, рыдая, бессильный помочь, — так бывает с теми, кто, стоя на берегу, видит крушение корабля и может помочь только тем, что проливает слезы.

13. Великий плач подняли вынырнувшие из ручьев Нимфы, заплакал Зевс, находившийся здесь поблизости, заплакала и бесчисленная толпа демонов, обитающих в роще и не менее горько зарыдала в городе Кааллиопе о хореge муз, пораженном огнем...

14. Стань же ныне таким, Аполлон, как тебя заставил стать проклинавший ахейцев Хрис ⁴, — преисполненным гнева и подобным мраку ночи, ибо именно тогда, когда мы вновь стали приносить тебе жертвы и возвращали утраченное ранее, предмет почитания был похищен у нас, как жених, умерший в тот миг, когда уже плелись свадебные венки.

Декламация 26

УГРЮМЫЙ ВОРЧУН, ЖЕНИВШИЙСЯ НА БОЛТАЛИВОЙ ЖЕНЩИНЕ,
ПОДАЕТ В СУД НА САМОГО СЕБЯ И ПРОСИТ СМЕРТИ¹

(§ 1—6, 8—24, 44—55)

1. Следовало мне, судьи, умереть, пока я еще не женился и не успел наслушаться бесконечной болтовни моей жены; но раз уж злая судьба не позволила мне избежать этой беды, надо было прийти к вам сейчас же после свадьбы с той просьбой, с которой я пришел теперь.

2. В этом виной моя медлительность: я слишком поздно понял, что именно для меня полезно и решился только нынче выполнить свое желание. Я дошел до такого предела бедствий, что мне уже ничто не может быть по душе — и все из-за этой женщины.

3. Окажите мне, судьи, раньше, чем я выпью яд, еще одну небольшую услугу: не заставляйте меня слушать многословные разглагольствования этих цветистых ораторов, чья жизнь только в том и состоит, чтобы доказывать и опровергать. Я боюсь, как бы, если речи затянутся, об этом не разузнала моя жена; тогда она пустит в ход свой язык и утопит в своей болтовне и меня, и вас; и чтобы этого не случилось, сделайте милость, приступайте к делу поскорей! Ведь если мне придется умирать при ней, слушая ее болтовню, то ее пустословие не даст мне почувствовать сладость смерти.

4. Если бы тот, кто сочинял законы для нашего города, не проявил излишней заботы о чужих делах и не перестарался, составляя предписания, то мне не пришлось бы теперь убеждать вас, что я непременно должен умереть; а я потихоньку вытаскивал бы веревку из-под матраца, пошел в какое-нибудь уединенное место, подошел бы к дереву и повесился, не видя обступающей меня толпы и ничего не слыша. Но так как наш законодатель поработил нас всеми возможными способами и никому не разрешил быть хозяином своей жизни и избавляться от нее по своей воле, но решение даже этого дела поставил в зависимость от голосования, то я, проклиная его, все же ему повинуюсь и терплю всю эту судебную шумиху, чтобы потом уже не переносить никаких неприятностей.

5. Те, кто знаком с характером моей жены, знаю я, простят меня и поймут, что больше жить я не могу; но другие, как я полагаю, должны узнать, с какой лютой бедой я должен проживать бок о бок. Выслушайте же и вы меня, ради Зевса. На всех этих людей, которые толпятся вокруг нас, хохочут и называют меня неуживчивым бирюком, я никакого внимания не обращаю. Разве можно ожидать справедливого суждения от распущенных, изнеженных, избалованных людей, которые, шутя и ни к чему не прилагая усилий, умеют только хихикать да без толку болтать обо всем, что им взбредет на ум.

6. Меня же, судьи, отец мой приучил всегда следовать разуму, держать себя в руках, не поддаваться распущенности, взвешивать.

что в жизни необходимо и что бесполезно,— первое соблюдать, от второго воздерживаться, стремиться к спокойствию, избегать тревожений. Так я и поступаю и не слишком часто бываю в собраниях, однако вовсе не потому, что я не забочусь о всеобщем благе, а из-за неумолчного галдежа в собраниях; да и на площадь-то хожу не больно часто, чтоб не слышать всех этих судебных словечек: «речь, доводы, ответ, приговор, иск, отвод», о чем любят поговорить все, кому делать нечего: «такой-то, сын такого-то, подал иск против такого-то»,— ну, а тебе какое до этого дело, раз ты и не истец, и не ответчик? И еще следовало бы непременно изгнать с площади приветствие, которое не знаю откуда явилось и стало употребительным,— «такому-то желаю здравствовать». Что до меня, то — клянусь богами — я не вижу никакого смысла в этих словах: тому, кому живется скверно, не станет ничуть лучше от того, что ему пожелают «здравствовать».

8. Я избегаю также и посещения тех мастерских, где пользуются молотом и наковальней, где постоянная стукотня, как у чеканщиков серебра, медников и многих других ремесленников; а люблю я те ремесла, которыми можно заниматься в тишине. Однако я видал даже художников, которые поют, пока пишут картину; вот насколько большинство людей любит болтать и не умеет себя сдерживать.

9. Так вот, пока я жил один, я наслаждался достаточным спокойствием, так как все мои домочадцы были приучены не делать ничего, что было бы неприятно мне. Когда же судьба решила свергнуть меня в беду, приходит ко мне один из моих родичей и начинает всячески хулить одиночество и восхвалять супружество, говоря: «Как бы тебе не оказаться единственным, кто презирает гименея — он ведь бог и притом величайший»; и повел он рассказ о девушке из весьма почтенного рода, наружности прекрасной, имеющей немало дарований, благоразумной, искусной в ткацком деле, а в конце прибавил «стоит только захотеть — и дело слажено».

10. «Насчет всего прочего,— сказал я,— можешь слов не тратить, а скажи мне вот что: какова эта девушка на язык? Ты же знаешь, дружище, мой нрав, я терпеть не могу, если кто храпит, икает, харкает или кашляет; я согласен лучше вынести побои, чем терпеть все это; а уж болтунов я даже и в сновидении не переносу; если же мне придется жить вместе с болтушкой, как ты думаешь, разве я смогу существовать?» «Не бойся,— говорит он,— с этой стороны она не доставит тебе никаких забот, можно скорей камень упрекнуть в говорливости, чем эту девушку, боюсь даже,— прибавил он,— что ты будешь жаловаться на то, что она слишком молчалива».

11. И я поверил ему, судьи! Увы, почему мне не пришлось в голову предварительно испытать эту хваленую молчаливость? Ведь с этого самого дня для меня уже был готов яд: ни в чем порядка, всюду шум, громкий хохот, необузданные пляски, бессмысленные свадебные песни; а в тот день, когда я ввел в свой дом эту эрин-

нию, словно ледяные потоки обрушились на меня со всех сторон, с ужасным шумом сливаясь вместе, так что я едва не убежал со свадьбы, едва не сорвал с себя венок; однако все эти бедствия я приписал порядку самого брачного обряда и все это кое-как вытерпел, пока от этого шума и гама не скрылся в спальне.

12. Но все, что было до сих пор, показалось мне тихим миром по сравнению с разразившейся потом войной. Еще не прошла и половина ночи, как эта женщина заговорила — она стала хулить нашу кровать; это меня удивило: казалось мне, что невесте об этом говорить не подобает. Потом она спросила меня, сплю ли я, — это мне понравилось еще меньше; затем спросила еще о чем-то третьем, затем о четвертом. Я не отвечал ничего, мне было стыдно за ее бесстыдство; все вышло наоборот, чем можно было ожидать, — муж молчал, жена болтала.

13. Дождавшись рассвета, я иду к свахе и спрашиваю: «что же это значит? Невеста сама заводит разговор о первой ночи и обо всем прочем?» «Да, — говорит она, — все это подобно волшебному напитку и в это время рождается речь; а ты, — говорит, — просто грубиян; таким быть нельзя».

14. Я опять поверил; но уже в этот день я понял, какое несчастье меня постигло, а на следующий день почувствовал это еще больше: жена созвала к себе всех служанок и стала расспрашивать в моем присутствии каждую из них: как ее имя, как зовут ее отца и мать, скольких детей она родила и сколько из них умерло; расспросила их и о коврах, и о кувшинах, о сечках и скалках и, наконец, захотела узнать, сколько петухов мы держим. «Ни одного, — сказал я, — не терплю я его кукареканья, а если ты не замолчишь, то и тебя терпеть не стану». А она сейчас же пустилась восхвалять петуха, рассказала, из кого он был превращен в птицу², и о том, что он когда-то был воинном, спутником Ареса, и что означают его гребень, его шпоры, его задорный нрав.

15. Она еще произносила свою хвалебную речь, когда я уже ушел от нее и встретил того, кто превозносил мне прелести брака, и говорю ему: «Дорогой мой, ты погубил своего друга»; тут рассказал я ему все, а он обещал мне уговорить ее немедленно и сказал, что этого никогда больше не повторится. Возвращаясь я домой и сейчас же сыплются на меня вопросы: Где я был? Откуда пришел? С кем говорил? Что слышал нового? Были ли добровольные жертвования? Состоялось ли голосование? Кто вносил закон? Много ли было народа в суде? Кто подавал жалобу? Кто был признан виновным?

16. А мне молчать — беда, а отвечать — еще хуже; если молчу, она бранится, выдумывает какие-то бесчисленные насмешливые словечки и рассказы насчет молчунов и рассуждает о том, что-де муж должен говорить обо всем, что происходит; если я порой что-нибудь ей отвечу, то только пуще раздуваю огонь: однажды сказал я, что стратег выступает в поход, — она ухватила за этого стратега и с

полудня до вечера без передышки добивалась, скольких он взял с собой, скольких не взял, сколькими он командует и как; сколько у него таксиархов, сколько филархов? А какова добыча? Как снаряжен флот? Кто у него триерархи³, кто рулевые, сколько матросов?

17. Когда я однажды высказал ей мое порицание и заметил, что все это — не женского ума дело, она тотчас же завела другую песню: «Ну, скажи мне тогда, как обстоит дело на полях?» и как пошла говорить! Добралась и до кустарников, и до цветочных луковиц, и до репейника; при этом она гораздо больше говорит о чужих делах, чем о наших: и вовсе небезопасно сообщить ей что-нибудь о неудачах и об удачах — по поводу и того и другого обрушивается целая куча слов.

18. К тому же она все время перепрыгивает с одного предмета на другой: как нынче дела у виноторговцев? А не приключилось ли какой беды у продавцов масла? Кажется, у хлебопеков не хватило топлива? Говорят, что сделан донос на оценщиков серебра? Так она мелет пустяки и болтает без конца и чем меньше делает, тем больше говорит; а уж если возьмется за какое-нибудь дело, то ее разглагольствования о нем — более тяжкое наказание для меня, чем ее лень.

19. Если же она вернется из бани, — о горе! — тут хлынет целый ливень слов: сколько она наговорит о банщице, о женщинах, бывших в бане! Кто пришел, кто не пришел, кто без ребят, кто с ребятами, у кого тело волосатое, кто ушел, вымывшись на славу, у кого тело в морщинах, кто красит лицо, кто пользуется солью, кто потерял сандалию, кто утаил плату за баню, кто дал банщице обол, кто больше, кто меньше, кто не дал ничего, а кто, чтобы ничего не дать, затеял целый бой.

20. Потом, словно она забыла о самом важном, она ударяет себя по лбу, а я содрогаюсь от ужаса, чувствуя, что надвигается новая волна слов; в меня вонзаются острые жала этой болтовни, я замираю, словно под ударами бичей, проклиная и эту безудержную говорливость, и брак, и того, кто первый напомнил мне о существовании женщины.

21. А она, услышав мой стон, снова встряхивается и спрашивает: «Что у тебя болит?», — и начинается перечисление всяких средств против кишечных болезней до бутылочек с маслом и гороховой каши. «Да нет, — говорю я, — у меня все в порядке, только замолчи!» Но это словечко «замолчи» ведет за собой целый рой слов: «Почему это я должна молчать? Я ведь не какая-нибудь худородная!» И пойдет перечислять и бабушек, и теток, и дедов, и прадедов, и доберется до двадцатого и тридцатого колена своих предков, да еще прибавит, кто из них был триерархом, а кто хорегом.

22. А чуть она упомянет о хорехах, как это наведет ее на мысль о трагедии и тут как хлынет бурный ливень: она помянет и первых творцов трагедий, и их преемников, и расскажет, как развивалась

трагедия и что каждый в нее внес. А я в это время терплю более страшные муки, чем любой страдающий трагический герой. Да неужели же моя жена никогда не перестанет болтать? Нет, скорее реки остановят свой бег, чем замолчит ее рот. Любой повод вызывает у нее бурю слов: остаюсь ли я дома, уйду ли я на площадь; медлительность слуг и их торопливость, нехватки и избыток, неудачи и удачи, дождливая и ясная погода.

23. Ну, а когда все наши дела уже захлебнулись в потоке, льющемся с ее языка, она переходит к делам соседей; а если говорить уж вовсе не о чем, она рассказывает свои сны. Клянусь богами, она их выдумывает: ведь она же никогда не спит, и часто ночь превращается у нее в сплошное бодрствование; и даже если сон, наконец, сморит ее, то у нее отдыхает все тело, кроме языка; он продолжает работать, а для меня это хуже комариных укусов.

24. Взгляните на меня, судьи! Я совсем отошел, весь день на меня сыплются удары, ночью я погибаю, противна мне еда, противно питье. Бегу я от того, что для всех самое сладкое,— от жизни. В ушах у меня звенит от болтовни, я в душе молча переношу мои муки. Сжалось надо мной, дайте мне яду, спасите меня от беспрерывного крика.

44. Но, пожалуй, кто-нибудь из граждан скажет: «Да разведись ты с ней, выгони эту бабу из дому, и тогда ты больше не услышишь ее болтовни. Это самый разумный способ избавиться от нее: правда, до него не всякий додумается, для этого нужен острый ум». Ты говоришь это всерьез или в шутку, приятель? Если ты шутишь, чтоб подразнить меня, то пойми, что не место для забавы там, где дело идет о смерти человека; если же ты говоришь серьезно, то, как видно, ты доброво ошибаешься, раз не понимаешь, что тогда произойдет.

45. Давай взглянем на это дело так. Сейчас я надеюсь, что по приговору суда я скоро умру. Жена моя и в это время болтает — либо сама с собой, либо со стенами, либо с воздухом, либо с кем угодно. Но поскольку меня с нею нет, это мне ничуть не страшно,— ее нет здесь, она ничего не видит, не орет и не разговаривает: ведь закон запрещает ей присутствовать на суде, когда дело идет о жизни и смерти. Если же в суде будет разбираться дело о разводе, и мне пришлось бы рассказывать присутствующим, какие беды я терплю, то в суде была бы и она; а если бы ей позволили произнести хотя бы одно слово, то вы хорошо представляете, что получилось бы: она стала бы вмешиваться в показания свидетелей, нарушать порядок их выступлений, отнимать время у моей речи, и столько бы нагородила, и такую бы извергала без передышки безмерную чепуху, что я бы не выдержал и вышел отсюда, едва дыша.

46. Итак, прежде всего я хочу избежать такого величайшего бедствия и себя ему не подвергать. Но послушайте, что будет дальше. Если даже судьи проголосуют в мою пользу и мне удастся разве-

стись с женой, то это принесет мне не столько счастья, сколько горя. Как мне вынести, что все родичи моей жены наперебой обрушатся на меня с упреками, порицаниями, обвинениями? Один будет вопить здесь, другой орать там, они будут повсюду толпиться около меня, окружать меня, порочить мое стремление к покою, обзывать меня нелюдимым бирюком и упрямым.

47. А какие штуки будет выделывать моя жена! Да разве найдется такой железный, такой закаленный человек, который мог бы это вынести? После суда она пошла бы за мной, хватала бы меня за гиматий, тащила бы меня к себе, заставляя обернуться, призывала бы по имени всех богов подряд; потом перешла бы к героям и всех их поименно призывала бы в свидетели, потом обратилась бы к звездам, ветрам, к храмовым колоннам и опорам, становилась бы в воротах поперек дороги, вопила бы на всю округу и перебудила бы всех соседей. Потом, усевшись у дверей, она упорно держала бы меня в осаде, не выпускала бы меня из дому, а если бы я сидел дома взаперти, она выкрикивала бы против меня разную хулу.

48. Разговоров о разводе хватило бы на самый длинный весенний день: «Ох, кажется; скрипнула дверь! Кто-то стучит! Наверное, опять какой-нибудь родственник жены!» Нет, мне придется обзавестись крыльями, иначе меня растерзают, когда я буду держать ответ за то, что я совершил.

49. И вот, чтобы этого не случилось, я иду на смерть. Пусть и моя жена, да и кто угодно называют меня угрюмым ворчуном. Окажите же, окажите мне милость, судьи, отправьте меня поскорее туда, где меня ждет последнее успокоение. Приобщите меня к сонному бессмертным, блаженным, незримым. Разве не счастлив тот, кого несут на ложе? Женщины бьют себя в грудь и провожающие рыдают, а он ничего этого не слышит! Если глубокий сон — из всех благ наивысшее, то разве не обязаны мы оказывать еще больше почтения тому, что делает нас еще менее чувствительными?

50. Пусть же кто-нибудь изготовит яд, пусть подаст мне этот желанный кубок; но прошу прибавить к этому еще одну милость: пусть тот, кто подаст мне яд, сделает это молча, не рассуждая о свойствах этого яда, пусть чистота нашего дара не будет омрачена шумом толпы.

51. И вот еще что, во имя богов, включите при голосовании в ваше решение, — еще до того, как я умру, — чтобы моей жены не было здесь, когда я буду пить яд и чтобы той, из-за которой я предпочел смерть жизни, не было разрешено оплакивать меня. Ведь она не станет просто горевать, как обычно делают женщины, не станет лить слезы, нет, — она будет болтать и разглагольствовать, наносить себе удары и сделает мой путь к смерти тяжким; пусть не будет ее, когда я буду пить яд, пусть не будет. Желая ей найти себе твердокаменного мужа, способного вынести все эти неприятности, а я буду лежать в земле, не слыша ни звука.

52. Сладостно, судьи, наслаждаться светом солнца, но жена лишает меня этого всем тем, что она делает, и всем, что еще сделает; могу вообразить, какова она будет, когда своим языком одержит надо мной верх, какова она будет роженицей, какой будет матерью; ведь если она нарожает мне кучу детей и все будут похожи на нее, и если будет сразу видно, что это ее дети, то как же я смогу жить, окруженный таким хороводом? Ведь тогда мой домик ничем не будет отличаться от лугов, в которых, с громким пением, порхают бесчисленные стаи птиц.

53. Взгляните, однако, какая беда приключилась со мной,— я стал многоречив! Этим я, очевидно, обязан моей жене; я произнес огромную речь; но она будет последней; больше уже я не услышу ничьих речей и никто не услышит моих; о дивный день, о день, несущий мне свободу! Я уйду к тем, кто покоится под землей, кто ничего не говорит! Я достигну края, где дышит тишина!

54. Но что это? Мне вдруг пришло на ум одно древнее поверье, которое повергает меня в смятение; говорят, что и там бывают разные тревожения, и судебные заседания, и есть и судьи, выносящие приговоры умершим, слышны вопли мертвецов и ведутся беседы. Боюсь я, как бы мне, убежав от жены здесь, не встретиться с ней немного позже в подземном царстве, как бы мне опять не пришлось слушать ее болтовню. Впрочем, будущее темно, а настоящее уже слишком хорошо изведано.

55. Итак, я избираю неведомое вместо знакомого, но, безопасности ради, все же лучше помолиться: «О все боги и все богини! Если умирающему дозволено сказать слово, дайте моей жене дожить до глубочайшей старости, чтобы я возможно дольше мог вкушать покой».

Сам я виноват во всех своих бедствиях: следовало мне взять меч и совершить то, о чем говорит сказка,— вырезать ей язык: быть может, и тот, о ком говорится в сказке⁴, тоже не мог вынести болтовни своей жены.

Декламация 29

ПАРАСИТ ПОДАЕТ В СУД НА САМОГО СЕБЯ
И ПРОСИТ РАЗРЕШИТЬ ЕМУ РАССТАТЬСЯ С ЖИЗНЬЮ,
ПОТОМУ ЧТО ЕГО ПОКРОВИТЕЛЬ
ПРЕДАЛСЯ ФИЛОСОФИИ

1. Если вы, судьи, не выслушаете мою просьбу сейчас же и не согласитесь объявить о ней присутствующим, то ту милость, о которой я прошу вас, окажет мне голод; он выполнит выражаемое мной желание: ибо я мертв уже более чем на половину, я дышу лишь для того, чтобы иметь возможность рассказать вам о своем несчастье и достойным образом принять смерть.

2. Ведь погиб и тот, кто давал мне пропитание, и притом погиб каким-то неслыханным способом: он усердно старается морить себя голодом и шаг за шагом приближается к смерти; пора и мне «сгннуть», — видно, какой-то злобный дух позавидовал тому, что я сыт, и лишил меня возможности жить в свое удовольствие; одна дорога осталась мне — она ведет к кубку с ядом, а вот к трапезе уже не ведет ни одна.

3. Если бы можно было ожидать, что мой покровитель очнется от этого необычайного безумия и вернется к прежнему привычному образу жизни, то мне, конечно, следовало бы собраться с духом и питать надежду на перемену к лучшему; но так как его болезнь неисцелима и никакого нового покровителя у меня вместо него не предвидится, то как же мне жить?

Да перестаньте вы, во имя богов, смеяться надо мной; взгляните, в какую беду я попал, и дайте мне вкусить в смерти освобождение от страданий!

4. Было время, когда и я смеялся, слыша, что кто-то хочет умереть и спешит раньше своего срока стяжать то, что уготовано нам всем, что он для этого обращается в суд и просит, как великой милости, чтобы с ним поступили согласно с известным законом. Я считал такую просьбу безумием — умереть, когда можно жить! Добиваться, как награды, той тяжелой кары, которая предназначена злодеям! Да, так думал я прежде, но теперь понял, что был неправ, что стремиться к смерти и умолять о ней — неизбежно, а принять ее — великое счастье. Мою судьбу я вынести не в силах, ибо если жить нестерпимо, то только и остается, что умереть. Есть тысячи злосчастных путей, идя по которым можно самому избрать смерть, но я пришел к ней совершенно новым путем, — прекратите же, ради богов, ваш хохот и выслушайте меня благосклонно!

5. Боги наделяют людей различными благами, одним даруя одно, другим — другое; и пока эти блага человеку даны, жизнь — дело выигрышное; если же он их лишится, ему лучше умереть. Если жить следует ради того, чтобы получать наслаждения, а их нельзя получить, не имея богатства, то разве жизнь того, кто потерял все, что имел, не кончена?

6. Один богат потому, что ему досталось от предков большое наследство; такой человек благоденствует, живет в роскоши, не зная труда. Другой получил богатую жену — это второй путь к счастью. Иногда бедняк, не имеющий родового наследства, вдруг находит клад; это, несомненно, дар божества, и очень приятно вкусить того, что дано самой судьбой. Иной получил от друга или родственника наследство по завещанию; да, эти слезы — чистое золото, если, пролив их, ты получишь богатство.

7. Есть и второй способ приобретения благ — можно разбогатеть путем торговли или занимаясь сельским хозяйством; и то и другое недурно, но предварительно требует немалых трудов. Подчас мы завидуем и разбогатевшим воинам; но ведь они получили

богатство с большими трудностями, с оружием в руках и путем убийства, — а во всем этом, мне сдается, мало радости.

8. Есть еще и третий способ добиться благ житейских — научиться ремеслам; занимаясь ими, тоже можно разбогатеть, но и это не больно весело! Все это связано с трудами: и учиться надо, и овладеть мастерством, а богатеть приходится помаленьку. Музыканты тоже добывают деньги своим искусством, а также и те, кому достаются венки на состязаниях; они, правда, могут есть досыта — это именно и соблазняет борцов; но они должны раздеваться и валяться в пыли, — клянусь Гераклом! — мучить друг друга и, даже когда никто их не заставляет, постоянно лупить друг друга кулаками.

9. Наловчился и я в приобретении жизненных благ: теперь-то вы и услышите о самоновейшем способе, о котором еще речи не было. Я родился не от богатого отца, да и не таким я был сыном, чтобы быть на радость отцу; я не женился на богатой, не досталось мне наследства ни от родича, ни от друга, — да и сам никакому мастерству не обучился, ибо от природы был ленив, на ученье туп, а к труду непривычен.

10. Зато до товарищей и до развлечений я был страсть как охоч, умел уговаривать, убеждать, мог огорченному посочувствовать, удачливому умножить его счастье, указав ему, как надо пользоваться благами жизни, умел льстить в меру, ловко шутить, петь песенки и плясать, как никто другой, а также и передразнивать.

11. Вот каков я был — потому-то я и имел все, что душе угодно, и некое божество покровительствовало мне больше, чем тираннам и владыкам: ведь они живут в роскоши под защитой оружия и у них остается больше времени для совершения преступлений, чем для наслаждения жизнью; а я в изобилии пользовался всеми благами, никого не страшась и не нуждаясь в телохранителях-копьемосцах, да и на уме у меня никогда ничего дурного не было, а был я добр и в помыслах, и в делах.

12. И вот встретил я юношу знатного рода, богатого, выполнявшего из честолюбия добровольно разные общественные повинности, милосердного к нуждающимся, приятного в обхождении, любившего и посмеяться, и выпить, и щедрого на руку. За него я и ухватился — как видно, кто-то из богов был в высшей степени ко мне расположен и весьма любезно приготовил все это для меня; и стал я этому юноше другом-приятелем, — нет, более того — сотрапезником в еде и выпивке, и зажил я жизнью счастливой и блаженной.

13. Многие нашему житью завидовали. Он был куда лучше моих отца и матери: от них мне ничего не досталось, а он все свое добро делил со мною, и все его тратил на удовольствия. Никакого горя я не знал, никакого дела не делал. Все было для меня сладостно в настоящем, и — как я надеялся — в будущем: а уж какой легкой

была жизнь! Ел сладко, ничего не тратя, ничего не лишаясь, и не приходилось мне искать, чем-бы раздобыться, а был у меня опекун, и его дело было — думать о ежедневном пропитании.

14. Был я богат, ничего не имея, жил в роскоши, ничего не расходуя, бывал на пирушках и плясках, и вся моя жизнь была сплошным праздником; я не был из тех, кто шатается по площадям, из тех, кто просит подавания, или из тех, кто таскает людей по судам, доставляя им неприятности; не был я ни земледельцем, чья жизнь — сплошной труд, ни купцом, ни мореходом — море я видел только на рыбном рынке; не был я и воином — ведь его жизнь полна опасностей и грома оружия, — а был я человеком счастливым, нрава легкого, лентяем, параситом — это прозвище мне всего приятнее было слышать, хотя кое-кто и считал бы его порицанием.

15. Земля сама приносила мне свои дары, да еще в каком изобилии! Море в избытке дарило рыб. Для меня охотились птицеловы и звероловы, повара и столыльники прилагали ко всему свое искусство, а моим делом было лишь извещать об этом моего покровителя, и если на рынке появится какая-нибудь очень уж привлекательная снедь, указать на это кухарям и поварам, потом пойти испробовать разные вина, присматривать за поварами, лучших из них похваливать, напоминать им, чтобы они занимались своим делом усерднее, расхваливать кушанья, хозяину во всем угождать, с поварами дружить, виночерпиям улыбаться и за всеми, кто меня кормит, ухаживать.

16. Чуть светало, я уже спешил к моему покровителю, чтобы сообщить ему о предстоящих удовольствиях. Потом, пока он был занят кое-какими своими делами на площади, мое дело было позаботиться о завтраке, чтобы его приготовили как можно лучше; я извещал хозяина о часе завтрака и уговаривал его поторопиться, а уж потом я набивал себе живот, каждым кушаньем наедаюсь всласть и похваливая все, накладывая себе второго блюда еще больше, чем первого; так дотягивал я время до вечера, распоряжаясь всеми остающимися излишками по своему усмотрению. Сон после этого был очень уж сладок и даже во сне я видел пиршества.

17. Приходило время побывать в бане: я бежал туда, возвращался, вымывшись на славу, и снова спешил к великолепнейшей трапезе, опять всем восторгаясь и все расхваливая, и жалея только, что нет у меня двойного или тройного желудка; ведь все это было на даровщину, а наедался я до того, что чуть не лопался. И опять наступал вечер и беззаботный сон; не надо было ни за что платить, ничего покупать, а с утра до ночи другой, а не я, заботился о том, как бы повкусней позавтракать, пожирней пообедать; бедности я не боялся, в богатстве не нуждался.

18. Все времена года услаждали меня. Слаще всего была весна — ведь тогда можно было устраивать попойки среди расцветших роз; но и лето приносило много всяких радостей: дни становились длиннее и можно было проводить больше времени за завтра-

ком и за обедом; поздней осенью спадала жара, пища быстрее переваривалась и поглощалась в большем количестве; приходила зима и еще сильнее тянуло к еде; наступал полный отдых от всяких дел и трудов, и мы спокойно проводили время дома. Однако только было грустно — очень уж длинные зимние ночи; зато удавалось устраивать завтрак очень рано, не боясь порицаний, а выпивку за-тягивать до позднего вечера, так как и без того хватало времени, чтобы выспаться всласть.

19. Но есть правдивая поговорка, что зависть всегда готова нарушить благоденствие и что божество, мстя за излишнее благополучие, охотно подвергает судьбу человека крутым переменам, и говорю я это не из наблюдений над жизнью других людей, а размышляя о своих собственных делах.

20. Мой покровитель, который был для меня всем и стоял выше всех, он, показавший мне все прелести жизни, богатый, щедрый, наслаждавшийся своим достатком не меньше, чем я, он, владеющий всем своим наследственным имуществом, — даже уж и не знаю, что еще можно о нем сказать! — он теперь меня покинул и живет только для себя. Притом только кажется, что он живет и существует, на самом деле его уже нет в живых. Его уже не привлекает и гимнасий: «Так он погиб?» — может быть, спросит кто-нибудь; «Пожалуй, что так», — можно ответить. Впрочем, нет, о боги! Он не в бане, не на попойке, не на пирушке, он, можно сказать, уже не среди живых. Он ходит нагим, без всякой одежды, хотя он по-прежнему богат; он заразился самой тяжкой болезнью.

21. И мнится мне, он даже не сознает своей беды, но охотно предается во власть своей болезни или безумия — не знаю, как назвать то, что с ним случилось. Ему кажется, что он счастлив, да, он так думает, а живется ему ужаснее, чем если бы он сам себя проклял; богатство он ненавидит, от роскоши отворачивается, свое прежнее благоденствие называет несчастьем, в свои нынешние бедствия влюблен; кудри его грязны, кожа пожелтела, взгляд уныл, тело неопрятно, он ходит, бедный, в одном плаще под открытым небом, отказался даже от подстилки на земле; зной он терпит, в стужу раздевается догола, морит себя голодом, хотя мог бы и хлеба наесться досыта и воды выпить вдоволь; едва вздремнет, а потом почти всю ночь не спит, предаваясь унынию.

22. Как же он дошел до этого? Вот как: встречаются у нас какие-то странные люди; и другим они на погибель, да и у них самих судьба злая; нет у них иного дела, как только карать самих себя, словно преступников, терзать себя бессонницей, голодом и трудами; я имею в виду этих изможденных, босых, полуголых людей, которых любой при встрече проклинает.

23. Это они завладели моим хозяином, околдовав его своими бесконечными речами; не потерпев при этом никакого убытка, а просто позавидовав его благополучию, они загорелись желанием не только вести самим этот жалкий образ жизни, но и других видеть

в подобном же положении. Это лживые и дурные люди: они способны убедить человека в чем угодно, и хорошо, что судьба осудила их на такую жизнь, на бедность, безумие и голод, на то, что они — мертвецы среди живых. Они-то и погубили моего хозяина, да и меня заставляют в вашем присутствии выпить яд; а будь они разумны, они, несомненно, пили бы за мое здоровье.

24. Пора завтракать, а хозяина нигде нет. Надо обедать, и все готово, а он все еще у них, предается меланхолии. Наступает вечер, темнеет, а он только еще возвращается, шатаясь от голода, и валится с ног не на постель, а на землю, подложив под себя какую-то дрянную подстилку. «Хлеб отдайте, — заявляет он, — мне хватит и воды напиться». И сну-то предается только для видимости. Встав спозаранку, уже бежит из дома, и целый день проводит у них. Снова наступает вечер, он подходит к дому, с видом жалкой собачонки, и садится за самый что ни на есть несъедобный ужин.

Наступает третий день, и та же самая драма разыгрывается на мою беду. На четвертый и пятый день — снова все то же, и привычка к лишениям овладевает им окончательно.

25. Я же, пока от прежних запасов кое-что оставалось, пользовался случаем и будто даже не замечал, что с ним творилось; ведь всего было вдоволь; а вот когда все это пришло к концу, тут-то нужда заставила меня понять, какое бедствие постигло моего покровителя. Тут я увидел, что претерпел этот человек, и эти ужасы ни с чем не сравнимы, ибо это самое подлинное безумие; правда, он — не спору — еще кое-что соображает, но все-таки все случившееся с ним — тяжкая болезнь, хотя он и кажется здоровым и не прикован к постели; пытался я расспрашивать о нем разных встречных: «Где он? Что с ним? Что значит этот образ жизни?»

26. Но ведь недобрых людей — большинство, и, приключись с тобой какое-нибудь несчастье, никто тебе не захочет посочувствовать. Ведь все они завидуют тем, кому в жизни везет, а над обиженным судьбой никто из них не сжалятся. Вот и его никто не направил на добрый путь, никто не раскрыл ему глаза, да и мне никто не сказал ничего утешительного, хотя каждый видел, как много я хлопочу о нем; напротив, один прошел мимо меня молча, а другой засмеялся и даже стал издеваться над моей бедой, спрашивая: «Уж не думаешь ли ты рыдать о нем?» И, сказав: «Да какое тебе или мне до него дело?» — ушел, едва не надавав мне тумаков.

27. Тогда я отправился сам к моему покровителю и кормильцу — ему в это время как будто полегчало — и попытался убедить его одуматься и изменить свой образ жизни. Но он дважды сказал мне «поплачь, поплачь!», а в третий раз, когда я подошел к нему, он взглянул на меня гневно; поэтому я и обратился к вам, не зная, как же мне быть.

И пусть никто не говорит мне, что все это вас не касается, не спрашивает, что же такое претерпел я; ведь претерпел я то, чего не довелось никому другому: потерял я все мое прежнее полное

благоденствие, лишился я безграничных наслаждений, легкой жизни и всего, что доставляло мне уладу.

28. Нет ни единого благотворителя, нет никого, кто относился бы ко мне так, как он. Увы! Какой ужасный переход от прежнего изобилия, от прежнего упоения! Это я-то, которого прежде увенчивали цветами, я, упивавшийся неразбавленным вином и поднимавший здравицу в честь других, теперь нуждаюсь в самом необходимом! Наступает ночь и волнуют меня сновидения о прежней роскоши, а потом приходит унылый день, и вечер, и снова ночь. И видя, как другие возвращаются пьяными с пирушки, я готов лопнуть от зависти и горько оплакивать свои несчастья.

29. Никто не помилосердствует, никто не пожалеет! Один, увидев меня, засмеялся, другой меня, впавшего в беду, оскорбил! А если кто-нибудь и окажется более снисходительным и из человеколюбия на словах посочувствует несчастному (ведь пожалуй о бедняке признак доброты), то все же пригласить его на угощение или пиршество не догадается никто.

30. Так окажите мне милость, окажите! Пусть судьба выпьет за мое здоровье! Нет у меня матери, нет и того, кто породил меня на свет, не осталось и друзей! Тот, кто заменял мне всех, погрузился в философию, и, значит, для меня он мертв. Что же будет со мной, коль я в сетях прежних привычек? Как мне справиться с нуждой, коли я привык к роскоши, привык есть досыта и пить допьяна. Желудок требует того, к чему приучен, а даятеля нет! Ремеслом никаким я не владею, ведь смолоду я ничему не учился; трудиться уже не могу — тело мое избаловано былым благоволением; тяжело мне испытывать недостаток даже в самом необходимом, да и его-то не всегда добудешь.

31. Поэтому не обрекайте меня на затяжную болезнь, а положите конец моим страданиям. Всякая смерть тягостна, а плачевнее всего смерть от голода. Но как же можно избежать этого ужаснейшего конца, если не выпить столько яду, сколько требуется для того, чтобы более уже ни в чем не нуждаться?

ФЕМИСТИЙ

Фемистий (320—390) родился в Колхиде, по его словам, «в крайних пределах Понта, возле Фасиса» (нынешнего Риона). Благодаря своему отцу, землевладельцу, не очень богатому, но ценившему образование, Фемистий получил возможность обучаться у какого-то ученого оратора и знатока аристотелевой философии; о нем Фемистий упоминает с благодарностью (см. речь 27), но имени его, к сожалению, не называет. Интерес к философии Фемистий сохранил на всю жизнь и даже написал так называемые «парафразы» (облегченное изложение) нескольких произведений Аристотеля. Этой философской подготовкой Фемистий очень гордился и в своих речах нередко противопоставлял себя, «ученика Сократа», софистическим оратором типа Гимерия; он не раз называл их «краснобаями» и «умниками» и порицал за любовь к импровизированному выступлению, пользу которых он отрицал, но успеху, по-видимому, немного завидовал.

Имея только двадцать пять лет от роду, Фемистий был избран для принесения приветственной речи императору Констанцию; очевидно, уже к этому времени юноша успел приобрести достаточную известность. После этого он стал как бы официальным придворным оратором: при Феодосии он достиг должности префекта, и в честь его была воздвигнута статуя. Напротив, с Юлианом, учеником и другом Либания, Фемистий близок не был, хотя из сохранившегося ответного послания Юлиана к нему видно, что Фемистий при воцарении Юлиана обратился и к нему с советами об управлении государством. Очевидно, хотя сам Фемистий и был язычником, рационалистические взгляды этого поклонника Аристотеля не совпали со взглядами мистика и фанатика Юлиана.

Речи Фемистия (их дошло до нас тридцать четыре) касаются в основном вопросов философских и государственных; в них часто применяется «сократический» метод аналогии и почти отсутствуют риторические украшения; построение фраз довольно сложное и в языке заметно тяготение к абстрактным понятиям. Несколько речей посвящено вопросам ораторского искусства: в них он требует от оратора тщательной подготовки, серьезных мыслей и умения давать характеристику лиц так, чтобы слушатели поняли, о ком идет речь, даже если имя данного лица не названо. Впрочем, сам Фемистий этой способностью не обладал, и его панегирические речи однообразны.

Фемистий хорошо сознавал, что между его философскими стремлениями и придворной карьерой имеется противоречие, и не без остроумия осмеял себя в следующей эпиграмме «К самому себе»:

Ты восседал на престоле в эфире, — но вдруг захотел ты
Сесть на серебряный трон: это — безмерный позор!
Лучше б остался внизу ты; поднявшись, ты много стал хуже.
Снова сойдя, поднимись; пал ты, высоко взойдя!

О ТОМ, ЧТО СЛЕДУЕТ ЦЕНИТЬ НЕ ГОРОДА, А ЛЮДЕЙ

(331с — 333в, 334в — 335а, с, 337с — 341а)

(331с) Почему люди, желая овладеть каким-нибудь ремеслом или искусством, заботятся не о том, знаменит ли и прославлен ли тот город, где они будут обучаться, а о том, как бы им попасть в обучение к самому лучшему мастеру? Обработке меди они хотят научиться у искусного медника, а игре на флейте или кифаре — у лучших музыкантов и не придают никакого значения тому, в каком краю света эти мастера обитают.

(332а) А вот когда дело идет о так называемом «образовании», они поступают иначе и стараются разузнать, не о том, у кого, а о том, где следует учиться, причем, само образование их уже ничуть не интересует, они расспрашивают и заботятся только об одном: древний ли это город и много ли о нем сложено сказаний.

Однако и в безвестном местечке и в знаменитом городе можно без всякой помехи шить совершенно одинаковую обувь и писать одними и теми же буквами; так-же нет никаких препятствий к тому, чтобы и здесь и там с одинаковым рвением заниматься одними и теми же науками. Между тем люди усердно занимаются плотницким, строительным и ткацким делом в любом месте, (в) а вот для обучения искусству речи они избирают какую-либо одну область или один город, и всех, кто осмелится сказать хотя бы одно слово об этом предмете, изучив его где-нибудь в ином месте, они клеймят и позорят, словно преступников, разглашающих божественные тайны мистерий.

Между тем я вижу, что те же люди строят храмы Гермесу в любой стране в любом городе, а школы ораторского искусства самыми подлинными храмами Гермеса¹ признать не хотят. И если кто воздвигнет в любом храме статую бога, разукрашенную золотом, серебром и слоновой костью, люди поклоняются ей и особо почитают ее, (с) а на художественные творения, созданные речью, смотрят свысока и не оказывают им уважения.

Мне пришло на ум поговорить с вами об этом не потому, Зевс свидетель, что мне вздумалось поболтать о пустяках и не сказать при этом ни слова о деле. Нет, я не так умен и не так оборотист, как эти наши счастливики-софисты, а говорю я об этом потому, что нашелся человек, который решается порочить и презирать то образование, которое дается здесь. При этом он не ставит в вину такому образованию ничего, да и не может ничего поставить, кроме того, что оно приобретается именно здесь; видно, такие люди интересуются только названием города, а не науками. Давайте, постараемся переубедить этого человека и внушить ему, что не

стоит огорчаться и печалиться по этому поводу, (d) если у него за душой есть нечто более ценное.

Что касается меня, милый юноша, то я обучился ораторскому искусству в краю, гораздо менее знаменитом, чем наш город, и даже не эллинами населенном и совсем не приветливом,—а именно, у крайних пределов Понта, близ Фасида, там, где, как гласят сказания поэтов, причалил корабль Арго, спасшийся из Фессалии и потом вознесенный на небо.

(333a) Там же где-то неподалеку протекает и Термодонт, и страна, где свершали свои подвиги Амазонки, и Темискира². И тем не менее такой суровый варварский край стал святилищем муз благодаря мудрости и добродетели одного единственного мужа, который, поселившись среди колхов и армян, стал обучать не стрельбе из лука, не метанию дротов, не верховой езде, как в тех местах принято у варваров: он обучал тому, как, неустанно трудясь, овладеть искусством речи и достойным образом выступать на праздничных собраниях эллинов.

(в) Правдив ли мой рассказ, выяснится сейчас, когда вы увидите, что все, сказанное мной, сказано не напрасно, а непосредственно относится к делу: я прибыл сюда не по собственному желанию и решению, а меня прислал этот самый муж, любящий меня, как отец, и мыслящий, как философ. Если ты отнесешься с презрением к нему за то, что известнейшую философскую систему он изучил сам в этом далеком краю, то тем более ты должен презирать меня; ведь я, еще живя на родине, с самой юности, был приобщен им к этим таинствам...

(334a) А ты утверждаешь, что жаждешь получить образование и называешь себя страстным любителем искусства речи; так неужели ты не станешь стремиться к образованию и к красноречию, где бы ты с ними ни встретился, в Афинах ли или в Пелопоннесе или даже в Беотии? А ведь некогда Беотия считалась совершенно невежественной страной и по общенизвестной поговорке звалась «свиной беотийской», что указывало именно на необразованность ее населения. (с) Однако ни Пиндар, ни Коринна, ни Гесиод ничуть не запачкались об эту «свинью». Да ты, конечно, слышал и об Анахарсисе³, который был скифом и тем не менее мудрецом.

Быть привязанным к какому-нибудь прославленному городу, как говорит поэт, действительно, я полагаю, следует тому, кто посвятил себя государственной деятельности; науки же не нуждаются в том, чтобы их родина была особенно знаменита, они столь же — пожалуй, даже больше — ценятся в местах уединенных, а не в огромных городах. Ведь и Гомер восхваляет полководца, чьей родиной был Саламин, больше, чем вождя из Микен, а выше всех эллинов и варваров превозносит того, кто вырос во Фтии⁴, (d) да к тому же был воспитан в горах. А что касается меня, то стихи Гомера — сложил ли он их на Хиосе или в Смирне — по моему мнению выше всего того, что было сотворено в Афинах, и я всегда

готов читать их; из них же я могу узнать, что тому, кто был воспитан всего-навсего на какой-то Итаке⁵, это не помешало стать «хитроумнейшим» и что речи уроженца Пилоса⁶ были «слаще меда».

Взгляни теперь, говорю ли я именно то, что нужно: (335a) о том человеке, который что-либо любит глубоко и искренне, никому не придет в голову сказать, что здесь он свое дело любит, но в другом городе уже его не любит,— нет, он должен любить его повсюду...

(с) Мы скажем также, что тот, кто подлинно любит науки, не должен любить одни науки здесь, а другие там, но должен всюду любить все науки; а того, кто имеет возможность посвятить себя им, но отвергает их из-за того, что они изучаются не в том городе, в котором это угодно ему, того мы назовем не любителем познания, а «Коринфолюбом» или «Аргосолюбом» или поклонником какого-либо иного города, но не поклонником образования, каким он себя выставляет.

(337с) Если все, что я столь пространно разъяснял тебе, не производит на тебя никакого впечатления и если такая безудержанная страсть ко всяким заморским небылицам охватила тебя, то тебе, конечно, надо плыть не только к эллинам, но и в Египет, и в Эфиопию, и к индусам, чтобы, вернувшись оттуда, ты смог рассказать не какие-нибудь общеизвестные пустячки, а о драконах и слонах; тебе придется порассказать и об индийских муравьях — это ведь насекомое огромное, а рассказ о нем еще больше. (d) Брахманы тебя, конечно, к себе в горы не пустят, а низвергнут тебя оттуда молниями и ударами грома.

Но если ты действительно хочешь испытать из источника муз, а не притворяешься, будто тебя терзает жажда, то зачерпни воды из ручья, протекающего возле тебя; его вода чиста и вкусна, и тебе незачем искать Пирены или Аретусы⁷; так издавна установила священная воля богов. Поэтому ищи познаний в людях, а не в городах.

(338a) К этому случаю я хочу рассказать тебе хотя и простенькое, но древнее сказание. Некогда земля была необработана и безобразна, и богам пришло на ум о ней позаботиться. И вот они послали двух сыновей Япета⁸, поручили им украсить землю и, кроме всяких прочих благ, даровать жизнь многим существам, которые должны будут питаться плодами земли и ее украшать. И вот Эпиметей и Прометей поделили этот труд между собой: Прометей стал лепить и формировать живые существа из земли, (в) огня и всяких других родственных им веществ, а Эпиметей разукрасил землю и распределил по различным ее областям дары богов: одним местностям он даровал способность рождать хлеб, другие украсил виноградной лозой, третьим подарил дерево Афины⁹; некоторые области он засадил множеством плодовых деревьев, другие покрыл богатыми рощами, словно пышными кудрями; в одном месте он посеял золото, в другом серебро, в третьем медь, в остальных различные подобные вещества, причем он старался, насколько возможно, распреде-

лять эти блага поровну. Когда же все они были розданы, (с) Зевс-Отец сжалился над землею, захотел уделить ей и нечто божественное и подарил ей еще один кубок, наполненный речью и мудростью, причем велел, чтобы в дележе этого дара приняла участие вся земля; Эпиметей растерялся, не зная, как выполнить это поручение Зевса, но Прометей понял, что мысль и речь не могут расти в земле, как прочие семена, и что только душа живых существ может расти и питать это семя; поэтому этот кубок он принес людям и влил его в них; потому там, где речь, там и человек; как видно, только человек может воспринять и вырастить семена образования и речи; (d) потому-то все остальные плоды и растения в одной местности произрастают лучше, в другой — хуже; науки же — плод человеческой души и среди них надо различать более и менее ценные; а чтобы сравнивать их между собой, надо обладать некоторым искусством, сходным с земледелием, — между тем и другим много общего.

Прежде всего надо подготовить душу так, чтобы она была способна воспринять посев; подготовить же ее надо тщательным учением и напряженным вниманием; (339a) если ты оставишь ее жесткой и неразрыхленной, то ты напрасно загубишь брошенные в нее семена, и она родит тебе вместо разума и добродетели подлость и невежество, как земля рождает тернии. А когда земля уже засеяна и засажена, надо ее вновь проверять и перепаживать, чтобы то, что уже воспринято, закреплялось в памяти; надо очищать ее от дурных трав, чтобы хороший и добрый посев не был задущен разными сильными сорняками. А больше всего следует заботиться о том, чтобы (в) в душу не было посеяно и не было в ней возвращено то, от чего никакой пользы не будет. Ибо и в науках, как и в растениях, есть привлекательные и пышные, но бесплодные и бесполезные. Так, платановые и осинового рои не слишком ценятся земледельцем; правда, зато они доставляют удовольствие играющим девушкам, утомленному путнику, да и царю персов¹⁰, у которого, говорят, был даже золотой платан. Следует выбирать и внимательно проверять, какие семена действительно полезны; а, впрочем, если ты хочешь денег и пользу измеряешь деньгами, (с) то тебе надо разыскивать те знания, которые тебе принесут богатства. Эти семена весьма обильны, их сеют и в судах, и в совещаниях, а особенно быстро растут они в народном собрании и на ораторской трибуне. Я мог бы показать тебе немало людей, которые этим путем нажили себе огромные богатства; если ты пойдешь к ним и поухаживаешь за ними, они тебе в скорости дадут широкую глотку и длинный язык, а своими доходами ты обгонишь всех иноземных ораторов не только на десять шагов, или на двадцать, а, пожалуй, даже на целый стадий. — (d) вот какие ловкие у нас есть софисты.

Но если ты взглядишь в самого себя и подумаешь о том, как тебе стать лучше, то тебе следует искать иных семян, не этих, земных, а небесных; их, правда, у тебя никто не станет покупать,

никто не станет тобой восхищаться, но они, посеянные в твоей душе, будут для тебя драгоценны; редко и у немногих людей ты найдешь их,—ведь не слишком ценят их люди; ибо от них не наживешь ни золота, ни серебра, а иногда они даже приносят неуважение и считаются пустой болтовней; (340a) потому-то они у людей не в почете; но если бы люди вкусили от этих плодов и почувствовали их сладость, то они сами, пойми это, согласились бы с общеизвестной пословицей: «все золото на земле и под землей не стоит добродетели». Теперь же по незнакомству с этой ценностью и по невежеству они хватаются за пышную листву, восторгаются ею и самым ценным считают ее. Но корень именно этого растения дал Гомер, вернее, Гермес — Одиссею, когда тот пришел к Кирке, чтобы освободить товарищей от безумия, последовавшего за наслаждением¹¹. (a) Этот корень и ты, если приложишь старания, тоже получишь от Гермеса, и Гермес покажет тебе его природу, как показал ее сыну Лаэрта. Не думай, что это приобретение для тебя будет бесполезно потому, что ты никогда не увидишь ни этого острова, ни Кирки и не отведаешь ее зелья; знай, друг мой, что если ты не запасешься этим противоядием, то вместо одной чародейки Кирки найдутся многие, которые изготовят для тебя зелье; и живут они совсем не так далеко, чтобы им нужно было проделывать долгий путь, добираясь до тебя,—нет, они живут рядом, (c) они поведут хоровод вокруг тебя и будут звать тебя к себе. Но разве только в Египте растет этот корень? или на каком-нибудь острове, безмерно удаленном от твердой земли, и разве тебе придется долго странствовать, чтобы его добыть? Нет, если ты захочешь вдуматься в этот стих Гомера, ты поймешь, о каком противоядии он говорит; ведь поэт, хотя иносказательно, но совершенно ясно указывает на него.

Корень был черный; цветок белизной молоку был подобен¹²

Если ты не постигаешь смысла этого стиха, то, коли хочешь, я напомню тебе другую пословицу, которую ты еще мальчиком выучил в школе; (d) она тебе объяснит и истолкует этот стих: она гласит «корень истинного учения горек, плоды его сладки и прекрасны». Если ты сопоставишь «горький» с «черным», а «сладкий» с «белым», да к тому же поймешь, что это растение — подарок божества, то мысль поэта станет тебе ясна. Ты увидишь, что и Гесиод свидетельствует о том же, говоря, что в основе добродетели лежит тяжкий труд, но в конце концов этот труд становится легким. Поэтому, (341a) поскольку добродетели можно достигнуть где угодно, то и корень этот можно выкопать всюду.

Я думаю, именно это и хотел сказать Гомер, говоря, что Гермес дал Одиссею это растение тут же, а не посылал его далеко, и сам никуда не удалялся, чтобы добыть его, а вытащил его из земли на том месте, где стоял. Что иное хотел он сказать, как не то, что этот корень растет у самых наших ног и его может найти каждый прямо возле себя?

ПРОТИВ ТЕХ,
КТО СЧИТАЕТ ВОЗМОЖНЫМ ВЫСТУПАТЬ
БЕЗ ПОДГОТОВКИ

Хотя Фидий был величайшим мастером и умел создавать из золота и слоновой кости образы богов и людей, однако для этого он должен был иметь время и быть свободным от всяких других дел. Говорят, он, (310a) создавая статую Афины, положил немало времени и труда на отделку одной только ее обуви. И если бы кто-нибудь приказал ему показать свое искусство, но дал бы ему на это один день сроку, как бы он поступил и как бы отнесся к такому требованию?

Вгляни, например, насколько удачно он ответил одному страстному поклоннику его искусства: «Ты, приятель, как видно, большой любитель моих произведений: но если ты не согласишься дать мне достаточно времени, чтобы я мог создать что-то новое и свежее, то лучше пойди поглядеть на Афины в нашем городе (в) или на Зевса в Олимпии и этого тебе с избытком хватит для того, чтобы прийти в восторг от Фидия».

Также и тебе, дорогой мой поклонник, если ты намерен получить от меня какое-нибудь произведение уже завтра, я могу только посоветовать бросить взгляд на одно из уже законченных мной; тебе к тому же, мне сдается, даже нет нужды отправляться туда, где они были созданы: ведь плоды моего искусства я всегда ношу при себе; создаются они всегда в одном и том же месте (с) и сопутствуют создавшему их мастеру. Но окажи мне любезность — дай мне время на создание твоего образа. Я не столь одарен и не столь искусен, чтобы набрасывать картины, не переводя дыхания, как наши «премудрые» софисты. Да и не могу я изображать любого властителя, но только того, кто сам собой являет образец, который дышит справедливостью, сочетает кротость и силу, воплощает в себе сонм богов и благих духов; иных (d) образов не должны писать те, чей учитель — Сократ.

Потому-то задача моя и нелегка — ведь таких образцов очень мало; но тот, который даешь мне ты, прекрасен и величествен, так что для моей картины ни в чем не будет недостатка. По правую руку от тебя я изображаю Закон, — он воспитывал тебя с самых ранних лет и теперь восседает с тобой рядом; по другую руку — Справедливость, никогда тебя не покидавшую, и толпу других твоих соратников, которых я вижу в твоём обличии; (311a) и я знаю, их будет так много, что выбор будет для меня нетруден.

Однако в настоящее время у меня не хватает досуга для этого дела и я приношу нечто из того, что до сих пор хранил в тайне: ведь красота речей не расцветает более пышно от их новизны и не вянет от старости, но какими они были созданы изначально, такими они остаются навсегда.

ГИМЕРИЙ

Гимерий (315—386) был современником Либания и Фемистия. Родился он в Вифинии, но большую часть своей жизни провел в Афинах, где преподавал искусство речи. Император Юлиан относился к нему благожелательно и даже взял с собой, отправляясь в поход на Восток; но, по-видимому, Гимерий, как и Либаний, не поехал дальше Константинополя и вернулся в Афины. Гимерий оставил нам довольно богатое наследие: 24 речи сохранились полностью, 10 речей — частично: кроме того, уцелел ряд аксцерптов (сокращений), сделанных Фотием в его «Библиотеке»; они включаются в собрание речей Гимерия под названием «эклог», некоторые из них довольно велики по размеру. Все эти произведения дают нам ясное представление о приемах составления чисто риторических речей: ни политические, ни философские вопросы в речах Гимерия не затрагиваются, его интересует исключительно педагогическая деятельность (пользу которой он оценивает очень высоко), и красота слова как такового. Речи его благозвучны, написаны легким изящным языком, переполнены сравнениями, антитезами и метафорами, но мало содержательны. Гимерий был знатоком древнегреческой поэзии, особенно лирической, и мы обязаны ему большим числом фрагментов из Сапфо, Симонида и других древних поэтов.

РЕЧЬ ПЕРЕД НАЧАЛОМ ЗАНЯТИЙ

1. Начало наших занятий речью мы речью же и украсим, чтобы двери Гермеса¹ открылись перед благозвучным словом так же, как врата муз открываются, когда зазвучит лира. Ведь звуки флейты раздаются перед входом в брачный покой; и когда на состязаниях входит судья, гремят трубы; и пастушеская песня провожает стада на пастбище; возможно ли, чтобы начало занятий речью не было ознменовано речью?

2. Я часто замечал, что и другие мастера, и не только те, кто служит искусствам муз, а и те, кто работает руками, готовят образцы своего искусства для тех, кто приходит к ним учиться; живописец подготавливает таблички, чтобы ученик научился правильно проводить линии; ваятелю на первых шагах обучения его искусству образцом служат различные маленькие восковые изделия и фигурки.

3. Флейтист обучает игре на флейте, проигрывая сам мелодию на тростниковой дудочке, а кифаред играет ее на форминге перед своими учениками. Ребенок учится управлять лодкой, держась вместе с стариком за рулевое весло, а подросток, учась стрельбе из лука, натягивает лук вместе с индийским лучником. Даже птицы, выпуская своих птенцов из гнезда, разве не учат их расправлять крылышки, прежде чем позволяют им смело летать?

Так же поступает и учитель красноречия: как искусные пловцы поддерживают своими руками тех, кто плавать еще не умеет, и тем самым заставляют их плыть, так и учитель, облегчая труд начинающих юнцов, внушает им смелость.

4. Эти мои слова в данное время вполне уместны: среди нас находятся двое приезжих гостей, один из них уже издавна искушен в речах и теперь прибыл к нам как судья на состязаниях и как посланник тех краев, где Геллеспонт отделяет Европу от Азии; другой — юнец и новичок, стремящийся вкусить сладость наших таинств. Жители Памфилии до походов Кимона не были подлинными эллинами; но стояли ближе к мидянам, Ксерксу и персам; когда же Кимон воздвиг в Памфилии два трофея, тогда не только Евримедонт² стал восхваляться в речах наравне с Нилом, но и памфилийцы стали почти что жителями Аттики и с тех пор имя нашего города у них в большом почете.

О ТОМ,
ЧТО НАДО ПОСТОЯННО УПРАЖНЯТЬСЯ В РЕЧАХ
(произнесена в летнее время, без подготовки)

1. «Усердие помогает делу» — это слова трудолюбивого поэта¹. Однако не будем верить одним только поэтам, а если нам придут на ум какие-нибудь иные доводы, давайте припомним и их. Да нет, лучше я расскажу вам вот какую повесть:

2. Праздновались пифийские игры, и Тимагенид объявил, что он будет играть на двойной флейте: и вот, прежде чем вступить в состязание со своими соперниками, он потихоньку вышел из толпы и стал упражняться в игре в кругу своих ближайших друзей: он то проигрывал мелодию на одной из флейт, то, сильнее напрягая дыхание, пользовался обоими стволами, то он, словно шутя, немного изменял напев и делал несколько ходов, как бы внося предварительный залог к своему выступлению, то наигрывал ту самую мелодию, которую приготовил к состязанию — ее называют напевом Афины; именно такие упражнения оживляют и совершенствуют искусство.

3. Конь может участвовать в бегах, если его выпускают на ристалище не от ясель, а после длительной подготовки; и борец скоро услышит свое имя провозглашенным на играх, если он предпочитает гимнасий пиршествам. Да и воину я советую не дожидаться войны, а упражняться во владении оружием и в мирное время. Мы видим, что и усердный землепашец ладит плуг раньше, чем зайдут Плеяды², и, не дожидаясь того времени, когда они снова взойдут, точит серп, чтобы сжать ниву, как только начнется зной.

4. А тому, кто стремится овладеть искусством речи, что иное следует делать, кроме как усердно заботиться об этом? Слушал я однажды одного искушенного мужа (а искушен он был в том самом искусстве, которым и мы занимаемся), и вот его слова о нашем деле: «Речь порождается речью».

5. Потому-то, согласно аттическому сказанию, соловья и лишили языка, что он поет не всегда, а разделяет год на время молчания и время пения; поэтому и песню его называют «жалобным плачем», порицая его за то, что он, будучи уроженцем Аттики, не все время занят пением. А вот лебеди в наших сказаниях посвящены Аполлону, и пение их восхваляется за то, что они никогда не перестают воспевать гимны божеству.

О ПОЛЬЗЕ УПРАЖНЕНИЙ

1. Принесем прежде всего в нашем доме жертву музам; а жертва музам — речи; приступим к священнодействиям раньше всего на нашем домашнем алтаре. Таков аттический закон: прежде чем обращаться к высшим богам, участвуя в таинствах, справляемых вне стен дома, надо умилоствовать их священными обрядами в самом доме. Мы имеем обычай и в разных иных делах начинать с малого и стремиться к великому. Ни один моряк не пустится сразу в открытое море, не научившись управлять своей лодкой в тихом заливе; когда же он увидит, что его судно хорошо выдерживает легкую зыбь, тогда только он становится смелее и решается спустить его на бурные волны.

2. Также усердный борец, — даже уже одержав победу на олимпийских играх и стяжав великую награду из уст глашатая элейцев, — чуть только заметит, что его силы за время отдыха немного упали, выходит на широкое поприще не ранее, чем проделает упражнения в палестре. Знаю я, что и те, кто занимается музыкой, не станут играть перед народом, собравшимся в театре, прежде чем дома разовьют гибкость руки. И флейтист не решится выйти на сцену, если он у себя дома не проверит свою флейту, и кифаред не станет играть перед народом, если на досуге не поупражняется в игре на лире.

3. Взгляни, наконец, на певчих птиц — и они сперва тоже слегка испытывают свои напевы и уж потом взлетают ввысь и с вершин деревьев льют свои песни. Так же поет свою песенку и кузнечик; и лебедь, взмахнув крыльями, готовится воспеть свой гимн Аполлону. Ни один возница не запряжет в колесницу необъезженного жеребенка, если он впоследствии хочет сделать из него коня для бегов; нет, он сперва научит его бегать без упряжи и только тогда, крепко взяв в руки узду, он направит бег коня против его соперников.

4. По этому поводу я хочу вам рассказать одну историю. Эфиопы, живущие близко к восходу солнца, — кочевники и лучники; только стрельбой из лука весь этот народ добывает себе пропитание; и войну они ведут тем же оружием; сидя верхом на слонах, они сверху мечут стрелы в своих врагов. К этим-то эфиопам и пришел Александр, миновав многие земли. Расспросив, кто из эфиопов наилучший стрелок, и узнав, как его зовут, он призвал его к себе и велел ему показать свое искусство; а тот понурился, призадумался и сказал, что для этого он хотел бы сперва поупражняться, — случилось же так, что ему вчера целый день не пришлось стрелять. Вот сколь разумен был этот эфиоп.

5. Мне думается, и Гомер в своих песнях хочет сказать то же самое: он не заставил героя Итаки сражаться с Антиноем, самым дерзким из женихов, тотчас же после возвращения от феаков и вы-

садки на берег с корабля; он дал ему возможность испытать свои силы в стрельбе сквозь кольца секир, и только когда Одиссей достиг успеха в этом состязании, поэт позволил ему натянуть лук, чтобы поразить Антиноя¹.

6. Также и вы, юноши, ввиду того, что мы давно не занимались произнесением речей, должны много упражняться в речах и держать их пока под защитой домашних стен, прежде чем вывести их на сцену перед народом. А если у вас и найдутся такие дерзкие и хвастливые речи, которые захотят показаться особенно сильными и цветущими и уподобиться своему богу, — ведь его и художники и ваятели всегда изображают прекрасным и молодым, — то пусть они подражают не тем его изображениям, которые пользуются искусственными прикрасами, а ему самому, такому, каким его отец родил от богини.

7. Значит, уж раз так повелось во всех делах, что каждый еще до состязания должен испытать самого себя путем упражнений, то и мы будем пока «вести игру» в пределах нашего дома, а самые состязания перед большим числом зрителей отложим на будущее время.

Эклога XVII¹

ПО ПОВОДУ БЕСПОРЯДКОВ, ВОЗНИКШИХ В ШКОЛЕ

(из речи, произнесенной без подготовки)

(§ 1, 3, 5)

1. Быть может, друзья мои, в нашей речи заключено какое-то чарующее средство, обладающее силой прекращать ссоры? Разве наше искусство не стремится освежить нас так же, как, по словам Гомера, утешил плачущих гостей кубок Елены, поставленный перед ними этой дочерью Зевса в доме Менелая? Не был ли волшебный напиток, поданный Еленой, вовсе не зельем из разных трав, изготовленным по указаниям египетского искусства, но речью, сладостной и мудрой, способной, подобно лечебному снадобью, умиротворить пламя души, пылающее в глубине сердца?..

3. Некогда царь впал в уныние: но музыкант Тимофей не допустил этого и своими напевами вознес его дух до неба. Порой вспыхивал царь безудержным гневом — его пыл укрощал звоном струн тот же мастер. Грустил ли царь — он тотчас же заставлял его улыбнуться. Предавался ли Александр чрезмерным наслаждениям, — послушав музыку, царь погружался в задумчивость. Одним словом, его видели всегда таким, каким его делал Тимофей своей игрой...

5. Зефир своим дыханием успокаивает волны; неужели аттический оратор и эллинская речь, как только она зазвучит, не укротит вражду?

В ЧЕСТЬ СВОЕГО ДОМА, НЕБОЛЬШОГО И СКРОМНОГО

(декламация, произнесенная без подготовки)

1. Говорят, на острове Делосе его жители показывают храм, по своему убранству очень скромный, но в речах и сказаниях прославленный. Молва гласит, что у Латоны, когда она рождала богов, именно там закончились родовые муки и что Аполлон почтил это место, положив на нем лавровые ветви и воздвигнув священные треножники, чтобы отсюда провозглашалось правосудие для всей Эллады. Ибо для каждого сладостно и почитаемо место, где началась его жизнь, хотя бы само по себе оно было и незначительно.

2. Радостно мореходу видеть ту гавань, из которой он впервые пустился в море; радостно воину видеть то поле, где он стяжал первый трофей; любит пахарь тот клочок земли, с которого он собрал первые колосья. И мы видим, что и те, кто жил в давно минувшие времена, чувствовали то же самое. Скудную Итаку, скалистый остров, предпочитает Одиссей прекрасной Огигии и самой Калипсо¹; предпочитает и Нестор свой Пилос Трое, а Аянт — Эгину Коринфу. А Демокед, родом кротонец², живший, говорят, у царя персидского и получивший от него всевозможные блага, ничего не ценил выше родного Кротона; и Сузы, и Бактры, и поток Хоаспа³ и даже золотую трапезу царя он не ставил ни во что по сравнению со своим жилищем в Кротоне.

3. Так и мы, выступавшие в состязаниях на сценах многих больших театров, ныне, возвратившись к себе и собравшись снова вместе для наших занятий, обратимся же с приветом к этой тесной сцене! О храм муз и Гермеса! О священное прекраснейшее убежище, впервые принявшее к себе наши рожденные в муках речи! С любовью стремясь к тебе, я сказал «простите» золотым залам, распрощался с богатством и почестями, которых жаждет толпа; выше всего этого я оценил славу, которую даешь ты: ведь то, что кажется незначительным, часто вызывает у людей большее восхищение, чем то, что принято считать великим. Какой чужестранец, прибыв в Афины, станет разыскивать огромный дом Гиппоника⁴ вместо скромного жилища Демосфена или дворика при доме Сократа? Кто при посещении Фив захочет видеть громадное строение Тимегенида или других фиванских богачей вместо домика Пиндара? И спартанцы прежде всего показывают приезжим дом Ликурга, как самое великое, что имеется в их городе.

4. Поэтому, ученики мои, не будем и мы считать позорным для себя именно здесь усердно заниматься искусством речи! Тесна была мастерская Фидия, но в ней были созданы Зевс и Афина; невелика была она и у Праксителя, но, чтобы увидеть ее, все стремились побывать в Книде⁵. В негустом кустарнике поет соловей, но и вдали

все слушают его песню; на малой лужайке живет лебедь, но когда он запоет, на его песнь откликается вся окрестность.

5. О Аполлон-песнопевец,— ибо радуют тебя призывы в гимназах поэтов,— о хор геликонских муз! Никогда не покидайте нас, радеющих о красноречии! Будем ли мы на малых или на великих сценах вести наш хоровод, потрудитесь вместе с нами над созданием прекрасных звуков!

РИМСКОЕ
ОРАТОРСКОЕ ИСКУССТВО

•

АПУЛЕЙ

Луций Апулей (ок. 124—180) из Мадавы в Африке известен более всего как автор романа «Метаморфозы» (или «Золотой осел»), отрывки из которого помещены в сборнике «Памятники поздней античной поэзии и прозы»; там читатель найдет и биографическую заметку об Апулее. Здесь же Апулей представлен в своем основном жанре — красноречии. Памятниками этого жанра среди его сохранившихся сочинений являются «Апология» — судебная речь в защиту самого себя — и «Флориды» — отрывки из декламаций.

«Апология» была произнесена Апулеем в 157 г. Поводом к этому послужили следующие обстоятельства. За несколько лет до того, объезжая города Африки, Апулей встретился в городе Эе (ныне Триполи) со своим старым товарищем по философской школе Понтианом, остановился у него и, поддавшись его уговорам, вскоре женился на его матери — богатой вдове Пудентилле. Это беспокоило родственников первого мужа Пудентиллы, надеявшихся после ее кончины получить наследство, и они, дождавшись смерти Понтиана, подали на Апулея в суд. Жалобщиком выступил младший брат Понтиана, подросток Пудент, а за его спиной стояли тесть Понтиана Руфин и брат первого мужа Пудентиллы Эмилиан. Апулея они обвиняли в том, что он приворожил к себе Пудентиллу с помощью запрещенных магических средств. Апулей с блеском высмеял своих противников, искусно опроверг все их доводы и был оправдан; но любопытно, что открытого признания в том, что магией он не занимается, он так и не решился сделать.

Второе риторическое сочинение Апулея — «Флориды» («Цветник») представляет собой 23 избранных отрывка, извлеченных из декламаций Апулея, изданных когда-то им самим, но до нас не дошедших. Выборка была сделана каким-то поклонником таланта Апулея, ценителем красоты и изящества стиля; кроме стиля, по-видимому, его ничто не интересовало, и, видно, поэтому иные отрывки не имеют ни начала, ни конца, не говоря уже о взаимной связи. Тем не менее и по содержанию (описания, исторические анекдоты, философские рассуждения) и по форме «Флориды» представляют характерный памятник риторического искусства времен «второй софистики».

АПОЛОГИЯ, ИЛИ РЕЧЬ В ЗАЩИТУ САМОГО СЕБЯ ОТ ОБВИНЕНИЯ В МАГИИ

(§ 4, 18—21, 37, 57—60, 74—77, 98, 61—64, 92)

4. Итак, ты выслушал только что начало обвинительного акта, где было сказано следующее: «Мы обвиняем перед тобою философа красивой наружности и — вот ведь грех! — столь же красноречиво изъясняющегося по-гречески, как и по-латыни». Этими самыми словами, если не ошибаюсь, начал свое обвинение против меня Танноний Пудент¹; — вот уж он человек, право же, ни в какой мере не красноречивый. Ах, если бы он действительно имел основание обвинять меня в таких тяжелых преступлениях, как красота и дар слова! Ни минуты не задумываясь, я ответил бы ему то же, что гомеровский Александр Гектору²:

Нет, не презрен ни один из прекрасных даров нам бессмертных;
Их они сами дают: произвольно никто не получит.

Так ответил бы я относительно внешности. А кроме того сказал бы, что и философам дозволено иметь привлекательную наружность. Пифагор, который первый назвал себя философом, был самым красивым человеком своего времени; точно так же знаменитый Зенон Древний, родом из Веллии³, который прежде всех с искуснейшим мастерством стал вскрывать внутренние противоречия различных высказываний, также и этот Зенон был необычайно красив, как утверждает Платон; и вообще история знает немало красивых философов, которые изящную внешность украсили добродетельными нравами. Но эта защита не имеет ко мне почти никакого отношения, так как, не говоря уже о моей заурядной внешности, непрерывные занятия науками стирают с меня всю внешнюю привлекательность, портят наружность, высасывают соки, лишают хорошего цвета лица, отнимают жизненные силы. Да и волосы, которые, по явно лживым словам вот этих господ, я отпустил как украшение, в целях соблазна, ты видишь, как восхитительно красивы эти волосы, вставшие дыбом и нерасчесанные; похожие на набивку из пакли, местами взъерошенные, спутанные, всклокоченные, одним словом — в полном беспорядке: так долго я вовсе не заботился не то что о красивой прическе, но даже о том, чтобы распутать и расчесать свои волосы. Этим, по-моему, достаточно опровергнуто «волосяное» обвинение, выдвигая которое, они надеются уличить меня чуть ли не в уголовном преступлении.

18. Он же попрекнул меня бедностью — обвинение для философа лестное и, более того, такое, о котором следует самому заявить во всеуслышание. В самом деле, бедность — издавна служанка философии. Умеренная, благоразумная, владеющая немногим, ревнующая о доброй славе, она предохраняла от опасностей, связанных

с богатством; она равнодушна к своей внешности, в образе жизни — проста, хорошая советчица; никогда и никого не сделала она высокомерным, никого не превратила в раба собственных страстей, никого не ожесточила тиранией. Обжорства и разврата она не желает и желать не может: ведь и эти и другие гнусности — обычно питомцы богатства. Припомни величайших преступников, каких только знает человеческая история, — ты не найдешь среди них ни одного бедняка! И наоборот, среди людей знаменитых нелегко найти богачей, а всякий, кто заслужил наше восхищение чем бы то ни было, — бедностью был вскормлен с самой колыбели. Бедность, утверждаю я, была в древние времена основательницей всех государств, изобретательницей всех искусств и ремесел; за ней нет никаких преступлений, она — неисчерпаемый источник всяческой славы, нет народа, который не принес бы ей всевозможных похвал. Понстигие, одна и та же бедность у греков в Аристиде — справедлива, в Фокионе — щедра, в Эпаминонде — доблестна⁴, в Сократе — мудра, в Гомере — красноречива. Все та же бедность была основательницей государства римского народа. Вот почему вплоть до сегодняшнего дня, принося жертвы бессмертным богам, пользуются глиняной миской и ложкой. Да, если бы только судьями на этом процессе заседали Гай Фабриций, Гней Сципион, Маний Курий, дочери которых из-за бедности получили приданое в дар от государства и пришли к мужьям, неся славу из дому, а деньги — из государственной казны; Публикола, изгнавший царей, и Агриппа — умиротворитель народа, оба такие бедняки, что римляне сложились и устроили им похороны вскладчину; Атилий Регул⁵, клочок земли которого по той же причине обрабатывался за счет государства; если бы, наконец, все славные и древние роды консулов, цензоров и триумфаторов, увидев на короткое время свет дня, были посланы сюда и слушали нашу тяжбу, осмелился бы ты перед столькими консулами-бедняками попрекать бедностью философа?

19. Или, может быть, Клавдий Максим⁶ кажется тебе подходящим слушателем, чтобы в его присутствии издеваться над бедностью потому лишь, что ему выпало на долю получить большое и богатое наследство? Ошибаешься, Эмилиан, и вовсе не понимаешь этого человека, если меришь его душу, исходя из обильных даров судьбы, а не из принципов философии, если думаешь, что муж столь сурового образа жизни, столько лет прослуживший в войске, не расположен более дружественно к скромной умеренности, чем к изнеженности и богатству, и что он не относится к имуществу, как к тунике, одобряя скорее соразмерность, чем длину. Да, потому что имущество, если его не носят, а волочат, точно так же, как свисающие края одежды, мешает двигаться и ведет к падению. Ведь все, чем бы ты в жизни ни пользовался, оказывается скорее обременительным, чем полезным, если только выходит за пределы целесообразной умеренности. Поэтому чересчур большие богатства напо-

минают чудовищно огромные кормила, которые легче топят, чем держат правильный курс: их изобилие — бесполезно, а излишество — вредно. И даже среди самих богачей, насколько я вижу, больше всего хвалят тех, которые стараются жить тихо, незаметно и умеренно и не выставляют своих возможностей напоказ. Своими богатствами они распоряжаются без похвальбы, без высокомерия и скромностью образа жизни напоминают бедняков. А уж если сами богачи стремятся создать какое-то подобие и видимость бедности, как доказательство своей скромности, то зачем же станем стыдиться бедности мы, маленькие люди, мы, которые не притворяемся бедняками, а на самом деле бедны?..

20. Впрочем, я могу поспорить с тобою и о самом слове «бедность». Я утверждаю, что никто из нас не может быть назван бедняком, если он отказывается от излишнего и наделен всем необходимым, а природа сводит это к очень немногому. В самом деле, тот будет иметь больше всего, кто меньше всего будет желать, и, разумеется, тот будет иметь, сколько захочет, кто захочет наименьшего. Поэтому мера богатства — не столько земли и доходы, сколько сама душа человека: если он терпит нужду из-за жадности и ненасытен к наживе, то ему не хватит даже золотых гор, он постоянно будет что-нибудь выпрашивать, чтобы приумножить нажитое прежде. Но ведь это и есть настоящее признание в бедности, потому что всякая страсть к стяжательству исходит из предположения, что ты беден, и несущественно, насколько велико то, чего тебе не хватает. У Фила не было такого состояния, как у Лелия, у Лелия — как у Сципиона, у Сципиона — как у Красса Богатого⁷, но и у Красса, в свою очередь, не было такого состояния, какого он сам хотел. Таким образом, хоть он и всех превосходил, его самого превзошла собственная алчность, и он казался богатым всем и каждому, но только не самому себе. Наоборот, те философы, о которых я упомянул, не хотели ничего большего, чем то, что у них было, и, соразмеряя желания с возможностями, были богаты и счастливы, законно и по заслугам. Бедняком, если хочешь знать, тебя сделают стремления, которые ты не в силах осуществить, а богачом — удовлетворенность, которую рождает отсутствие потребностей. Действительно, признак нужды — желание, изобилия — сытость. Стало быть, Эмилиан, если хочешь, чтобы меня считали бедняком, тебе придется доказать сначала, что я жадею. Потому что коль скоро в душе я не испытываю недостатка ни в чем, то хватает ли мне вещей, находящихся вне меня, или нет, — мне безразлично. В изобилии этих вещей нет никакой заслуги, так же как в недостатке — вины.

21. Но допустим, что обстоятельства сложились иначе, что завистница-судьба сделала меня бедняком и, как это обыкновенно случается, мое богатство отнял у меня опекун, либо похитил враг, либо мне ничего не оставил отец. Пусть так, но можно ли ставить человеку в упрек его бедность, в то время как ни одному из животных не вменяется это в вину — ни орлу, ни быку, ни льву? Вот,

например, конь: коль скоро он обладает присущими ему достоинствами, то есть тяжести перевозит спокойно, а бежит резво, то никто не бранит его, если ему не хватает корма. А ты станешь обвинять меня не за испорченность, проявившуюся в каком-нибудь слове или поступке, но за то, что живу я в доме без украшений, что рабов у меня очень немного, что питаюсь я довольно скудно, довольно просто одеваюсь, довольно редко угощаю приятелей? Ну, что ж, каким бы ничтожным ни казалось тебе все это, я многое, напротив, считаю даже излишним и хочу ограничить себя еще сильнее: я буду тем счастливее, чем умереннее будет мой образ жизни. Ведь для духа, как и для тела, здоровье равносильно полной свободе, а слабость — связанности и скованности, и верный признак немощи — испытывать недостаток во многом. Одним словом, для жизни, как и для плаванья, больше пригоден тот, кто менее обременен грузом; да, есть и в этой буре жизни человеческой предметы легкие, которые помогают удержаться на поверхности, есть и тяжелые, которые тянут ко дну. Нас учат, что боги более всего превосходят людей именно оттого, что ни в чем не испытывают недостатка и ни в чем не нуждаются. В таком случае тот из нас, у кого потребности самые незначительные, больше других подобен богам.

37. Поэт Софокл, современник Эврипида, переживший его — ведь он дожил до глубокой старости, — обвиненный родным сыном в безумии (тот утверждал, что преклонный возраст отнял у отца разум), предъявил, как рассказывают, судьям своего «Эдипа в Колоне», замечательную трагедию, которую он как раз в то время писал. Прочитав ее судьям, Софокл не прибавил ни слова больше в свою защиту. Он сказал только, чтобы судьи смело осудили его как безумца, если им не нравятся стихи старика. Тогда все судьи, насколько мне известно, поднялись и стоя приветствовали великого поэта, превознося его восторженными похвалами и восхищаясь занимательностью содержания и возвышенностью стиля трагедии. В конце концов едва не вышло так, что не Софокл, а, наоборот, его обвинитель был осужден как безумец.

57. ...Ты слышал, как они прочитали по тетрадке показания некоего обжоры и отчаянного мота Юния Красса. Он утверждает, будто в его доме я не раз устраивал ночные священнодействия вместе с моим другом Аппием Квинтианом, который снимал у него квартиру. И хотя Красс был в то время в Александрии, все же, по его словам, он узнал об этом по дыму факелов и по птичьим перьям. Ну конечно! Пирюя в Александрии (ведь Красс — большой любитель таскаться по пирам среди бела дня), он ловил в трактирном угаре перья, долетавшие из его родного дома, и узнавал дым своего очага, поднимавшийся вдали над отеческой кровлей. Если он видел этот дым воочию, то его зрение превосходит желания и мечты Улисса. Улисс, долгие годы смотря с берега на море, тщетно старался поймать взглядом дым, подымавшийся над его землей⁸,

а Красс в течение немногих месяцев своего отсутствия без всякого труда видел этот самый дым, сидя в винной лавке. А если он уловил ноздрями чад из своего дома, то остротой обоняния превосходит собак и хищных птиц. И в самом деле, какая собака или хищная птица могла бы под небом Александрии учуять какой-нибудь запах, идущий из Эи? Действительно, ваш Красс — великий кутила и ему известны «ароматы» любого сорта, но, разумеется, из-за усердия в пьянстве (это одно достоинство за ним признают все) к нему в Александрию легче могли дойти винные пары, чем кухонный чад.

58. Он и сам понимал, что этому невозможно будет поверить, потому что, как рассказывают, продал свои показания до второго часа дня, еще натошак и в трезвом виде. Вот он и написал, что обнаружил это следующим образом. Вернувшись из Александрии, он направился прямо в свой дом, откуда Квинтиан уже съехал. Там, в передней, он неожиданно натолкнулся на множество птичьих перьев; кроме того, стены были испачканы сажей. Он якобы потребовал объяснений у своего раба, которого оставлял в Эе, и тот рассказал ему о моих с Квинтианом ночных священнодействиях. Как тонко сработано, как правдоподобно придумано! Ну, конечно, если бы я задумал сделать что-нибудь подобное, я не стал бы заниматься этим делом у себя в доме, а что касается поддерживающего меня в этом процессе Квинтиана, имя которого, в силу связывающей нас тесной дружбы, его редкой образованности и замечательного красноречия, я называю с почтением и похвалой, у Квинтиана, говорю я, будь у него какие-нибудь птицы к обеду или если бы, как они утверждают, он убивал этих птиц с магическими целями, у него не нашлось бы раба, чтобы собрать перья и вынести их вон! И вдобавок дым был такой силы, что закоптил стены, а Квинтиан терпел это безобразие в своей спальне все время, пока жил в ней?.. Молчишь, Эмилиан?.. Да, это не похоже на правду, разве только Красс, вернувшись, направился не в спальню, а по своему обыкновению — прямо к плите. А откуда узнал раб Красса, что стены скорее всего были закопчены ночью? Не по цвету ли дыма? По-видимому, ночной дым чернее и этим отличается от дневного! Почему же столь подозрительный и усердный раб допустил, чтобы Квинтиан съехал, не наведя прежде чистоты в доме? Почему эти перья, как будто они свиные, лежали так долго, ожидая приезда Красса? Но пусть не обвиняет Красс своего раба. Вернее всего, он сам все это наврал о саже и перьях, потому что даже в своих показаниях он не в силах оторваться от кухни.

59. А почему вы прочитали его показания по тетрадке? Сам Красс, в какой стране он находится? Уж не вернулся ли он в Александрию из-за отвращения к собственному дому? Или он очищает свои стены? Или, что вероятнее, этот забулдыга болен с похмелья? Я по крайней мере достаточно ясно видел его вчера здесь, в Сабрате¹⁰, посреди площади, где он рыгал тебе в лицо, Эмилиан. Спроси

у своих номенклаторов¹¹, Максим,— хотя он лучше известен кабатчикам, чем номенклаторам,— все же, повторяю, спроси, не видали ли они здесь Юния Красса из Эи. Они не станут этого отрицать. Пусть Эмилиан представит нам этого почтеннейшего молодого человека, на чьи показания он полагается. Вы видите, который теперь час? Я утверждаю, что Красс уже давно напился и храпит или, принимая второй раз ванну, смывает в бане винный пот, готовясь отправиться на выпивку после пира. Он здесь, Максим, он в городе, но разговаривает с тобой в письменной форме. И дело не в том, что он не до конца еще лишился чувства стыда и не мог бы лгать, вовсе не краснея, если бы очутился у тебя перед глазами. Нет, вероятно, он был не в состоянии ни на вот столечко удержаться от пьянства, хотя бы так, чтобы дожидаться этого часа в трезвом виде. Или, скорее, Эмилиан действовал умышленно, чтобы не ставить Красса перед таким строгим взглядом, как твой, и чтобы ты не осудил это гнусное страшилище с голым подбородком¹², увидев безбородую и оплешивевшую голову этого молодого еще человека, его слезящиеся глаза, опухшие веки, слюнявые губы, трясущиеся руки, услышав его хриплый голос и пьяную икоту. Он уже давно промотал все наследство, и из отцовского имущества у него не осталось ничего, кроме одного дома, где он торгует клеветой; но никогда не сдавал он своего дома внаймы дороже, чем в этот раз, когда дал показания. Ведь свою пьяную выдумку он продал Эмилиану за три тысячи сестерциев, и нет в Эе никого, кто бы этого не знал.

60. Всем нам это дело было уже известно раньше и, подав заявление в суд, я мог бы не допустить того, что случилось; но я знал, что такая глупая лож повредит скорее Эмилиану, купившему ее себе в убыток, чем мне, заслуженно презирающему ее. Я хотел, чтобы и Эмилиан понес ущерб и Красс был вконец опозорен собственными показаниями. Как бы то ни было, но сделка была заключена совершенно открыто в доме некоего Руфина, о котором я скоро буду говорить, причем посредниками и ходатаями были сами Руфин и Кальпурниан¹³. Руфин взял это на себя с тем большей охотой, что не малую часть вознаграждения — в этом он был уверен — Красс отдаст его жене, развратного поведения которой Руфин будто бы не замечает, хоть и отлично знает о нем. Я видел, Максим, что и ты, со свойственной тебе пронизательностью, заподозрил их в сговоре и союзе против меня, и, когда тебе была представлена эта жалоба, я заметил на твоем лице презрение ко всей их затее. Наконец, хоть они и отличаются беспредельной наглостью и невыносимым бесстыдством, все же, видя, что показания Красса дали, так сказать, весьма вонючий осадок, они не осмелились ни сами прочесть их, ни вообще сослаться на них. Я же упомянул об этом не потому, чтобы опасался пугала из перьев и пятна сажки (в особенности у такого судьи, как ты), а для того, чтобы Красс не продал безнаказанно дыма¹⁴ деревенщине Эмилиану.

74. О, если бы я мог, не нанося делу тяжелого ущерба, обойти молчанием то, о чем предстоит говорить! Тогда бы не казалось, что я, чистосердечно простив Понтиана¹⁵, умолявшего меня извинить ему его заблуждение, вновь упрекаю его теперь за легкомыслие! Да, я признаю (и это послужило аргументом против меня), что после женитьбы он уклонился от исполнения заключенного договора; изменив неожиданно свои намерения, он стал с равным упорством препятствовать тому, к чему прежде с таким нетерпением стремился, и, наконец, был готов что угодно вынести, что угодно сделать, лишь бы только наш брак не состоялся. Впрочем, обвинять за эту перемену к худшему и за вражду к матери следует не его, а его тестя, вот этого Геренния Руфина, который в ничтожестве, бессовестности и порочности не имеет себе равных в целом свете. В немногих словах, как можно сдержаннее, я нарисую облик этого человека: мне не хотелось бы, чтобы его старания, если я вовсе умолчу о нем, пропали даром, — он ведь не щадил своих сил, раздувая против меня это дело.

Ведь это он подстрекнул этого мальчонку¹⁶, он составил обвинение, он нанял адвокатов, он скупил свидетелей, он очаг всей клеветы, он факед и бич этого Эмилиана, он повсюду с необыкновенной наглостью хвастается, что из-за его хитрости меня привлекли к суду. И правда, ему есть за что рукоплескать себе в таких делах. Посредник во всяких тяжбах, изобретатель всяких обманов, мастер всяческого притворства, рассадник всяческих пороков, жилище, логовище, вертеп сладострастия и распутства, всеми позорными делами, вместе взятыми, ты стал известен уже с самого юного возраста! Когда-то, в детстве, еще до того, как эта плешь обезобразила его, он беспрекословно подчинялся всем неслыханным желаниям тех, кто лишил его мужского достоинства, а потом, в юности, плясал на сцене¹⁷, очень вяло и дрябло, но, как я слышал, с какой-то грубой и неуклюжей извращенностью. Говорят, что от актера в нем не было ничего, кроме бесстыдства.

75. Даже в таком возрасте, как сейчас (да погубят его боги! нужно заранее просить извинения за то, что приходится оскорбить ваши уши), весь его дом — это дом сводника, вся семья опозорена; сам он человек бесчестный, жена — проститутка и сыновья не лучше. Днем и ночью непрерывно на потеху молодежи наружная дверь дома распахивается настежь ударами ноги, под окнами орут песни, столовая не отдыхает от шумных пирушек, спальня открыта для прелюбодеев; всякий смело может войти туда, если только заранее уплатит мужу. Так позор брачного ложа служит для него источником дохода. Некогда он ловко торговал самим собою, теперь уже зарабатывает, торгуя телом жены. Очень многие с ним самим — я не лгу! — с ним самим договариваются о ночах его жены. При этом между мужем и женой существует определенный сговор: кто принесет жене богатый подарок, тех никто не замечает, и они уходят, когда хотят. А кто придет с пустыми руками, тех по данному

сигналу захватывают как прелюбодеев, и они, как если бы пришли учиться, уходят не раньше, чем распишутся¹⁸.

Да, но что остается делать бедному человеку, растратившему довольно большое состояние, доставшееся ему, правда, неожиданно, благодаря мошенничеству отца. Его отец, задолжав многим и запутавшись в долгах, предпочел деньги честному имени. Когда со всех сторон ему стали предъявлять векселя, требуя уплаты, и когда все встречные стали ловить его, как обычно ловят сумасшедших, он говорит: «Ладно!», утверждает, что не может расплатиться, снимает с себя золотые перстни и другие знаки достоинства¹⁹ и заключает сделку с кредиторами. А между тем большую часть имущества, необыкновенно ловко смошенничав, он переводит на имя жены. Сам нищий, голый и надежно защищенный своим позором, он оставляет этому Руфину — я не лгу! — три миллиона сестерциев на жратву. Действительно, такую сумму, не обремененную никакими долгами, он получил из материнского имущества, не считая того, что ежедневно приносила ему в приданое его жена. Однако за несколько лет этот кутила все спустил в брюхо и промотал на всевозможных пирушках. Можно было подумать, будто он опасается, как бы не сказали, что у него еще есть кое-какие средства, полученные благодаря мошенническому банкротству отца. Человек справедливый и нравственный, он постарался, чтобы приобретенное дурным путем дурным же путем и исчезло, и из достаточно внушительного состояния у него не осталось ничего, кроме жалкого честолюбия и ненасытной прожорливости.

76. Кроме того, жена, порядком состарившаяся и потрепанная, отказалась от своего занятия, уже столько раз покрывавшего дом позором. А дочь, по рекомендации матери, безуспешно предлагали очень богатым молодым людям, а некоторым даже позволили сделать пробу, и, не натолкшись она на безвольного Понтиана, сидеть бы ей, пожалуй, до сих пор дома вдовой, так и не став невестой. Понтиан, хоть мы и очень отговаривали его, назвал ее своей женой — ничего не стоящее и мнимое название! Ведь ему было хорошо известно, что незадолго до того, как он женился на ней, один знатный юноша, с которым она прежде была обручена, удовлетворив свою страсть, бросил ее. Итак, к нему пришла новобрачная, спокойная и бестрепетная, с похищенным целомудрием; цветок ее сорван, а свадебная фата изорвана, снова девица после недавнего разрыва помолвки, она принесла мужу скорее одно только имя девушки, чем невинность. Ее носили восемь рабов, а если вы были при этом, то, конечно, видели, как бесстыдно разглядывала она юношей, как, не зная меры, выставляла себя на показ. Кто мог не узнать материнского воспитания, глядя на размалеванный рот девушки, нарумяненные щеки и распутные глаза? Все приданое до последней четвертушки асса взяли в долг накануне свадьбы, и даже в большем количестве, чем того требовал нищий и переполненный детьми дом.

77. Между тем этот человек с умеренными возможностями, но неумеренными притязаниями²⁰, настолько же алчный, насколько нищий, заранее окрыленный нелепыми надеждами, уже сожрал в мыслях четыре миллиона Пудентиллы. Меня, считал он, нужно удалить, чтобы легче было обманывать безвольного Понтиана и одинокую Пудентиллу, и он начинает бранить зятя за то, что тот просватал свою мать за меня. Он советует как можно скорее, пока не поздно, отступить, выбраться из этой опасности и самому распоряжаться материнским имуществом, а не передавать его добровольно в руки чужого человека. А если он этого не сделает (старая bestия сеет тревогу в молодом влюбленном!), он угрожает, что отберет у него дочь. Короче говоря, юноша, простодушный и вдобавок накрепко привязанный к прелестям своей молодой жены, оказывается совращенным с пути, как того желал Руфин. Он идет к матери, чтобы передать ей слова Руфина, он тщетно пытается поколебать ее непреклонное намерение. Напротив, он сам выслушивает от нее упреки в легкомыслии и непостоянстве и возвращается к тестю с весьма суровым ответом: его требование разгневало мать, несмотря на ее кроткий и тихий характер, и послужило очень хорошей поддержкой ее упорству. От нее не укрылось, добавила Пудентилла, заканчивая разговор, что это требование предъявлено ей по наущению Руфина и помощь мужа тем более необходима ей против бессовестной алчности этого человека.

98. А мальчишка, оказавшись всецело во власти прелестей продажной девки и соблазнов ее сводника-родителя, едва только брат испустил дух, оставил мать и перебрался на жительство к дядюшке, чтобы, отделившись от нас, легче осуществить свои замыслы. Дело в том, что Эмилиан покровительствует Руфину и желает ему успеха. Ах, да! Вы верно напоминаете: добрый дядюшка соединяет с племянником и свои собственные вожеления, нежно их оберегая. Ведь ему известно, что, умри мальчик, не оставив завещания, — и он будет его наследником (скорее по закону, чем по справедливости). Клянусь Геркулесом, я не хотел бы, чтобы это исходило от меня: не к лицу было моей скромности с шумом вытаскивать на свет те немые подозрения, которые были у каждого. Как нехорошо с вашей стороны, что вы мне это подсказали! Но, впрочем, Эмилиан, многие, если хочешь знать, сильно удивлены твоей неожиданной привязанностью к мальчику, которая обнаружилась после того, как умер его брат Понтиан: ведь прежде ты был настолько мало знаком с ним, что даже при встрече не узнавал в лицо сына своего брата. А теперь обнаруживаешь по отношению к нему такое терпенье, так портишь своим попустительством, что подтверждаешь этим подозрения особенно недоверчивых людей. От нас ты получил безбородого мальчишку — под твоими руками он живо оброс бородой разврата. Воспитываясь у нас, он посещал учителей — теперь из всех сил старается удрать от них в кабак. Серьезных друзей он

Статуя женщины
Мрамор. I век н. э.

Статуя римлянина (оратора или судьи)

Мрамор. I век н. э.

избегает, и с юнцами самого низкого разбора, среди потаскушек и винных чаш (это в его-то возрасте!) проводит время на пирушках. Он сам верховодит в твоём доме, сам хозяин челяди, сам распорядитель на пирах. Его частенько видят и на гладиаторских играх; об именах гладиаторов, их боях и ранах он, в качестве именитого юноши, узнает прямо от самого ланисты²¹. Разговаривает он все время только по-пунийски, и едва-едва помнит до сих пор несколько греческих слов, которым когда-то его выучила мать. По-латыни же он и не хочет и не может разговаривать. Только что, Максим, ты слышал (о, какой позор!), как мой пасынок, брат такого красноречивого юноши, каким был Понтиан, едва сумел пролепетать несколько слов, когда ты спрашивал его, действительно ли они с братом получили от матери подарок, сделанный, как я говорил, по моему настоянию.

61. Вот, наконец, ещё одно обвинение, которое они выдвинули, читая письмо Пудентиллы: утверждают, будто я велел сделать какую-то статуэтку, изготовив ее, по их словам, для преступных занятий магией, тайным образом и из крайне редкого дерева. И хотя по внешности это — безобразный и страшный скелет, я, как они говорят, отношусь к нему с большим почтением и называю его греческим именем βασιλέα²². Если не ошибаюсь, я шаг за шагом иду по их следам и нить за нитью распускаю всю ткань клеветы... Вы говорите, что статуэтка сделана тайком. Как же это может быть, если вы так хорошо знаете мастера, создавшего ее, что потребовали у него лично явиться в суд?.. Вот перед вами мастер Корнелий Сатурнин, человек, прославленный среди товарищей своим искусством и отменной репутацией, которого ты, Максим, только что тщательным расспрашивал и который совершенно искренне и правдиво рассказал тебе по порядку, как было дело. По его словам, я увидел у него много самшитовых геометрических фигур, тонко и умело сработанных. Восхищенный его мастерством, я попросил сделать для меня кое-какие механические приспособления и одновременно — вырезать изображение какого-нибудь бога — какого сам выберет, — а я, по своему обыкновению, буду молиться ему. Материал для меня безразличен — лишь бы это было дерево. Ну вот, он и начал с самшита. Тем временем, пока я был в деревне, мой пасынок Сициний Понтиан, желая доставить мне удовольствие, принес мастеру шкатулку из черного дерева, полученную им от Капитолины, женщины весьма почтенной, и убедил его воспользоваться этим более редким и твердым материалом: такой подарок, сказал он, будет мне особенно приятен. Мастер так и сделал, в той мере, насколько ему хватило шкатулки. И вот, из разрезанных на кусочки и собранных затем в одну плотную массу дощечек ему удалось создать маленького Меркурия.

62. Все это, повторяю, ты, Максим, уже слышал. Кроме того, ведь и сын Капитолины, чрезвычайно порядочный молодой чело-

век, в ответ на твои вопросы сказал то же самое: Понтиан выпросил шкатулку, Понтиан отнес ее мастеру Сатурнину. Не отрицают и того, что Понтиан получил от Сатурнина готовую статуэтку и потом подарил ее мне. А раз все это ясно и неоспоримо доказано, остается ли вообще хоть что-нибудь, в чем может укрыться хотя бы малейшее подозрение в магии? Более того, есть ли вообще хоть что-нибудь, что не уличало бы вас в явной лжи? Тайком, по вашим словам, было сделано то, об изготовлении чего позаботился почтенный всадник Понтиан; что у всех на глазах вырезывал, сидя в своей мастерской, Сатурнин, человек влиятельный и хорошо известный среди своих товарищей; чему содействовала своим подарком блистательная матрона; о чем многие как из рабов, так и из друзей, часто бывавшие у меня в доме, знали и до того, как оно было сделано, и после этого. И вы не постыдились солгать, будто я с ног сбился, разыскивая дерево по всему городу, хоть и знаете, что меня в то время вовсе не было в городе и что я, как было доказано, просил мастера сделать статуэтку из любого материала?

63. Вот ваша третья ложь: изготовили изображение тощего или даже вовсе лишенного плоти безобразного трупa, прямо-таки наводящее ужас и напоминающее страшный призрак. Если вам было доподлинно известно, что это магическая фигура, почему вы не потребовали у меня показать ее? Не для того ли, чтобы получить возможность беспрепятственно агать по поводу вещи, которой нет перед глазами? Но в данном случае, благодаря одной своей счастливой привычке, я отнял у вас эту возможность агать. Дело в том, что у меня есть обычай, куда бы я ни отправился, носить при себе вместе с моими записями изображение какого-нибудь бога и в праздничные дни молиться ему, сожигая ладан, совершая возлияния, и иногда — принося жертвы. Слыша, что ходят крайне бессовестные и клеветнические толки о скелете, я немедленно приказал, чтобы побежали и принесли из гостиницы, где я остановился, маленького Меркурия, которого вот этот самый Сатурнин сделал для меня в Эе. Дай-ка, думаю, пусть они взглянут на него, поддержат в руках, рассмотрят. Вот вам тот, кого этот нечестивец называл скелетом. Слышите ли вы возмущенные крики всех присутствующих? Слышите ли, что ваша ложь осуждена? Неужели, в конце концов, вам не стыдно, что вы столько наклеветали? Это ли скелет, это ли чудовище, это ли то, что вы называли демоном? Магическое это изображение или обычное и общеупотребительное? Возьми, прошу тебя, Максим, и посмотри: твоим рукам, таким чистым и благочестивым, можно доверить священный предмет. Вот, взгляни, как он очарователен и полон здоровья, как радостен лик бога, как красиво спускается пушок по щекам, как выбиваются вьющиеся волосы из-под широких полей шляпы, бросающих тень на лицо, как прекрасно выступают над висками два одинаковых крылышка, как изящно наброшен на плечи плащ. Тот, кто смеет называть его скелетом, никогда, наверное, не видел ни одного изображения бо-

тов или презирает их все. А кто считает его чудовищем, тот как раз сам чудовище.

64. А на тебя, Эмилиан, этот бог, вестник и небожителей и обитателей преисподней, за твою ложь пусть наведет проклятие и тех и других богов; пусть все время будут попадаться навстречу тебе лики мертвых, все призраки, все лемуры, все маны²³, все чудовища, сколько их ни найдется, все ночные привидения, все могильные ужасы, все гробовые страшилища, от которых, впрочем, и по возрасту, и по качествам своим ты не столь уж далек.

92. Впрочем, какой человек, хоть немножко разбирающийся в жизни, осмелился бы порицать вдову и женщину уже далеко не в расцвете красоты, но еще в расцвете лет, если бы она, пожелав выйти замуж, старалась большим приданым и выгодными условиями привлечь к себе молодого человека безупречной внешности, характера и происхождения? Красивая девушка, будь она даже очень бедна, все же с избытком наделена приданым: она приносит мужу юную свежесть своей души, обаяние красоты, нетронутый цветок невинности. Сама девственность, законно и заслуженно, — наиболее желанное для каждого мужа качество. В самом деле, все прочее, что ты получил в приданое, ты можешь, если не захочешь быть обязанным чьим бы то ни было благодеяниям, вернуть в том же виде, в каком прежде получил: деньги — отсчитать обратно, рабов — возратить, из дома — выехать, поместье — покинуть. Только одну девственность, раз уж ты ее принял, вернуть невозможно; из всего приданого только ее одну муж получает в вечную собственность. А вдова — какой вступала в брак, такой и уходит в случае развода. Она не приносит ничего такого, чего нельзя было бы потребовать обратно: ты получаешь цветок, когда-то уже сорванный другим, и уж во всяком случае, тому, чего ты от нее желаешь, ей вовсе не надо учиться. Она смотрит на свой новый дом с таким же недоверьем, с каким люди должны смотреть на нее самое, уже расторгшую однажды узы брака. Либо смерть похитила у нее мужа — и тогда это злое предзнаменование: оно указывает на то, что эта женщина приносит несчастье в браке, и лучше не искать ее руки. Либо она получила развод и ушла — и тогда эта женщина повинна в одном из двух пороков: или она настолько невыносима, что муж с ней развесься, или отличается такой дерзостью, что сама развелься с мужем. По этим-то и еще по другим причинам вдовы прельщают женихов большим приданым. Так поступила бы и Пудентилла по отношению ко всякому другому мужу, если бы не встретила с философом, вообще презирающим приданое.

ФЛОРИДЫ

II

Но Сократ, мой великий предшественник¹, придерживался совсем другого мнения. Как-то раз он довольно долго глядел на красивого юношу, все время хранившего молчание, и, наконец, попросил его: «Теперь, чтобы я мог тебя увидеть, скажи что-нибудь». Стало быть, если человек молчал, Сократ его не видел. Это и понятно: ведь он считал, что когда рассматриваешь человека, следует полагаться на взор души, на остроту разума, а не глаза. В этом вопросе он расходится с солдатом у Плавта, который говорит так:

Двум глазам скорей поверим мы, чем двадцати ушам².

Мало того, Сократ даже вывернул этот стих наизнанку³, применив его к изучению людей:

Двум ушам скорей поверим мы, чем двадцати глазам.

Впрочем, если бы показания глаз имели бóльшую силу, чем свидетельства разума, то пальму первенства в мудрости пришлось бы присудить, несомненно, орлу. И в самом деле, мы, люди, не в состоянии различить глазами ни того, что находится слишком далеко, ни того, что совсем близко, — все мы, в какой-то мере, страдаем слепотою; и если принимать в расчет только наши глаза и это земное, слабое зрение, то, разумеется, трижды прав великий поэт, говоря, что какое-то подобие облака разлито у нас перед глазами и мы различаем не дальше, чем на расстояние полета камня⁴. А вот орел, когда подымет на страшную высоту, до самых облаков, и крылья пронесут его сквозь все то пространство, где идет дождь и падает снег, к тому пределу, за которым нет уже ни молнии, ни грома, к самому, если можно так выразиться, подножию эфира и вершине бурь; — когда, повторяю, достигнет орел такой высоты, то слегка наклоняет могучее тело и начинает плавно скользить то вправо, то влево, обращая паруса своих крыльев куда заблагорассудится, а хвост служит ему маленьким кормилом. Затем, окидывая взором все, что простирается внизу, он замедляет на мгновение свой полет и, паря почти неподвижно на распростертых крыльях, подобных не знающим усталости веслам, осматривается кругом, отыскивая, куда бы лучше всего обрушиться ему с высоты, чтобы с быстротою молнии настичь добычу. Со своего места в небе он видит сразу и стада в полях, и зверей в горах, и людей в городах, и всех держит под угрозой нападения, о которой никто не подозревает. Он ждет лишь удобной минуты, чтобы пронзить клювом, схватить когтями ягненка беспечного или зайчика трусливого, или любое другое живое существо, которое шлет ему случай на пожрание или растерзание.

Гиагнис, как рассказывают, был отцом и учителем флейтиста Марсия⁵. В тот, не ведавший еще музыки век, он первый, раньше всех других начал исполнять различные мелодии, хотя, конечно, звуки, которые он извлекал из своего инструмента, не были столь многочисленными, как теперь: ведь искусство это в те времена было новым открытием и едва-едва успело появиться на свет. Нет в мире ничего, что могло бы достичь совершенства уже в зародыше, напротив, почти во всяком явлении сначала — надежды робкая простота, потом уж — осуществления бесспорная полнота. Так вот, до Гиагниса большинство людей знали толк в музыке ничуть не больше, чем овчар или волопас у Вергилия:

Дудкой скрипучей своей губили несчастные песни⁶.

А если кто-нибудь и достигал, как казалось тогда, несколько больших успехов в этом искусстве, все же и он продолжал придерживаться обычной и играл на одной флейте или на одной трубе. Гиагнис был первым, кто развел в стороны руки во время игры, первым, кто одним дыханием оживил сразу две флейты, первым, кто, воспользовавшись отверстиями слева и справа, смешал высокие звуки и низкие тона, создав стройную гармонию.

Сын его Марсий, хоть и пошел по стопам отца и мастерски играл на флейте, оставался все же варваром-фригийцем: смотрит диким зверем, свирепый, косматый, борода в грязи, весь оброс шерстью и щетиной. И говорят, что этот самый Марсий (страшно вымолвить!) состязался с Аполлоном: омерзительное уродство — с совершенною красотой, невежество — с ученостью, чудовище — с богом! Судьями, шутки ради, были музы и Минерва⁷, впрочем, они хотели не только посмеяться над варварством этого уродца, но и наказать его тупость. Однако Марсий не понимал, что над ним издеваются (самое убедительное доказательство глупости!), и, прежде чем начать дуть в свою флейту, принялся на варварский лад нести какой-то вздор о себе самом и об Аполлоне. Себя он превозносил до небес — и свои откиннутые назад волосы, и нерасчесанную бороду, и косматую грудь, и искусство флейтиста, и удел нищего. Аполлона же (смешно сказать!) порицал, ставя ему в вину противоположные качества: Аполлон, де, и волос не подстригает, и щеки у него нежные, и тело безволосое, и опытен он не в одном, а во многих искусствах, и удел его — удел богача. «Во-первых, — сказал Марсий, — волосы у него прядями ниспадают на лоб и локонами спускаются по вискам, все тело такое нежное, члены округлые, язык предсказывает грядущее и с одинаковым красноречием вещает и прозою и стихами. А одежда его! — тонко вытканная, на ощупь мягкая, пурпуром сверкающая! А лира, что золотом пламенеет, слоновью костью белеет, драгоценными камнями играет! А его звонкое пение, такое мастерское и прекрасное! Вся эта роскошь, — про-

должал он,— добродетели никак не украшает, но служит спутницей изнеженности». Своим же телом Марсий, напротив, хвастался, не зная меры, и называл себя высшим образцом красоты.

Засмеялись музы, когда узнали, в чем упрекает Аполлона Марсий,— ведь упреки такого рода мудрец мечтает услышать,— и флейтиста этого, потерпевшего поражение в состязании, освежали, словно медведя какого-нибудь двуногого, да так и бросили — с обнаженным и висящим клочьями мясом⁸. Вот как Марсий играл и доигрался до казни. Впрочем, Аполлон стыдился, разумеется, столь ничтожной победы.

IV

Жил когда-то флейтист по имени Антигенид⁹. Сладостен был каждый звук в игре этого музыканта, все лады были знакомы ему, и он мог бы воссоздать для тебя, по твоему выбору, и простоту эолийского лада, и богатство ионийского, и грусть лидийского, и приподнятость фригийского и воинственность дорийского. И вот, по словам этого флейтиста, который был столь знаменит своим искусством, ничто его так не оскорбляло, ничто не угнетало так его душу и разум, как мысль, что похоронных трубачей называют флейтистами. Впрочем, он стал бы спокойно относиться к этой общности имен, если бы взглянул на выступление мимов¹⁰; он обнаружил бы, что одни из них занимают почетные места, а другие, хоть и одеты в пурпур, почти так же точно, как первые, получают удары. И то же самое заметил бы он, если бы побывал на наших гладиаторских играх: ведь и здесь он увидел бы, как один человек сидит на почетном месте, а другой бьется насмерть. Да вот и тога — ее увидишь и на свадьбе, и на похоронах; и плащ — он окутывает трубы¹¹ и служит одеждой философу.

XIII

Нет, тот вид красноречия, которым наградила меня философия, совсем не похож на дар пения, которым природа наделила некоторых птиц; они поют недолго и лишь в определенное время: ласточки утром, цикады в полдень, совы в сумерках, сычи вечером, филины ночью, петухи перед рассветом. Песни этих животных слышатся в разную пору и все звучат по-своему: петух подбадривает, филин вздыхает, сыч жалуется, сова пускает трели, цикада стрекочет, ласточка пронзительно свистит. Другое дело — философ: его речь, как и мудрость его, не иссякает со временем, внушает почтение слушавшему, приносит пользу понявшему, звучит на все лады.

XVI

Я приведу вам пример, который очень напоминает мои собственные злоключения, пример того, как неожиданные опасности вдруг встают на пути у людей; я имею в виду историю комического поэта

Филемона¹². Талант его вам хорошо известен, выслушайте же в нескольких словах рассказ о его смерти. Или, может быть, вы отказались бы и от нескольких слов о таланте?

Этот Филемон был поэтом, одним из авторов средней комедии, он писал пьесы для сцены во времена Менандра и состязался с ним — соперник силами, может быть, и не равный, но все же соперник. Больше того, стыдно признаться: многократно он одерживал над Менандром победы. Впрочем, ты найдешь у него много остроумия, изящное построение сюжета, ясные и понятные для зрителя узнания¹³, соответствующие обстоятельствам характеры, мысли, служащие отражением жизни, шутки, не опускающиеся ниже уровня комедии, серьезный тон, не поднимающийся до трагических куртунов¹⁴. Нет у него порока в любовных связях, редки совращения, неопасны заблуждения. Но, тем не менее, тут и сводник лживый, и любовник пылкий, и раб хитрый, и подруга расточительная, и супруга властная, и мать снисходительная, и дядюшка сварливый, и друг заботливый, и солдат драчливый, да к тому же и параситы прожорливые, и родители прижимистые, и гетеры назойливые.

Однажды, когда все эти достоинства уже давно сделали его знаменитым среди комических поэтов, он читал публично отрывок из своего нового произведения и дошел уже до третьего акта, который, как это обычно бывает в комедии, вызвал особенное восхищение слушателей, как вдруг неожиданно начался ливень (совсем как у нас с вами в тот раз) и заставил собравшихся разойтись, а чтение прервать. Но так как самые различные люди выражали желание поскорее услышать остальное, Филемон обещал завтра же дочитать все до конца.

И вот на следующий день собирается огромная толпа, полная самого горячего нетерпения; все располагаются перед оркестрой¹⁵, каждый старается пробраться поближе, опоздавшие знаками просят друзей занять для них местечко поудобнее; сидящие по краям жалуются, что их вот-вот столкнут со скамей; театр набит битком, толкотня невероятная, начинаются взаимные жалобы; те, кто в прошлый раз не были, стараются разузнать, о чем шла речь, а те, кто были, припоминают услышанное, и вот каждый уже знает содержание начала и ждет продолжения.

Тем временем день проходит, а Филемон все не является на свидание, назначенное слушателям. Кое-где раздается ропот недовольства медлительностью поэта, но большинство защищает его. Однако, когда продолжительность ожидания становится чрезмерной, а Филемон все еще не показывается, посылают нескольких вызвавшихся сходить к поэту и пригласить его придти, и — те находят его на собственном ложе мертвым. Испутив дух, он только что успел окоченеть и лежал на постели, напоминая погруженного в размышления человека: все еще рука заложена в книгу, все еще лицо прижато к поставленному отвесно свитку, но жизнь уже покинула его, исчезли мысли о книге и забыты слушатели. Вошедшие

некоторое время оставались без движения, пораженные неожиданностью события и красотой этой удивительной смерти. Затем, вернувшись к народу, они сообщили, что поэт Филемон, который, как ожидали, придет в театр, чтобы дочитать свою вымышленную комедию, уже доиграл дома настоящую драму. Да, ведь он сказал уже этому миру: «хлопайте и прощайте»¹⁶, а своим близким: «горюйте и рыдайте» (вчерашний ливень был для них предвестником слез). Погребальный факел преградил путь его комедии к факелу свадебному¹⁷. «И так как этот превосходный поэт,— говорили посланные,— закончил свою роль на сцене жизни, то прямо отсюда, где мы собрались, чтобы послушать его, нам следует отправиться на похороны, и придется сейчас устроить его погребение, а потом, вскорости, чтение стихов»...

XVIII

...Софист Протагор¹⁸, человек обширных и разносторонних знаний, отличавшийся среди первых изобретателей риторики своим красноречием, согражданин и сверстник естествоиспытателя Демокрита — у него-то и заимствовал Протагор все свое учение целиком — этот-то самый Протагор, как рассказывают, назначил своему ученику Эватлу плату за учение непомерно высокую, правда, но с одним необдуманном условием: Эвата лишь в том случае обязывался уплатить деньги учителю, если выиграет свое первое дело в суде. Итак, Эватл, человек от природы изворотливый и хитрый, с легкостью изучив все способы вызывать у людей жалость, все ловушки, которые противные стороны ставят друг другу, все словесные уловки, решает, что с него достаточно, что он уже знает все, что хотел знать, и начинает уклоняться от выполнения договора, ловко придумывает отсрочку за отсрочкой, водит учителя за нос, не соглашаясь в течение довольно долгого времени ни взять на себя ведение дела, ни уплатить долг. Наконец, Протагор вызвал его в суд и, рассказав об условии, на котором он принял Эватла в число своих учеников, сделал вывод в форме дилеммы: «Если я выиграю,— сказал он,— тебе придется отдать мне плату по приговору суда, а если выиграешь ты, все равно придется тебе расплатиться — в соответствии с нашим договором: ведь тогда окажется, что ты выиграл свое первое дело в суде. Таким образом, выиграв, ты попадаешь под действие условия, проиграв,— под действие приговора». Стоит ли говорить, что сделанное умозаключение показалось судьям убедительным и неопровержимым? Но Эватл — недаром он был лучшим учеником такого небывалого хитреца! — вывернул наизнанку эту дилемму. «Если так,— заявил он,— то ни в том, ни в другом случае я не должен тебе того, что ты требуешь. В самом деле: либо я выигрываю, и тогда решение судей освобождает меня от всех обязательств, либо проигрываю, и тогда моя правота устанавливается на основании договора, где говорится, что я не должен

ничего платить, если проиграю свое первое дело в суде, то есть — наше сегодняшнее дело. Итак, в любом случае я буду оправдан: проиграв — нашим условием, выиграв — судебным определением». Не кажется ли вам, что эти обращенные одно против другого доказательства софистов напоминают колючки, сцепившиеся в комок от ветра: с обеих сторон шипы равной остроты, одинаковой глубины уколы, обоюдонаносимые раны? Оставим же вознаграждение за протагорову науку, со столькими трудностями, со столькими терниями сопряженное, людям изворотливым и алчным.

XIX

Знаменитый Асклепиад¹⁹ был одним из самых выдающихся врачей и, не считая одного только Гиппократы, превосходил всех остальных. Он был первым, кто начал применять вино для лечения больных, но, разумеется, давал это лекарство в нужный момент, определяя его с большой точностью, благодаря той внимательности, с которой наблюдал за пульсом, его неправильностями и переборами. Так вот, однажды, возвращаясь домой из своего загородного поместья, заметил Асклепиад вблизи городских стен пышный катафалк и множество людей, которые пришли на похороны и теперь огромной толпой стояли вокруг, все такие печальные, в поношенной, грязной одежде²⁰. Врач подошел поближе, чтобы, по свойственному человеку любопытству, узнать, кого хоронят, так как на все свои вопросы не получал никакого ответа, а может быть, и для того, чтобы посмотреть, нельзя ли извлечь из этого случая чего-нибудь полезного для своих занятий. Но, право же, сама судьба испослала его человеку, лежавшему на погребальных носилках и разве что только не сожженному. Уже все члены этого несчастного были осыпаны благовоньями²¹, уже лицо его смазали душистой мазью, уже омыли и умастили труп и почти закончили все приготовления, когда Асклепиад, осмотрев его и внимательно отметив некоторые симптомы, снова и снова ощупывает тело человека и обнаруживает, что в нем теплится жизнь. Немедленно он восклицает: «Этот человек жив! Гоните же прочь факелы, прочь огни уберите, костер разберите, поминальные яства с могильного холма на стол перенесите». Тем временем поднялся говор, одни утверждали, что на этого врача можно положиться, другие вообще насмеялись над медициной. Наконец, несмотря на протесты близких, которые, вероятно, не хотели упускать наследства из рук или, может быть, все еще никак не могли поверить Асклепиаду, врачу удалось добиться для мертвого краткой отсрочки и, вырвав его, таким образом, из рук могильщиков и словно вернув из преисподней, доставить снова домой. Тут он немедленно восстановил ему дыхание и с помощью каких-то лекарств немедленно вернул к жизни душу, скрывавшуюся в тайниках тела.

Один мудрец²², ведя беседу за столом, произнес слова, ставшие знаменитыми: «Первая чаша принадлежит жажде, вторая — веселью, третья — наслаждению, четвертая — безумию. Но о чашах муз должно сказать наоборот: чем чаще следуют они одна за другой, чем меньше воды подмешано в вино²³, тем больше пользы для здоровья духа. Первая — чаша учителя чтения — закладывает основы, вторая — чаша филолога — оснащает знаниями, третья — чаша риторика — вооружает красноречием. Большинство не идет дальше этих трех кубков. Но я пил в Афинах и из иных чаш: из чаши поэтического вымысла, из светлой чаши геометрии, из терпкой чаши диалектики²⁴, но в особенности из чаши всеохватывающей философии — этой бездонной нектарной чаши. И в самом деле: Эмпедокл создавал поэмы, Платон — диалоги, Сократ — гимны²⁵, Эпихарм — музыку, Ксенофонт — исторические сочинения, Кратет — сатиры, а ваш Апулей пробует свои силы во всех этих формах и с одинаковым усердием трудится на ниве каждой из девяти муз, проявляя, разумеется, больше рвения, чем умения, но, может быть, именно этим в наибольшей мере заслуживая похвалы. Ведь во всяком порядочном деле похвально стремление, а успех — во власти случая, равно как в преступных занятиях, в свою очередь, караются даже злодейские замыслы, которым не удалось осуществиться: если руки и остались чисты, то разум все-таки запятнан кровью. Стало быть, как для наказания достаточно помышлять о том, что наказуемо, так точно и для похвалы достаточно стремиться к тому, что приносит славу. А что может стяжать славу более великую или более верную, чем похвальное слово Карфагену, вашему городу, где каждый житель — человек высокообразованный, где все науки нашли себе место: дети изучают их, молодежь украшена ими, старики обучают им. О, Карфаген, досточтимый наставник нашей провинции, Карфаген, небесная муза Африки, Карфаген, Камена облаченного в тогу народа!²⁶

ЕВМЕНИЙ

Речь Евмения о восстановлении школы ораторского искусства в Августодуне была произнесена весной 298 г. Все наши сведения о ее авторе почерпнуты только из текста самой речи (гл. 1 и 17). Мы узнаем, что он не являлся профессиональным судебным оратором, а, подобно своему деду, о котором он упоминает, был преподавателем ораторского искусства; впоследствии он занимал должность управителя делами при императорском дворе (*magister memoriae*).

После бесконечной смены кратковременных правителей (от смерти Каракааллы в 217 г. до принятия власти Диоклетианом в 285 г.) начался более спокойный период так называемого «четверовластия» (тетрархии) и укрепления военной мощи империи. Диоклетиан назначил своим соправителем Максимяна, получившего тоже титул императора, а в 292 г. они совместно назначили своими помощниками Констанция Хлора и Максимяна Галерия, получивших титул «Цезарей». Все четыре правителя взялись энергично за наведение порядка, особенно в пограничных областях: в 295 г. Констанций Хлор отвоевал Галлию от батавов и франков, в 296 г. Диоклетиан усмирил Египет, в 297 г. Галерий успешно воевал с персами, в 298 г. Максимян — с маврами в Африке. Все эти события отразились в речи Евмения (гл. 21). Констанций Хлор, наиболее образованный из тетрархов, проявил интерес и к вопросам культуры и пожелал восстановить риторическую школу в галльском городе Августодуне (ныне Отён). Ее «ректором» и стал Евмений. Все обстоятельства и условия его назначения ясно изложены в самой речи.

Речь Евмения, произнесенная им перед префектом Лугдунской (Лионской) области, представляет интерес как документ эпохи, весьма тяжелой для Рима, и дает некоторое представление о состоянии образования в поздней империи. Она была включена в сборник «Латинских панегириков», точное время составления которого неизвестно. Кроме речи Евмения, в сборник входят еще 11 речей, преимущественно галльских ораторов III—IV веков. Среди этих однообразных славословий речь Евмения наиболее интересна именно тем, что в ней имеется значительно больше конкретных данных, чем в других речах, хотя и она страдает повторениями и преувеличенностью похвал правителей.

РЕЧЬ О ВОССТАНОВЛЕНИИ ШКОЛЫ ОРАТОРСКОГО ИСКУССТВА В АВГУСТОДУНЕ

(§ 1—5, 9—21)

1. Я уверен, о высокочтимый муж, что не только тебя, изощренного во всех видах ораторского искусства, но и всех, здесь присутствующих, удивляет то, что я, с самых юных лет до нынешнего дня никогда не выступавший перед таким собранием и всегда предпочитавший проявлять мое скромное дарование, развитое упорным трудом, не на форуме, а в частной жизни, теперь, так поздно, вдруг решаюсь взойти на трибуну, в столь непривычной для меня обстановке; хотя это седалище правосудия всегда представлялось мне самым подобающим местом, чтобы добиться своей цели и словом и делом, однако недоверие к своим силам до сего времени удерживало меня от выступлений, и даже теперь, когда я намерен произнести речь, не имеющую ничего общего с судебными речами, я испытываю смущение, связывающее мне язык.

2. Чтобы не вызвать в умах слушателей недоумения и не подать повода к ложным слухам и чтобы та просьба о восстановлении Менианской школы¹ на моей родине, которую я счел нужным высказать сам, а не поручать кому-либо другому, не заставила ожидать от меня чего-то для меня непосильного, я заранее хочу предупредить, что моя речь вызвана особыми обстоятельствами, что ее содержание тесно связано с моими основными занятиями, что я не имею никаких притязаний стяжать славу, являющуюся уделом других, и не намереваюсь таким путем проникнуть в чуждую мне коллегию судебных ораторов. Я не столь несведущ и не столь самоуверен, чтобы не знать, как велика разница между боями на форуме и нашими скромными учебными упражнениями: там, у нас, природные дарования оттачивают свое оружие, здесь сражаются им; там — подготовка к битве, здесь сама битва; здесь бьются, так сказать, дрекольем и камнями, там — оружием, начищенным до блеска; здесь похвалы выпадают на долю оратора, как бы покрытого потом и пылью, там — на долю самого изящного и нарядного. Если бы тот и другой поменялись местами, то один был бы испуган звуком труб и громом оружия, другой — разочарован прозрачностью своего триумфа.

3. Все это, о высокочтимый муж, я хорошо знаю и, зная это, ничуть себя не обманываю: поэтому я вовсе и не помышляю о том, чтобы расстаться с моими занятиями и с преподаванием и не воображаю, что обладаю какими-либо особыми способностями и дарованиями: поэтому, выступая на форуме лишь один раз и по одному единственному вопросу, я могу надеяться лишь на снисхождение, а не на славу. Однако, о высокочтимый муж, в волнение повергает меня только непривычная обстановка, а не предмет моей речи: ибо тому, о чем я прошу, никто не решится ни противоречить, ни пре-

пятствовать; напротив, все те, у кого вызывают чувство благодарности и радости божественная щедрость наших правителей, восстановление этого города, прославление благородных наук,— все они примут с величайшим ликованием и сочувствием мою речь о том, чтобы Менианская школа, некогда знаменитая и славившаяся как своей красотой, так и множеством учащихся, стекавшихся в нее, была восстановлена, одновременно с другими зданиями и храмами. Поэтому-то, насколько это место, где мне предстоит выступить, повергает меня в трепет, настолько же предмет моей речи меня вдохновляет.

Эту речь, о высокочтимый муж, как я полагаю, следует разделить на две части: прежде всего я буду говорить о том, что для нас чрезвычайно важно и совершенно обязательно воздвигнуть вновь эту школу в ее былом великолепии, а потом скажу, как возможно это сделать, не обременяя нашу городскую общину большими расходами, а прибегая лишь к щедрости наших великих правителей, однако, таким образом, чтобы я сам мог проявить на деле мое рвение и мою любовь к родине.

4. Прежде всего, о высокочтимый муж, следует поддержать божественно мудрые замыслы наших императоров и цезарей и восстановлением этого здания отблагодарить их за их особое благорасположение к нам: ибо они пожелали вновь воздвигнуть и возродить этот город, носивший некогда славное имя «брата римского народа» и сраженный жестоким ударом в тот год, когда, осажденный мятежными батавами, он обратился с мольбой о помощи к римскому императору; они сделали это не только из уважения к его прежним заслугам, но и из сострадания его мукам; видя, сколь ужасны его разрушения, они почли необходимым увековечить память о своей щедрости, с тем, чтобы слава деятелей была тем больше, чем непомернее был труд восстановления. Поэтому они расходуют огромные средства и, если понадобится, используют всю государственную казну на строительство не только храмов и общественных зданий, но даже частных домов. Они не только снабжают нас деньгами, но и присылают к нам заморских мастеров и новых поселенцев из самых видных семей других провинций, ставят к нам на зимовку самые надежные легионы и не вызывают к себе этих непобедимых воинов, чья сила была бы полезна им самим в тех войнах, которые они ведут в настоящее время. Они хотят, чтобы все новые поселенцы в благодарность за наше гостеприимство оказывали нам помощь и как бы вливали в иссохшие жилы истощенного города струи источников, течение которых было временно преграждено, а также открывали путь водам новых потоков.

5. И конечно, те правители, которые решили, привлекая на помощь нам несметные богатства всей империи, восстановить эту колонию и вернуть ее к жизни, намерены прежде всего возродить это знаменитое хранилище наук и искусств: ведь то глубокое уважение, с коим они относятся к наукам, привлекает сюда весь цвет нашего

юношества. Кто из прежних правителей проявлял когда-либо такую заботу о процветании наук и об искусстве красноречия, как эти лучшие и щедрейшие владыки рода человеческого? Повинуясь зову моего сердца, я назову их, не колеблясь, отцами наших детей: ибо они соблагволили бросить благосклонный взгляд на благородных отпрысков дорогой им Галлии, осиротевших после смерти их выдающегося наставника², и по своему собственному выбору назначили им учителя и руководителя. Наряду с прочими государственными распоряжениями, долженствующими упорядочить решение важнейших вопросов управления всей империей, они дали указание относительно отбора преподавателей: подобно тому, как они сами назначили бы наилучшего начальника отряда конницы или преторианской когорты, они сочли своей задачей избрать и руководителя школы, чтобы те юноши, которым следует подавать надежду на получение всех судейских должностей,— иногда и должности императорского следователя, а иногда, пожалуй, и должности при самом дворце,— чтобы эти юноши, увлекаемые бурями своих юных лет, не попали в туман и не последовали за ложными светочами в море красноречия.

[В главах 6—8 Евмений благодарит правителей за оказанную ему честь и за назначенное ему двойное вознаграждение и восхваляет их мудрость, унаследованную ими от их божественных родоначальников, Юпитера и Геркулеса, от которых производили свой род Диоклетиан и его соправители.]

9. Несомненно, о высокочтимый муж, для возвеличения славы наших правителей, заслуживших ее столькими победами и триумфами, нужно, чтобы те природные дарования, на долю которых выпадет воспевание их доблестей, развивались не в стенах частных домов, а на виду и перед лицом всего города. Какое же здание находится на более видном месте, как бы прямо на глазах и перед взорами граждан, чем эта самая Менианская школа, расположенная именно так, что наши непобедимые властители, посещая наш город, должны на своем пути следовать прямо мимо нее? Сердце их трогает толпа восторженных юношей, сбегающихся им навстречу, и свидетельством их чувств являются не только щедрые дары, которыми они осыпают эту молодежь, но и то письмо, в котором они приглашают меня посвятить себя ее обучению; насколько же больше будет их радость, если они увидят восстановленным само здание, предназначенное для того, чтобы в его стенах собиралось юношество! Это здание, о высокочтимый муж, тем сильнее привлекает к себе взоры и цезарей, и всех граждан, что оно лежит в самой главной части города, как бы между двух его очей — между храмом Аполлона и Капитолием. Это священное обиталище, достоинство которого еще возрастает от близости его к двум соседним храмам, должно быть восстановлено из уважения к обоим божествам, чтобы их два храма, самые прекрасные во всем городе, не были обезображены соседством с развалинами, лежащими между ними. Мне думается, что сам основатель Менианской школы избрал для нее имен-

но это место, чтобы она находилась как бы в родственных объятиях божеств, почитаемых в соседних храмах, и чтобы на эти стены, посвященные наукам и искусствам, с одной стороны взираала основательница Афин Минерва, с другой — Аполлон, окруженный Каменами.

10. Вполне уместно и угодно богам, чтобы умы юношества воспитывались там, где столь близко находятся божества, покровители познания, где божественный разум непосредственно внушает им мудрость, а бог песнопений — красноречие, где бессмертная дева учит благоразумию, а бог, которому открыто будущее, — предвидению.

Пусть цвет нашего юношества научится, следуя за нами, как бы за корифеями торжественных песнопений, восхвалять деяния наших великих правителей (а какое лучшее применение можно найти для красноречия?) именно там, где Юпитер, отец богов, его спутница Минерва и благосклонная Юнона будут внимать, как бы прямо у своих алтарей, похвалам, которые воздаются отпрыскам Юпитера и Геркулеса.

Я полагаю, о высокочтимый муж, что сказал достаточно о первом вопросе, намеченном мною, а именно — насколько полезно и необходимо восстановить здание, посвященное тем занятиям, к которым наши великие правители особо благосклонны, здание, находящееся как бы во главе всего нашего города и примыкающее с обеих сторон к знаменитейшим нашим храмам.

11. Теперь я буду говорить об очень важном вопросе, который я отнес на второе место, и постараюсь показать, каким образом, благодаря щедрости наших правителей, его можно разрешить, не требуя от самого города никаких расходов.

Правители наши по своей необыкновенной щедрости назначили мне из государственной казны содержание в 600 000 сестерциев. Это отнюдь не означает уменьшения моих доходов, — ведь они неоднократно вознаграждали меня еще более щедро, — нет, те 300 000 сестерциев, которые я получал в качестве начальника императорского управления делами, они пожелали удвоить, чтобы в равной мере почтить мою, ныне частную, деятельность преподавателя. Это мое вознаграждение, поскольку оно для меня почетно, я с уважением принимаю и записываю в свой доход, но одновременно внесу его и в свой расход в пользу моей родины и буду отдавать его на восстановление здания школы, доколе это будет необходимо. Хотя обосновывать такое мое решение мне представляется излишним, но благосклонное внимание и напряженное ожидание, с которым меня слушаешь и ты, и все присутствующие, заставляет меня дать некоторые объяснения.

12. Я полагаю, что при получении какого-либо вознаграждения самым ценным является то, что нас признали достойными его получения, между тем как использование доходов на свои нужды — каким бы путем, хорошим или дурным, эти доходы ни были получе-

ны, — дело обыденное и несущественное; а вот заслужить честным путем значительное вознаграждение и при этом быть готовым от него отказаться, — это и значит получить настоящую прибыль. Ведь ни сирийский, ни индийский купец, ни торгош с Делоса не стремятся к подобной поистине неоценимой награде, и лишь в руках немногих людей богатства свидетельствуют о внутренних достоинствах их владельцев. Подлинная ценность награды заключается именно в том, что никто не может подумать, будто мы добивались ее с целью наживы. Этого можно достичь только одним путем: то, что тебе дано, считать своим доходом, иметь возможность по своему усмотрению располагать полученным и — отказаться от него, чтобы принятием вознаграждения доказать свое усердие, а отказом от него — свое бескорыстие.

13. И если храбрейшие мужи, выступая на священных состязаниях, с величайшими трудностями и даже с опасностью для жизни добиваются венка и провозглашения своего имени, как победителя, то неужели я, которого наши великие правители своим собственным божественным словом и своим высочайшим посланием сочли достойным руководить обучением юношества, не сумею оценить этого выше, чем если бы мое имя возвестили глашатаи всего мира? Неужели не отнесусь к этому с большим уважением, чем к лавровому венку? Это послание, о высокочтимый муж, вот оно; так реши же мне... Конечно, мне не следовало упоминать об этом, священном для меня послании, если мне не будет дозволено прочесть его вслух; ибо по прочтении его всем станет ясно, насколько законно мое горячее стремление посвятить свои усилия не только самим наукам, но и восстановлению храма и обиталища наук.

14. «Наши друзья галлы и их дети, находящиеся ныне в Августодуне и обучающиеся там наукам и искусствам, равно как и само юношество, радостно и единодушно приветствовавшее меня, Констанция Цезаря, при моем возвращении из Италии, вполне заслуживают, чтобы мы пожелали проявить заботу о их успехах. Какую же иную награду можем мы даровать им, кроме той, которую судьба не может ни подарить, ни отнять? Поэтому мы приняли, как наилучшее, решение поставить во главе школы, осиротевшей после смерти своего наставника, тебя, чье красноречие и чьи нравственные достоинства мы имели возможность оценить, когда ты управлял нашими делами. Поэтому, сохраняя за тобой все преимущества этой твоей должности, мы предлагаем тебе вернуться к преподаванию ораторского искусства в том городе, который, как тебе известно, мы намерены возродить в его прежней славе, и посвятить себя воспитанию юношества, побуждая его ревностно стремиться к достойной жизни. Не думай, что эти обязанности в чем-либо умаляют твое достоинство, заслуженное тобой на прежней должности, ведь всякая благородная деятельность не умаляет, а возвышает достоинство. Посему согласно нашей воле тебе будет выплачиваться из государственных средств содержание в размере 600 000 сестерциев, дабы

ты понял, что наша благосклонность сумела оценить твои достоинства. Будь здоров, любезнейший нашему сердцу Евмений».

15. Не кажется ли тебе, о высокочтимый муж, что когда наши великие правители обратились ко мне с таким предложением, то не только мой ум, дотоле праздный, воспрянул и устремился к своим прежним занятиям, но что даже стены и кровли нашей старой школы как бы вновь восстали из праха? Мы слышали, что песни Амфиона и сладкие звуки, извлекаемые из лиры ударами его плектра, приводили в движение камни, которые, следуя за напевом и останавливаясь, когда он умолкал, добровольно воздвигали стены, как бы повинувшись руке мастера; но могут ли сравниться его напевы с этим посланием императоров и цезарей, в котором заключена такая движущая сила, что она вдохновляет все сердца и пробуждает в них рвение совершить намеченное дело? Те, кто мог бы приказывать, снисходят до «предложения»; между тем, как изъявления их воли, даже молчаливые и отражающиеся только в выражении лица, имеют ту же силу, как воля всемогущего Отца богов, чье одно мановение утверждает его замысел и повергает в трепет весь мир, они смягчают мощь своего приказа благожелательным убеждением. О, сколь вдохновляет меня их похвала, когда они говорят о моих испытанных нравственных качествах и ораторских способностях и когда полностью сохраняют за мной, преподавателем красноречия, все преимущества моей почетной должности в императорском дворце! Это божественное благоволение столь чарующе действует на меня, что, даже если бы я был ранее лишен всяких признаков разума, оно направило бы меня и вразумило, ибо если столь высокие властители осыпают человека такими похвалами, то это может не только возродить в нем ораторское дарование, а даже сделать его оратором, если он ранее им не был.

16. На что же употребить мне эти назначенные мне деньги? На что нужны мне богатства царя Мидаса или Креза, на что мне золотосные воды Пактола, если божественные слова наших правителей, свидетельствующие обо мне, я ценю выше всех богатств и даже выше наград, от них же полученных? Разве изречение Пифии о высокой мудрости Сократа можно считать более убедительным и более правдивым, чем слова, произнесенные отпрысками Юпитера и Геркулеса, чьи манования и, тем более, чьи мнения неопровержимы? Поэтому, о высокочтимый муж, мне следует, как я уже сказал, принять эти 600 000 сестерциев, как знак оказанного мне почета, но я употребляю их на пользу моей родины и, в частности, того здания, где должно процветать изучение наших наук. Мне кажется, то вознаграждение, о котором говорится в послании государей (а именно — что я, занимаясь преподаванием, сохраняю за собой все преимущества моей государственной должности), я сберегу наиболее явным и наиболее достойным образом, если я моей любовью к отечеству докажу, что заслуживаю мнения, высказанного обо мне нашими бессмертными правителями. Богов моей родины я призываю

в свидетели: я горю столь пламенной любовью к этому городу и меня настолько восхищают эти здания, вновь и вновь вырастающие в нем всюду, куда ни взглянешь, что я клянусь посвятить всего себя тем, чьей волею и чьей щедростью совершается восстановление нашего города. Однако своим долгом я считаю отдать вознаграждение, которое назначено мне в знак уважения к моей преподавательской деятельности, прежде всего на восстановление именно этого одного здания.

17. Если военную добычу принято посвящать Марсу, дары моря — Нептуну, жатву — Церере, а доходы от торговли — Меркурию, если все блага, что дают нам боги, мы возлагаем на их алтари, то где же более уместно приносить в жертву плоды преподавания, чем в обиталище красноречия? К тому же, кроме преклонения перед науками, которое со мной разделяют многие, у меня есть и своя личная причина, почему я чувствую особую любовь к Менианской школе: это — память о моих предках. Хотя занятия в этой школе прекратились еще до того, как я стал подростком, однако я знаю, что в ней преподавал мой дед: он, родившийся в Афинах и в течение многих лет славившийся в Риме, впоследствии остался навсегда в нашем городе, увидев и оценив стремление его жителей к образованию и то уважение, с каким они относились к самой этой школе. Если мне удастся добиться того, чтобы школа, где мой дед, как говорят, еще преподавал, будучи свыше восьмидесяти лет от роду, была восстановлена и украшена трудами присутствующего здесь почтенного старца (я обращаюсь к тебе, Главк — ведь ты, хотя и не уроженец Аттики, но говоришь на ее языке)³, если, говорю я, мне удастся добиться этого, то мне будет казаться, что я вновь вызвал моего деда к жизни, унаследовав его преподавательские обязанности. Конечно, я не проявил бы такого усердия для прославления моей семьи и моего рода, если бы, о высокочтимый муж, я не был убежден, что к этому благосклонно отнесутся наши императоры и цезари, желающие, чтобы каждый из нас в меру своих сил содействовал воскрешению памяти о своих близких с таким же рвением, с каким они сами радуются о восстановлении всего государства.

18. Кто может в настоящее время быть столь низким и презренным, столь равнодушным к заслуженным похвалам, чтобы не стараться воскресить воспоминания о своих родичах, как бы скромны они ни были, и тем заслужить одобрение и себе? Ведь каждый видит, как все, что в минувшие годы было превращено в развалины, ныне, в наш счастливый век, вновь восстает из праха; сколько городов, превратившихся в дремучие леса и населенных дикими зверями, вновь возводят свои стены и заселяются жителями! То, что некогда произошло в Эгейском море, когда остров Делос, до той поры блуждавший и погруженный в пучину, возник из волн, теперь вновь совершается на наших глазах, когда столько областей, столько островов возрождаются к достойному существованию. Разве бед-

ствия, постигшие Бретань, были менее страшны, чем если бы она была поглощена Океаном? А теперь, освобожденная из бездн страданий, она вновь всплыла на поверхность и может лицезреть сияние Рима. А другую часть нашей страны⁴, которая лишь недавно перестала быть добычей варваров, разве зверства франков не опустошили так, как будто ее реки и прилежащее к ней море вышли из берегов и ее затопили? Надо ли мне перечислять, сколько лагерей для конных отрядов и когорт вновь укреплено в пограничных областях по Рейну, Истру и Евфрату? Может ли щедрая весна или осень возродить к жизни столько фруктовых деревьев, посаженных нашими руками, могут ли лучи солнца осушить столько нив, залитых дождями, сколько сейчас воздвигается крепких стен на развалинах древних поселений, которые едва удалось найти?

Поистине, тот золотой век, который, в царствование Сатурна, расцвел лишь на краткий срок, ныне воскресает на вечные времена при благоприятных предзнаменованиях Юпитера и Геркулеса.

19. Из всех деяний, о высокочтимый муж, свершенных нашими правителями благодаря их доблести и сопутствующему им счастью,— пусть даже многие из них больше бросаются в глаза своим величием и значением для государства — ни одно не вызывает такого изумления, как та щедрость, с которой они содействуют развитию наук и искусств, и тот почет, которым они их окружают. Никто из прежних властителей⁵, как я уже говорил в начале своей речи, не уделял равной заботы и делам войны, и всему, чем красен мир: ибо различны склонности, влекущие людей к той или иной деятельности, несходны их природные дарования и не одинаковы решения, определяющие их выбор; даже божества, покровительствующие различным занятиям людей, расходятся между собой в своих повелениях и поступках. Тем более необычны и невероятны доблесть и духовное благородство наших правителей, которые, неся столько военных тягот, обращают свой благосклонный взор и на изучение наук и искусств, полагая, что те минувшие времена, когда Рим, по словам летописей, владычествовал и на суше и на море, можно воскресить лишь в том случае, если возродится вновь не только военная мощь Рима, но и его красноречие.

20. Пусть же, о высокочтимый муж, этому зданию, обители наук и красноречия, будет посвящена та щедрая награда, которую наши прославленные доблестные владыки присудили мне: подобно тому, как мы возносим благодарность за прочие жизненные блага тем богам, которые нам даруют их, так же мы возблагодарим наших правителей за их особую заботу о науках в этом древнем жилище наук.

Пусть в его портках⁶ наше юношество видит и ежедневно созерцает изображение всех земель и морей и узнает, сколько городов, племен и народов наши непобедимые правители возродили своим милосердием, покорили своей доблестью и устрашили своей мощью. Ибо, как ты сам видел, там в целях обучения юношества

представлено ясно и наглядно то, что труднее воспринять слухом — местоположение всех стран, их названия, их размеры и пространства, их разделяющие, а также все реки мира, их истоки и устья, все изгибы берегов, образующие заливы, и те области, которые Океан опоясывает своими водами или затопляет приливом.

21. Пусть на этом чертеже, охватывающем самые далекие страны света, предстанут перед глазами юношей блистательные подвиги наших храбрых императоров, пусть в то время, когда один за другим прибывают покрытые потом гонцы, вестники новых побед, юноши видят перед собою и персидское двуречие⁷, и изнывающие от жажды поля Ливии, и изгибы рейнских рукавов, и разветвленное устье Нила; пусть, взирая на каждую из этих стран, они представляют себе то Египет, очнувшийся от своего безумия под твоим милостивым правлением, Диоклетиан Август, то мавров, сраженных твоими молниями, о непобедимый Максимиан, то Батавию и Бретань, под твоей десницей снова возносящих свою главу из лесных дебрей и топей, о владыка Констанций, то тебя, Цезарь Максимиан⁸, попирающего ногами персидские луки и колчаны. Теперь мы можем с радостью созерцать картину мира, именно теперь, когда мы не видим на ней ни одной земли, принадлежащей чужестранцам.

Ты слышал, о высокочтимый муж, к чему я стремлюсь и что обещаю выполнить. Прошу тебя в своем донесении донести это до священного слуха государей, ибо лучшей, даже, пожалуй, единственной наградой для того, кто принял верное решение, является сознание, что весть о нем дошла до наших божественных великих правителей.

ГРЕЧЕСКОЕ ЭПИСТОЛЯРНОЕ ИСКУССТВО

ЭПИСТОЛОГРАФИЯ ИСКУССТВЕННАЯ

АЛКИФРОН

Жанр эпистолографии, достигший высокого расцвета в эллинистическую эпоху, получил широкое распространение как в греческой, так и в римской литературе во времена империи. Вымышленное письмо делается одним из любимых упражнений в риторических школах того времени. В этом жанре пробуют силу красноречия также и софисты, создавая сборники писем с весьма разнообразной тематикой.

Одним из таких софистов был, по-видимому, и Алкифрон (конец II — начало III в.). Под его именем до нас дошло крупное собрание писем, якобы составленных людьми самых различных общественных слоев. Но это не современные Алкифрону представители данных группировок общества, а вымышленные фигуры из далекого прошлого. В основном — это герои новоаттической комедии, живущие в Афинах IV в. до н. э., среди которых Алкифрон выводит даже самого творца новоаттической комедии — поэта Менандра и его возлюбленную Гликеру.

Письма Алкифрона по содержанию распадаются на четыре группы: письма рыбаков, письма земледельцев, письма паразитов и гетер. Тематика писем его чрезвычайно разнообразна, но чаще всего в них приводятся бытовые сценки. Алкифрон весело и остроумно рассказывает о жизни богатых афинян и о легкости нравов того времени. Но во многих письмах он говорит также и о тяжелой доле бедняков и о жалком существовании паразитов.

Критикуя слабости и недостатки изображаемого им общества, Алкифрон все же нигде не доходит до подлинной острой сатиры.

ПИСЬМА РЫБАКОВ

Письмо I, 4 (I, 4)

КИМОФУС — ТРИТОНИДЕ

Как море отличается от суши, так и мы, труженики моря, не похожи на тех, кто живет в городах и деревнях. Ведь они в стенах города занимаются делами государства или, посвятив себя земледелию, ожидают от земли плодов для своего пропитания. Для нас же, у которых жизнь связана с водой, земля — это смерть, так же как и для рыб, менее всего способных дышать воздухом. По какой же причине, жена, ты, оставив берег и свою льняную пряжу, постоянно ходишь в город и празднуешь вместе с богатыми афинянками и Осхофории и Ленеи¹. Это и не умно и не приведет ни к чему хорошему. Не для этого твой отец из Эгины, где тебе довелось родиться и вырасти, дал мне тебя в жены, чтобы я наставлял тебя в браке. Если ты любишь город, то прощай и уходи². А если ты удовольствуешься тем, что дает море, то возвращайся к мужу и забудь навсегда эти обманчивые городские зрелища.

Письмо I, 6 (I, 6)

ПАНОПА — ЕВТИБУЛУ

Ты, Евтибул, женился на мне, не на какой-нибудь презренной женщине или одной из тех неизвестных, но рожденной от благородного отца и благородной матери. Мой отец Сосфен из Стерийского дема³ и мать Дамофила, торжественно просватав меня, свою единственную наследницу, отдали тебе в супружество для рождения законных детей⁴. Но ты со своими легкомысленными взглядами, падкий на всякое любовное наслаждение, пренебрегая мной и нашими детьми, влюбился в чужеземку из Гермियोны⁵, Галену, дочь Талассиона, которую Пирей принял к себе на горе ее любовников. Ведь у нее приморская молодежь предается разгулу, и каждый приносит ей какой-нибудь подарок, а она принимает и поглощает их подобно Харибде. Ты же, чтобы превзойти в подарках рыбаков, не приносишь и не хочешь дарить ей рыб, но как человек более пожилой и уж женатый, а также отец не очень маленьких детей, желая оттеснить соперников, посылаешь ей милетские головные сетки⁶ и сицилийские платья, а вдобавок к этому еще и золото. Или прекрати эту глупость, перестань распутничать и сходить с ума по этой женщине или знай, что я уйду к отцу, который не оставит меня без внимания и подаст на тебя в суд за плохое со мной обращение.

Письмо I, 8 (I, 8)

ЕВСАГЕН — ЛИМЕНАРХУ

Ну, как не послать к чертям этого лесбийского дозорного? Он поднял крик, что море в одной части своей потемнело от ряби, словно там шла целая стая тунцов и паламид. А мы поверили ему, окружили почти весь залив нашим неводом и затем стали его тащить. Но тяжесть была больше, чем от массы рыбы. Тогда, обнадеженные, мы позвали на помощь кое-кого из находящихся вблизи и обещали сделать их соучастниками добычи, если они, взявшись, помогут нам. Наконец, с большим трудом мы вытащили к вечеру огромного верблюда, уже разложившегося и полного червей.

Я рассказываю тебе об этой ловле не для того, чтобы ты посмеялся, а чтобы знал, как судьба всевозможными способами одолевает меня, несчастного.

Письмо I, 7 (I, 7)

ТАЛАСС — ПОНТИУ

Посылаю тебе рыбу палтуса, сандалии, морского головаля и тридцать пять улиток, ты же приходи мне пару весел, так как мои сломались. Ведь обмен подарками обычен среди друзей. Кто смело и не боясь просит, тот очевидно считает, что у друзей все общее и что он может иметь то, что принадлежит друзьям⁷.

ПИСЬМА ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ

Письмо II, 4 (I, 25)

ЕВСТОЛ — ЕЛАТИОНУ

Так как земля не вознаграждает ничем достойным моих трудов, то я решил доверить себя морю и волнам. Ведь жизнь и смерть уготованы нам судьбою и не дано избежать назначенного, даже если бы кто-нибудь охранял себя, запершись в комнатке. Этот день наступит быстро и свершение его неизбежно; потому что жизнь не от нас зависит, а установлена роком. Потому многие и на суше скоро умирают, а другие и на море долго живут. Зная, что это так, я отправляюсь в плаванье и буду общаться с волнами и ветрами. Лучше вернуться с Боспора и Пропонтиды с новым богатством, чем, сидя на полях Аттики, щелкать зубами от голода и жажды.

Письмо II, 13 (III, 16)

ФИЛЛИДА — ФРАСОНИДУ

Если ты хочешь, Фрасонид, заняться земледелием, взяться за ум и послушаться своего отца, то принеси в жертву богам плющ, лавр, мирт и цветы по сезону, а там, твоим родителям, ты дашь пшеницы, собрав ее в урожай, вино, выжав его из гроздей, и ведро молока, подоив коз. Теперь ты пренебрегаешь деревней и земледелием, прославляешь шлем с тройным гребнем и восхваляешь щит, подобно акарнанскому или малийскому наемнику⁸. Это не для тебя, сын мой, вернись к нам и будь доволен мирной жизнью. Ведь земледелие надежно и безопасно: в нем нет ни когорт, ни засад, ни фаланг. А для нас ты, находясь вблизи, будешь опорой в старости, выбрав несомненные блага вместо ненадежной жизни.

Письмо II, 15 (III, 18)

ЕВСТАХИЙ — ПИФАКИОНУ

Празднуя день рождения моего сына, я приглашаю тебя, Пифакион, на торжественный обед; ты приходи не один, а приводи с собой жену, детей и работника. А если хочешь, то возьми с собой и собаку, ведь она хороший сторож, громким лаем прогоняющий тех, кто думает напасть на стада. Такая собака не может посрамить нас, пируя вместе с нами.

Мы хорошо отпразднуем праздник, будем пить, пока не напьемся, а когда наедемся до отвала, то будем петь, а кто будет в состоянии плясать кордак⁹, тот, выйдя на середину, будет развлекать публику.

Итак, дружище, не медли. Ведь на торжественных праздниках надо устраивать обед с самого утра.

Письмо II, 16 (III, 19)

ПИФАКИОН — ЕВСТАХИЮ

За твою щедрость и расположение к друзьям, желаю, Евстахий, счастья тебе самому, твоей жене и детям. Я же, изловив вора, на которого давно был зол за кражу рукоятки из плуга и двух кос, держу его у себя, дожидаясь помощи от своих односельчан. Ведь теперь, став слабее, я не рискую один напасть на него: на вид он сильный, брови у него нахмурены, плечи здоровенные, да и бедра он показывает крепкие. А я от работы и от заступа весь высох, на

руках у меня мозоли, а шкура тоньше, чем сброшенная змеей кожа. Что же касается моей жены и детей, то они придут к тебе и примут участие в пире, а работник чувствует себя после болезни еще слабым. Я же и собака будем сторожить дома этого мерзавца.

Письмо II, 38 (III, 40)

ФИЛОМЕТОР — ФИЛИСУ

Послал я в город сына продать дрова и ячмень, приказав ему возвратиться в тот же день, привезя деньги. Гнев же, не знаю какого божества, поразивший сына совсем, изменил его и лишил разума. Ведь он увидел одного из тех сумасшедших, которых по признакам их бешенства обыкновенно называют собаками¹⁰ и в подражании своем он превзошел самого главаря этих негодяев¹¹. А теперь он представляет зрелище отвратительное и ужасное, потрясая грязными волосами, с бесстыдным взглядом, полунагой, в грубом плаще, с привешенной небольшой сумой и с дубиной в руках, сделанной из грушевого дерева, босой и грязный. Он ничего не делает и не признает ни деревни, ни нас, родителей; отказываясь от нас, он говорит, что все делается природой и что причиной рождения является смешение элементов, а не родители. Также совершенно ясно, что он пренебрегает деньгами и ненавидит земледелие. И стыда у него нет никакого и скромность исчезла с его лица. Увы, как ты, земля, не свергнешь учение этих обманщиков. Я сержусь на Солона и Дракона¹², постановивших наказывать смертью тех, кто ворует виноград, а оставлять без наказания людей, лишаящих юношей разума и делающих их своими рабами.

Письмо II, 11 (III, 14)

СИТАЛК — ОЙНОПИОНУ

Если ты, сын мой, подражаешь отцу и думаешь о моих делах, то простись с этими босоногими и бледными шарлатанами, шатающимися возле Академии и которые ничего не знают и не могут сделать ничего полезного для жизни, а усердно занимаются исследованием небесных явлений.

Оставив их, займись земледелием; и если ты будешь усердно работать, то этим ты наживешь полный закром всякого зерна, амфоры, налитые вином, и много другого добра.

Письмо II, 34 (III, 36)

ПРАТИН — МЕГАЛОТЕЛЮ

Надоел нам этот солдат, надоел. Ведь после того, как он пришел поздно вечером и, к несчастью, остался у нас, он не перестает приставать к нам со своими рассказами о каких-то декуриях¹³ и фалангах, а также о сарисах¹⁴, катапультах и о шкурах для прикрытия от стрел. А теперь он говорит о том, как он разбил фракийцев, пустив в их вождя метательное копье с петлей, и как он убил Армению, пронзив его копьем. В довершение всего он показывал пленных женщин, которые были ему даны полководцами из добычи, как почетный дар. Я налил большую чашу и подал ее ему как лекарство от пустой болтовни, а он, осушив ее и добавив к ней много других, так и не перестал болтать.

Письмо II, 32 (III, 34)

ГНАФОН — КААЛИКОМИДУ

Ты знаешь, Кааликомид, Тимона, сына Эхекратиды из Колли-та¹⁵, который от богатства впал в нищету, растратив состояние на нас, параситов, и гетер? Так вот он из жизнерадостного человека превратился в ненавидящего людей и в ненависти своей подражает Алеманту¹⁶. Взяв далеко от города поле, он бросает комьями земли в проходящих мимо него, заботясь о том, чтобы никто из людей совершенно с ним не общался, отвергая таким образом общие для всех природные свойства.

Из тех же, кто в Афинах недавно разбогател, — Фидон и Гнифон самые мелочные. Пора и мне уходить в другое место и начать жить своим трудом. Возьми-ка меня в деревню поденщиком, я готов переносить все для того, чтобы наполнить свое ненасытное брюхо.

ПИСЬМА ПАРАСИТОВ

Письмо III, 7 (III, 43)

ПСИХОКЛАВСТ — БУКИОНУ

Вчера мы, параситы: я, Струфион и Кинефий, постригшись и вымывшись в бане в Сарангии¹⁷, около пяти часов вечера поспешно отправились в предместье в Анкилисах к юному Хариклау. Там он нас радушно принял, — он ведь расточителен и любит посмеяться. Мы же доставляли развлечение ему и его собутыльникам, в меру

колота друг друга, добавляя к этому звучные анапесты, полные соленых острот и уctивых аттических шуток.

В то время, когда пирушка была в разгаре радости и веселья, вдруг откуда-то свалился на нас брюзгливый и злобный Смикрия. За ним шла толпа рабов, которые быстро набросились на нас. Сам же Смикрия прежде всего стукнул Харикла палкой по спине, потом, ударив его по щеке, увел с собою как последнего раба. Нам же по одному лишь знаку старика скрутили назад руки, после мы получили достаточно много ударов плетью и, наконец, свирепый старик забрал нас и посадил в тюрьму. И если бы любезный Евфидик, наш добрый друг, много промотавший вместе с нами на удовольствия, не открыл бы нам тюрьмы, как один из первых людей в совете ареопагитов, то, пожалуй, нас могли бы передать и палачу. До такой степени этот сердитый и хитрый старик был разозлен на нас и делал все возможное, чтобы предать нас смерти, словно убийц и святотатцев.

Письмо III, 13 (III, 49)

КАПНОСФРАНТ — АРИСТОМАХУ

Ты, божество, которое получило меня по жребию и владеешь мною, какое ты злое и как ты преследуешь меня, навсегда связав меня с бедностью!

Ведь, если будет недостаток в приглашениях, то мне придется есть салат и устрицы или собирать траву и наполнять желудок колодезной водой.

Затем, пока это тело переносило оскорбления в юном возрасте, оно было в состоянии терпеть; и насилие в расцвете сил можно было выносить. Но когда, наконец, я стал полуседым и остаток жизни идет к старости, какое же у меня средство от бед?

Мне понадобится добротная веревка, чтобы повеситься на ней перед Дипилоном¹⁸, если судьба не придумает для меня чего-нибудь благоприятного. Но, если даже она останется в том же положении, я суну шею в петлю не раньше, чем вкушу роскошного обеда. Ведь не далеко уже до той знаменитой и прославляемой свадьбы Хариты и Леократа после последнего дня месяца пианепсиона¹⁹, на которую во всяком случае я буду приглашен или на первый день или на следующий. В самом деле, на свадьбах должны быть для веселья и паразиты, ведь без нас все не праздник, а собрание свиней, а не людей.

Немногим или почти ничем не отличаются от простых людей эти гордецы, восхваляющие честь и добродетель. Я говорю это про тех, кто извлекает выгоду из молодежи. А какой обед ты упустил, какой обед, когда Скаменид праздновал день рождения своей дочери. Недавно пригласив многих людей, которые считаются в Афинах выдающимися по богатству и происхождению, он решил, что нужно украсить мир и философами. Итак, среди них был стоик Этеокл, этот старик с бородой, нуждающейся в стрижке, грязный, с неопрятной головой, дряхлый, со лбом еще более сморщенным, чем его кошелек. Был там и Фемистагор-перипатетик, человек с виду не лишенный приятности, блистающий кудрявой бородой. Был также там и эпикуреец Зенократ, не оставляющий в пренебрежении своих локонов и чванящийся своей длинной бородой. Был и прославленный всеми пифагорец Архибий с лицом, покрытым сильной бледностью, с кудрями, ниспадающими с макушки головы до самой груди, с острой и длинной бородой, с кривым носом, со сжатыми губами. Этим сжатием губ он явно намекал на пифагорейское молчание. Вдруг ворвался киник Панкратий, стремительно растолкав всех и опираясь на дубовую палку. У него была палка, в которую для крепости на месте сучков он вбил несколько медных гвоздей, а на поясе у него удобно висела пустая сума для остатков пищи.

Все остальные от начала до конца держались почти одинаково и соблюдали один и тот же порядок во время пира, а философы, в то время как пир шел, усердно выпивая за здоровье, показывали разные фокусы, каждый на свой лад. Стоик Этеокл от старости и пресыщения растянулся, лег и захрапел. Пифагорец, разрешившись от молчания, что-то напевал из «Золотых слов»²⁰ на музыкальный мотив. Достоинейший Фемистагор, так как счастье по учению перипатетиков заключается не только в душе и теле, но и во внешних благах, требовал все больше сладких пирожков и обилия разнообразных блюд. Эпикуреец Зенократ обнял, прижав к себе, арфистку и, нежно смотря на нее полужакрытыми глазами, говорил, что это и есть «спокойствие плоти» и «сгущение наслаждения». Киник же из-за безразличия, свойственного киникам, сначала помочился, распустив и сбросив потертый плащ, а затем тут, на глазах у всех присутствующих, хотел овладеть певицей Доридой, говоря, что первопричиной рождения является природа.

Поэтому о нас, параситах, не было и речи. Зрелища и развлечения не доставил никто из приглашенных для этого, хотя и кифаред Фебад и комические актеры вместе с Саннурием и Филистиадом не оставались в стороне. Но все было напрасно и не привлекало внимания. В почете была лишь одна пустая болтовня софистов.

ПЛАТИЛЕМ — ЭРЕБИНТОЛЕОНГУ

Никогда раньше я не терпел в Аттике такой стужи. Ведь не только дующие попеременно (или, лучше сказать, непрерывно) ветры с шумом обрушивались на нас, но и снег густой и непрерывный сначала покрывал землю; затем вся масса снега неслась не по поверхности, а поднималась в высоту, так что, едва отворив дверь дома, можно было видеть узкий проход. А у меня не было ни дров, ни саж. Да каким образом или откуда? А мороз проникал до самого мозга костей. Тогда я принял решение в духе Одиссея — бежать под своды зданий или к печам бань. Но туда не давали подойти сотоварищи по ремеслу, которые постоянно околачивались возле них, ведь и их угнетала та же богиня Бедность. И когда я почувствовал, что мне не удастся попасть туда, я поспешил в частную баню Фрасилла, нашел ее пустою и с помощью двух оболлов расположил к себе банщика и грелся до тех пор, пока за метелью последовал мороз, а от ледяного холода влага, находящаяся внутри, затвердела и камни скрепились друг с другом. После того, как самая острота холода прошла, ласковое солнце сделало для меня свободным выход и прогулки без помехи.

Письмо III, 32 (III, 68)

ГЕДИДИПН — АРИСТОКОРАКУ

Благословенные боги! Будьте ко мне милостивы и благосклонны. Какой опасности я избежал со стороны этих трижды проклятых устроителей пира в складчину, которые хотели вылить на меня котел кипящей воды. Видя издали, как они готовятся к этому, я отскочил в сторону, и они, не глядя, вылили воду. Вылившийся кипяток попал на Бафилла, мальчика, разливавшего вино, и сделал его лысым. С головы его слезла вся кожа, а спина у него разукрасилась пузырями. Кто из богов был моим защитником? Уж не боги ли избавители Диоскуры исторгли меня из потоков огня, подобно тому, как они спасли Симонида, сына Леопрепа, на пиру у Кранония?²¹

ПИСЬМА ГЕТЕР

Письмо IV, 2 (I, 29)

ГЛИКЕРА — БАКХИДЕ

Наш Менандр²² пожелал отправиться в Коринф посмотреть истмийские игры. Мне это не по душе: ведь ты знаешь, каково лишиться такого любовника даже на короткое время. А отговаривать его неудобно, так как у него нет обыкновения часто уезжать. Я никоим образом не доверю тебе его, раз он собирается там жить: никоим образом не сделаю этого, особенно когда он хочет, чтобы ты о нем позаботилась. Полагаю, что это мне только к чести. Ведь я знаю, что между нами существует дружба, но я боюсь, моя дорогая, не столько за тебя (так как твоя натура лучше, чем твой образ жизни), сколько за него самого. Ведь он чрезвычайно влюбчив, а кто даже из самых угрюмых людей сможет устоять перед Бакхидой? Я совершенно уверена в том, что он думает совершить это путешествие не менее ради встречи с тобой, чем ради истмийских игр. Может быть, ты обвинишь меня в подозрительности? Прости, моя дорогая, мою дружескую ревность, но я не считала бы мало-важным потерять Менандра как любовника. Кроме того, если у меня с ним произойдет какая-нибудь ссора или разлад, то мне придется на сцене подвергнуться порицаниям какого-нибудь Хремета или Дифила²³. Но, если он вернется ко мне назад таким же, каким уедет, я буду тебе очень благодарна. Прощай.

Письмо IV, 3 (I, 30)

БАКХИДА — ГИПЕРИДУ²⁴

Все мы, гетеры, благодарны тебе и каждая из нас не меньше, чем Фрина²⁵. Правда, процесс, который возбудил этот негодяй Евфий, касался одной Фрины, но опасность грозила нам всем. Ведь, если, требуя денег от любовников, мы их не получаем, а вступая в связь с дающим, мы обвиняемся в нечестии, то для нас лучше прекратить наш образ жизни, не иметь хлопот самим и не доставлять их тем, кто водит с нами знакомство. Теперь же мы больше не будем винить нашу профессию гетер из-за того, что влюбленный Евфий показал себя негодяем, но так как Гиперид справедлив, мы будем в ней соревноваться.

Пусть выпадут на твою долю все блага за твое человеколюбие. Ведь ты сохранил хорошую любовницу для себя и нас подготовил вознаградить тебя вместо нее. А если речь, произнесенную тобою в защиту Фрины, ты напишешь, тогда мы, гетеры, наверное поставим тебе золотую статую в Греции, где только ты захочешь.

Письмо IV, 4 (I, 31)

БАКХИДА — ФРИНЕ

Я не столько огорчалась за тебя из-за опасности, моя дорогая, сколь радовалась тому, что ты, избавившись от негодного любовника, нашла себе отличного в лице Гиперида. Я считаю, что суд способствовал твоему счастью. Ведь этот процесс сделал тебя знаменитой не только в Афинах, но и во всей Греции. А Евфий получил достаточно большое наказание, лишившись твоего общества.

Мне кажется, что, побуждаемый гневом и по прирожденному невежеству, он перешел границы в любовной ревности. Будь уверена, что теперь он влюблен в тебя больше, чем Гиперид. Ведь тот за услугу, оказанную тебе по твоей защите, явно хочет быть тобою любимым и изображает из себя влюбленного, а этот сердится за неудачу в суде. Жди его назад с просьбами, мольбами и большими деньгами. Но не решай дела против нас, гетер, дорогая, я, выслушавая мольбы Евфия, не делай так, чтобы казалось, что Гиперид дал плохой совет. Не верь тем, кто говорит, что если бы ты, разорвав хитон, не показала бы судьям своих грудей, то никакой оратор не помог бы тебе. Ведь это все случилось потому, что его защита была тебе во время предоставлена.

Письмо IV, 18 (II, 3)

МЕНАНДР — ГЛИКЕРЕ

Клянусь тебе, моя Гликера, клянусь богинями Элевсина и тайнами их, которыми в их присутствии и наедине с тобой я часто клялся, что я нисколько не возгордился, и, не желая расстаться с тобой, говорю и пишу тебе об этом. Что может быть для меня приятного без тебя? Чем мог бы я гордиться больше, нежели твоею любовью? Даже наша глубокая старость благодаря твоим манерам и характеру будет мне казаться молодостью.

Вместе мы были в юности, вместе состаримся и, клянусь богами, вместе и умрем, чтобы никто из нас, спустившись в Аид, не чувствовал зависти, что вот оставшийся в живых испытывает какие-либо другие удовольствия. Пусть не придется мне узнать какую-либо радость, если тебя больше не будет! Ведь что хорошего тогда могло бы остаться для меня?!

Так как ты из-за весеннего праздника своей богини осталась в Афинах, то вот причины, которые побудили теперь меня, занемогшего и задержавшегося в Пирее (ведь ты знаешь мои обычные недуги, которые мои недоброжелатели называют причудами и изнеженностью), написать тебе следующее.

Получил я от египетского царя Птолемея письмо, где он просит и всячески зовет меня к себе, по-царски обещая мне, как

говорится, земные блага: зовет он меня и Филемона²⁶, говорят, что и ему отправлено такое же письмо, да и сам Филемон прислал мне его, конечно, не столь сердечное и не столь блестяще написанное, как Менандру.

Но об его делах пусть он сам думает и решает; я не ожидаю советов; но ты, Гликера, всегда была и теперь будешь, клянусь Афиной, всем для меня; и решением суда, и советом Ареопага, и самым народным собранием.

Итак, я пересылаю тебе письма царя, чтоб не утомлять тебя, дважды читая одно и то же и в моем и в его письмах. Но я хочу, чтобы ты знала, что я решил написать ему.

Плыть туда и уехать в Египет, в такое далекое царство, клянусь всеми двенадцатью богами, об этом я даже не могу подумать. Даже, если бы Египет был вблизи, вот здесь, на Эгине, то и тогда мне не пришлось бы на ум, покинув царство твоей любви, жить одному без Гликеры, среди такой толпы египтян в этом многолюдном одиночестве.

Мне гораздо приятнее и безопаснее заботиться о твоей любви, чем толкаться во дворцах всех этих сатрапов и царей. Ведь отсутствии свободы внушает опасение, лезть достойна презрения, счастье неверно.

На ферикловы чаши, на карфагенские золотые кубки, на все то, что в их дворцах вызывает зависть и считается у них за великое благо, я не сменяю ни ежегодного «праздника горшков»²⁷, ни театральных празднеств во время Ленеев, ни вчерашней дружеской беседы, ни гимнастических упражнений в Ликее, ни святынь Академии, нет, клянусь Дионисом и его вакхическим плющом, быть увенчанным которым я желаю больше, чем надеть диадему Птолемея, особенно, когда в театре сидит и смотрит на меня Гликера.

Где в Египте увижу я народное собрание и голосование? Где толпу народа-правителя, столь свободно выражающую свою волю? Где законодателей в священных процессиях с плющом на голове? Где народное собрание, обведенное веревкой? Где выборы, где кувшины, Керамик, площадь, судилище, прекрасный акрополь священной богини, таинства, соседний Саламин, Пситталия²⁸, где Марафон — одним словом вся Греция в Афинах, вся Иония, все Кикладские острова?

И, бросив все это, бросив Гликеру, я отправляюсь в Египет за золотом, серебром, богатством? Но с кем буду я пользоваться им? С Гликерой, которая отделена от меня столькими морями? А без нее разве все это богатство не будет для меня бедностью? И если я услышу, что свою священную для меня любовь она перенесла на другого, все эти сокровища разве не превратятся для меня в простую золу? И умирая, все огорчения я унесу с собою, а богатства останутся среди тех, у кого есть сила причинять вред. И подумаешь, разве это так важно жить, вместе с Птолемеем, с сатрапами, со

всей этой пустой болтовней, где нет в дружбе постоянства, а вражда не безопасна.

А теперь, если Гликера за что-нибудь рассердится на меня, я сразу, схватив ее в свои объятия, крепко целую; если она еще сердится, я обнимаю ее еще сильнее; если она продолжает гнеться, я — в слезы. И тут она уже не может выдержать моего огорчения и сама молит меня успокоиться. В дальнейшем ей не нужно уже ни воинов, ни охранителей, ни стражи: я для нее являюсь всем.

Конечно, очень интересно увидеть прекрасный Нил. А разве не столь же важно увидеть и Евфрат? или Истр? И разве не большие реки Фермодонт, Тигр, Галис, Рейн? Но если я собираюсь видеть все эти реки, то вся моя жизнь утонет в них, не видя Гликеры.

И этот Нил, хоть он и хорош, но полон чудовищ и даже приблизиться к нему нельзя, так как в его пучинах гнездится столько опасности.

Да будет мне дано, о царь Птолемей, умереть и быть похороненным в родной земле, пусть будет суждено каждый год прославлять Диониса у его алтарей, совершать во время мистерий торжественные обряды, ежегодно ставить на сцене какую-нибудь новую комедию и, смеясь, радуясь, состязаясь, волнуясь, в конце концов побеждать!

Пусть же Филемон будет счастлив и, отправившись в Египет, получит для себя все обещанные ему и мне блага. Ведь у Филемона чет другой Гликеры, да и недостоин он, конечно, такого счастья. Ты же, Гликера, прошу тебя, после твоего праздника Галон, праздника «цветущих садов»,²⁹ — садись скорей на мула и лети ко мне. Я никогда не знал более длинного праздника и более несвоевременного. Будь милостива ко мне, Деметра!

Письмо IV, 19 (II, 4)

ГЛИКЕРА — МЕНАНДРУ

То письмо царя, которое ты мне прислал, я немедленно прочла. И клянусь богиней Каллигенеей³⁰, в храме которой я сейчас нахожусь, я пришла в восторг, и была вне себя от радости, мой Менандр, и не могла этого скрыть от присутствующих. Тут была моя мать, и другая моя сестра Эфронион, и из подруг та, которую ты хорошо знаешь, она часто обедала у тебя и ты хвалил ее настоящий аттический говор, словно боясь похвалить ее самое, за это я, улынувшись, поцеловала тебя особенно горячо, ты не помнишь этого. Менандр? Видя у меня на лице и в глазах необыкновенную радость, они все спросили: «Гликерочка! Что такого хорошего случилось с тобой? И настроением, и видом, и всем теперь ты перед нами другая; ты сияешь всем телом и светишься счастьем и радостью». «Моего Менандра, — говорю я, — египетский царь Птолемей пригла-

шает к себе, предлагая чуть ли не полцарства», и это я сказала возможно сильным и громким голосом, чтобы это слышали все присутствующие здесь женщины. И я говорила это, вертя и крутя в руках письмо с царской печатью.

«Ты радуешься,— сказали они,— что он тебя оставит?» Но ведь это не так, Менандр! Нет, никоим образом я не поверила бы этому, клянусь богинями, даже если бы по пословице бык заговорил со мною, будто Менандр захочет когда-нибудь или сможет, покинув в Афинах меня, свою Гликеру, царствовать один в Египте со всеми своими сокровищами. Но из тех писем, которые я прочла, было ясно видно, что это знал и царь, слыша, по-видимому, о моих отношениях с тобою, и он с египетским остроумием хотел слегка посмеяться над тобою. Радуюсь и тому, что даже к нему в Египет дошла молва о нашей любви; во всяком случае он убежден на основании того, что услышал, что добивается невозможного, желая, чтобы Афины переселились к нему. Ведь что такое Афины без Менандра? Что такое Менандр без Гликеры? Ведь я и готовлю ему маски, и надеваю на актеров платья, и стою за кулисами, судорожно сжимая себе пальцы и дрожа, пока театр не загремит от рукоплесканий; тогда, клянусь Артемидой, я успокаиваюсь и, обнимая тебя, держу священную голову творца комедии в своих объятиях.

А то, что я сказала тогда подругам, будто я рада, это было, мой Менандр, потому, что любит тебя не одна только Гликера, но и заморские цари, и что слава о тебе, перейдя моря, разносит молву о твоих достоинствах. И Египет, и Нил, и мыс Протея, и сторожевые башни Фароса — все теперь находятся в ожидании, желая увидеть Менандра и услышать его скупцов и влюбленных, богобоязненных и неверующих, отцов и сыновей, и рабов, и всех, кого ты выводишь на сцену; все это, конечно, они могут услышать, но они не могут увидеть самого Менандра, если они не приедут в Афины к Гликере и вместе с этим не увидят моего счастья, так как Менандр, прославленный повсюду, и дни и ночи проводит со мной.

Но вот что: уж если бы тебя охватила такая тоска по тамошним благам или по чему-либо другому в Египте, по его огромным богатствам, по его пирамидам и звучащим статуям, по знаменитому лабиринту и всему, что у них так высоко ценится или из-за своей древности, или из-за своего искусства, — то я прошу тебя, Менандр, не делай меня предлогом твоего отказа от этого намерения; и пусть за это не позненавидят меня те афиняне, что уже считают те меры зерна, которые из-за тебя пошлет им царь. Но отправляйся туда в добрый час с благоприятными ветрами, и пусть сопутствуют тебе все боги, и пусть Зевс тебе покровительствует. Я же тебя не оставляю; не думай, что я это только говорю: я не могу, если бы даже хотела, но, покинув мать и сестер, я поплыву с тобой, став твоей спутницей. Я очень привычна к морским путешествиям, я это хорошо знаю, и, если от сильной гребли ты захвораешь морской бо-

лезню, я буду за тобой ухаживать. Буду заботиться о тебе, обесилевшем от морской качки, и безо всяких нитей, как Ариадна, приведу в Египет не Диониса, но слугу Диониса и его пророка. И я не буду покинута на Наксосе в этих морских пустынях, плача о твоей неверности и умолая о помощи. Оставим в покое всех этих Тезеев и все эти безнаказанные преступления древних. У нас с тобой все места — свидетели нашей верности, и город, и Пирей, и Египет. Всякое место на земле будет полно нашей любви; и даже если бы мы жили на голой скале, я уверена, что наша любовь сделала бы и ее храмом Афродиты.

Я убеждена, что ты вообще не стремишься ни к имуществу, ни к роскоши, ни к богатству и все свое счастье полагаешь во мне и своих драмах, но, как ты и сам знаешь, твои родственники, родной город, твои близкие и друзья почти все нуждаются во многом, хотя богатства и наживы.

Я хорошо знаю, что никогда и ни в чем — ни в малом, ни в большом ты не будешь обвинять меня, давно уже преданный мне во всем и в своей любви, да и теперь ты подтвердил это еще своим решением, за что я еще больше тебя люблю. Ведь я, Менандр, боюсь, что страстная любовь кратковременна. Она является как бы вынужденной, а поэтому и легко исчезает. Когда же к ней присоединяется и рассудок, то от этого она становится крепче; а из-за того, что к ней примешана страсть, она будет еще слаще и лишена страха.

Решение ты примешь сам, ведь часто ты и наставлял меня в этом и сам учил меня. Но если ты лично не будешь на меня сердиться, я все же боюсь «аттических ос», как бы они не начали, когда я покажусь из дому, повсюду вокруг меня жужжать, будто я лишаю государство афинян такого богатства.

Поэтому прошу тебя, Менандр, подожди и пока что ничего не пиши царю в ответ. Подумай еще. Подожди, пока мы не будем вместе с друзьями, Теофрастом и Эпикуром. Может быть, и им и тебе дело покажется иначе. Давай лучше принесем жертвы богам и посмотрим, что скажут нам внутренности животных, лучше ли нам отправиться в Египет или оставаться здесь. И спросим предсказания у оракула, пославши кого-либо в Дельфы: ведь Аполлон — это наш отечественный бог. В обоих случаях, отправимся ли мы или останемся, мы будем иметь своей защитой волю богов.

Или лучше вот что я сделаю: есть у меня тут женщина, недавно прибывшая сюда из Фригии, очень опытная во всех этих делах: она искусна в чревоуещании и ночью толкует волю богов по раскинутым прутикам, заклиная их. И не нужно верить ей на слово, но нужно увидеть самим, что они говорят. Я пошлю за ней. Как говорят, эта женщина должна предварительно совершить какое-то очищение, приготовить для жертвоприношения особых животных, сильно пахнущий ладан, большой кусок стираксовой смолы, пирожки в виде луны и листья дикого агнеца-непорочника. Думаю, что и ты тем временем успеешь прибыть из Пирея. Или сообщи мне точно.

до каких пор ты не сможешь увидеть свою Гликеру, чтобы я примчалась к тебе, приготовив тем временем эту фригийянку. Если же ты делаешь опыт, как будем все мы жить без тебя — и я, и Пирей, и твоя вилла, и Мунихий, — и для того понемногу изгоняешь все это из своего сердца, то я-то, клянусь богами, никогда не смогу сделать это, да и ты не сможешь, уже столь тесно связанный со мною. И пусть все цари посылают за тобою: я у тебя выше всех царей и ты у меня — мой возлюбленный, который чтит богов и священные клятвы.

Так что больше всего старайся, мой любимый, скорее вернуться ко мне в город: если ты переменишь свое решение относительно поездки к царю, у тебя должны быть совсем готовы комедии, и из них те, которые больше всего могут понравиться Птолемею и его Дионису (а у них вкус не тот, что у народа), — или «Фаада», или «Ненавистник», или «Хвастун», или «Поручители», или «Избитая», или «Сикионец», или что-либо другое. Но что это? Я с такой дерзостью и смелостью сужу о произведениях Менандра, сама будучи невежественной? Но любовь к тебе сделала меня ученой, и я могу во всем этом разбираться. Ведь ты сам меня учил, что «женщине с хорошими природными способностями легко научиться от любящих ее». Да, любовь быстро устраивает свои дела! Клянусь Артемидой, стыдно нам быть недостойными ее и не научиться быстро. Особенно прошу тебя, Менандр, подготовить ту вещь, в которой ты вывел меня, чтобы в случае, если мне не придется быть с тобою, я хотя бы в ней поплаыву к Птолемею, и царь тем сильнее почувствует, какое значение имеет и для тебя привезти с собою даже просто описанную тобою любовь, если уж настоящую ты оставил в Афинах.

Но знай, что меня ты здесь не оставишь: я научусь, пока ты не приедешь сюда к нам из Пирея, управлять рулем или помогать кормчему, чтобы, пlying с тобой, своими руками спокойно перевезти тебя по морю, если это путешествие нам покажется более подходящим. Да будет так — я молю всех богов! — Пусть оно будет полезным для всех и пусть моя фригийка предскажет нужное нам лучше, чем твоя «Одержимая» девушка. Будь здоров!

ФИЛОСТРАТ

Приписываемое знаменитому софисту Флавию Филострату (III в н. э.) собрание писем содержит в себе типичные образцы эпистолярной теории и практики как одного из характерных видов литературы второй софистики. Основная часть сборника состоит из кратких любовных записок, адресованных возлюбленным, не названным по имени и, по-видимому, вымышленным. Жанр прозаического письма воспринимает мотивы и темы эллинистической любовной поэзии. Кроме любовных писем, филостратовский сборник содержит и несколько писем теоретического содержания, посвященных вопросам стилистической нормы. Продолжая более раннюю традицию теории эпистолярного жанра, Филострат требует соблюдения в письмах «простого» стиля, т. е. ясности, общедоступности; тем самым он ограничивает сферу аттицизма и вводит новые образцы для подражания, выделяя лучших мастеров слова среди писателей второй софистики.

Письмо 1

Характерный для письма стиль, как мне кажется, после древних лучше всего усвоили тианец¹ и Дион² среди философов; из полководцев — Брут³ или тот, с кем он переписывался; из императоров — божественный Марк⁴, в тех посланиях, которые написаны им самим; ведь на них, помимо красоты слога, лежит печать неизменного образа мыслей. Из риторов лучше всех писал афинянин Герод⁵, хотя, злоупотребляя аттизмами и многословием, он часто отступал от подобающего в послании стиля. Дело в том, что речь в письме должна казаться и более аттической, чем обычная речь, и более обычной, чем аттическая, строить ее надо просто, не лишая вместе с тем приятности. Пусть украшением ей служит отсутствие прикрас. Если мы начнем приукрашать ее, то будет казаться, что мы стремимся произвести впечатление, в письмах такое стремление нелепо. В очень кратких письмах я допускаю искусно построенный период для того, чтобы невыразительная краткость скрашивалась благозвучием. В длинных же посланиях период надо исключать, потому что это создает несвойственную письму излишнюю напряженность, кроме тех случаев, когда к концу письма надо охватить все сказанное или выразить в заключение смысл всего. Для любого стиля ясность — хорошее руководство, тем более — для письма. В самом деле, если мы даем или просим, идем на уступки или отказываемся уступить, если мы обвиняем, защищаемся, любим, мы легче добьемся своей цели, когда станем выражаться ясно. А выражаться ясно, но не обедняя речи, мы будем в том случае, если общие всем мысли изложим по-новому, а новые — общим для всех языком.

Письмо 40

ЖЕНЩИНЕ

Румяна, которыми подкрашивают губы и щеки, — препятствие для поцелуев; к тому же они заставляют подозревать, что на лице уже заметны признаки старости — синеватые губы, морщинистые увядшие щеки. Поэтому брось эти притирания и не добавляй ничего к своей красоте; а то я распишу всем, какая ты старуха, раз ты расписываешь себе лицо.

Письмо 22

ЖЕНЩИНЕ

Женщина, которая прибегает к притираниям, чтобы казаться красивей, хочет восполнить то, чего от природы у нее нет; а женщина красивая не нуждается в этих искусственных добавках — она

сама по себе совершенна. Подводить глаза, носить искусственные волосы, румяниться, красить губы и применять всякие другие средства, чтобы казаться красивей и вызвать ложное впечатление расцветки красоты,—все это было изобретено для восполнения недостатков. Но только то, что не нуждается во всем этом, поистине прекрасно. Поэтому, если ты надеешься только на себя, то я за это люблю тебя еще больше, так как вижу, что ты, не прибегая ни к каким средствам, доверяешь своей красоте; ты не мажешь свое лицо и прекрасна без обманчивых ухищрений, как те женщины древних времен, которых любили и золотой дождь, и бык, и водные потоки, и птицы, и змеи; а румянами, воском и тарентскими тканями, и змеевидными браслетами, и золотыми цепочками пусть пользуются Таанда, Лаида и Аристагора⁶.

Письмо 44

АФИНАИДЕ

По мнению Лисия, следует уступать тому, кто не влюблен, а по мнению Платона⁷,— влюбленному; ты же отдаешься и тому и другому: этого, по-моему, ни один мудрец не одобрял, а вот Лаида наверное одобряла.

Письмо 6

ЖЕНЩИНЕ

Если ты целомудренна, то почему только со мной? А если ты доступна, то почему не для меня?

Письмо 30

ГЕТЕРЕ

По существу одно и то же, владеет ли тобой муж или любовник; но то, что опасно, то более заманчиво; ведь общепризнанное право радует меньше, чем тайное наслаждение, и что вкушаешь тайком, более приятно. Так и Посейдон скрывался в пурпурной волне, Зевс — в образе быка, золотого дождя, змея и во всяких иных обличьях, и отсюда произошли и Дионис, и Аполлон, и Геракл, да и другие внебрачные боги; ведь и Гомер⁸ говорит, что даже Гера охотнее принимает Зевса, когда он приходит к ней тайком: его супружеские права превращаются тогда для нее в запретную любовь.

Письмо 35

ЕЙ ЖЕ

Даная приняла в подарок золото, Леда — птицу, Европа — быка, Антиопа — дары гор, Амимона — дары моря⁹, а поэты сочинили об этих подарках мифы и исказили истину своими увлекательными вымыслами. Прими же, прими и ты мой дар, сбросив с себя напускную недоступность и притворное целомудрие, чтобы и я обратился в Зевса и Посейдона, дал тебе то, чего хочешь ты, и получил то, чего хочу я.

Письмо 23

ЖЕНЩИНЕ

Если тебе нужны деньги, то я беден, если же нужна любовь и добрый честный нрав, то я богат. Для меня не столь позорно не иметь достатка, сколь позорно для тебя продавать любовь.

Ведь принимать у себя тех, кто владеет копьем и мечом только за то, что они не скупятся на деньги, — дело гетер, а свободной женщине следует всегда думать о добродетели и уважать честность. Прикажи мне, что угодно, и я выполню твой приказ: вели мне пуститься в плавание — я взойду на корабль, прикажи вытерпеть побои — и я вынесу их, прикажи расстаться с жизнью — я не дрогну, прикажи пройти через огонь — я не побоюсь ожогов. Какой богач делает это?

Письмо 28

ЖЕНЩИНЕ

Прекрасной женщине следует выбирать любимого человека по его нраву, а не по его роду: ведь и чужестранец может оказаться достойным, а согражданин — дурным, тем более, что именно ему обычно свойственно быть заносчивым. Коренной житель ничем не отличается ни от камней, ни от любого неподвижного предмета, который по необходимости остается всегда на одном и том же месте; а чужестранец подобен самым проворным божествам, солнцу, ветру, звездам и Эроту; окрыленный ими, я и прибыл сюда, движимый мощной силой. Не отвергай же моей мольбы: ведь не презрела Гипподамия Пелоп, чужеземца и варвара, Елена — Париса, лустившегося в путь ради нее; Филлида¹⁰ — того, кто вышел из моря, Андромеда — того, кто слетел к ней с вышины.

Они знали, что от соотечественника они получают в дар только один город, а от чужеземца — многие города. Любовь — мой гость,

а красота — твой; не мы пошли к ним, а они сами пришли к нам, и мы приняли их с такой радостью, с какой моряки встречают появление звезд. Если моей любви не препятствует то, что я чужестранец, то пусть и тебе это не помешает принять влюбленного. Ты, можешь быть, даже предпочла бы жениха-изгнанника, так же как Адраст принял к себе зятьями Полинника и Тидея¹¹, чтобы помочь им вернуть себе царство. Не поступай же, как спартанцы, моя дорогая, и не подражай Ликургу¹²: любовь не знает закона об изгнании чужеземцев.

Письмо 32 ТРАКТИРЩИЦЕ

Твои очи прозрачнее кубков, так что сквозь них можно заглянуть тебе в душу, румянец на твоих щеках превосходит своим нежным цветом вино, в белом полотне твоего легкого хитона отражаются их яркий блеск, губы твои окроплены кровью роз, и, мне кажется, ты струишь воду из родников твоих очей и поэтому ты — одна из нимф. Скольких спешивших в путь ты заставляешь медлить? Скольких бегущих мимо удерживаешь? Скольких призываешь к себе, ни слова не промолвив? Я первый, чуть увижу тебя, изнемогаю от жажды, против воли останавливаюсь на месте, держа кубок в руке: но я даже не подношу его к губам; упиваюсь я одной тобой.

Письмо 33 ЕЙ ЖЕ

Эти кубки — из стекла, но твои руки превращают их в серебряные и золотые; они плавятся от взора твоих очей. Поставь же кубки на место — они, я боюсь, сделаны из слишком хрупкого вещества. Выпьем же вместе, но только взглядами; ведь и Зевс, вкусив такой взгляд, приобрел себе красавца виночерпия¹³. А если хочешь, не трать вина напрасно, влей в кубок чистой воды, поднеси его к губам, наполни его поцелуями и подавай его тем, кто томится жаждой; нет, никто не может остаться столь бесстрастным, чтобы захотеть даров Диониса, уже вкусив от виноградных лоз Афродиты.

Письмо 60 ЕЙ ЖЕ

Все в тебе восхищает меня: и твой льняной хитон, подобный одежде Исиды, и твоя харчевня — храм Афродиты, и кубки — подобные очам Геры, и вино — похожее на цветок, и твои три пальца, — на которых покоится кубок, сложенные вместе, как лепест-

ки в бутонах роз; я боюсь, как бы кубок не упал, но нет — он стоит так прочно, словно его нарочно укрепили, и как будто он сросся с пальцами. Если же ты порой и отопьешь из кубка, то все, что в нем остается, становится горячим от твоего дыхания; это питье слаще нектара и так легко льется в горло, словно оно замешано не на вине, а на поцелуях.

Письмо 25

РАЗГНЕВАННОЙ ЖЕНЩИНЕ

Вчера я застал тебя разгневанной и мне показалось, что я вижу не тебя, а кого-то чужого; это произошло потому, что душевная буря совсем исказила твое прелестное лицо. Не изменяй своему нраву и не смотри так сердито. Ведь и луна кажется нам не такой яркой, когда она в тучах, Афродита — не такой прекрасной, когда она сердится или плачет, Гера не кажется волоокой, когда злится на Зевса, и море нам не мило, если оно бушует. Афина отбросила флейту, потому что игра на ней искажала ее лицо. Даже эринний мы называем «благосклонными» — тогда они отгоняют от нас печали; мы радуемся и шипим на розах, потому что они смеются вместе с розами, хотя умеют и колоть и причинять боль. Ясное лицо женщины подобно цветку: не будь же вспыльчива и раздражительна, не лишай себя красоты, не похищай у себя роз, цветущих в очах у вас, красавиц.

Если не веришь моим словам, возьми зеркало и погляди на свое изменившееся лицо. Отлично! Ты отворачиваешься.

Письмо 24

МАЛЬЧИКУ

Агамемнон, когда обуздывал свой гнев, был прекрасен и подобен не одному богу, а многим — «главой и очами — промовержцу Зевсу, телом — Аресу, Посейдону — мощной грудью». Когда же он подавался упоению ярости и гневался на своих соратников, его называли оленем и псом и его очи уже не были очами Зевса; ведь в бешенство впадают ювиньи, собаки, змеи и волки и разные другие животные, лишённые разума; а человек красивый огорчает нас даже тогда, когда он не смеется и тем более, когда он мрачнее, чем ему свойственно. Ведь и солнцу не подобает скрывать свой лик в тучах; что же это за уныние, что за ночная тьма, что за угрюмый мрак? Улыбнись, ободришь, верни нам сияющий свет твоих очей!

Письмо 42
АФИНОДОРУ

Если тебя так радуют бессмысленные рукоплескания, то ты можешь и аистов, которые плещут крыльями всякий раз, когда мимо них проходишь, почесть за народ афинский и притом более разумный; ведь они за свое хлопанье крыльями ничего не требуют.

Письмо 69
ЭПИКТЕТУ¹⁴

Участники таинств Рен безумствуют, оглушаемые громом музыки: так действуют на них кимвалы и флейты; а тебя так одурманивают рукоплескания афинян, что ты забываешь, кто ты и кем рожден.

Письмо 65
ЕМУ ЖЕ

Бойся народа, у которого ты в силе.

Письмо 73
ЮЛИИ АВГУСТЕ¹⁵

И божественный Платон не был врагом софистов, хотя некоторые вполне убеждены в этом, но соперничал с ними, потому что они, подобно Орфею и Фамифру, проходя по городам, большим и малым, услаждали их; от неприязни к ним он был так же далек, как честолюбие от зависти. Ведь зависть питает низменные свойства природы, честолюбие же пробуждает возвышенное, и завидует человек тому, чего сам достичь не может, соревнуется же в том, что намерен исполнить лучше или, по крайней мере, не хуже.

Платон, таким образом, и слог софистов усваивает, и Горгию не уступает в умении говорить «по-горгиевски», а многое же заставляет звучать и как речь Гиппия, и как речь Протагора¹⁶. Так, сын Грилла¹⁷ стремится быть не хуже, чем Геракл у Продика в тот момент, когда Продик подводит к Гераклу порок и добродетель и они призывают его избрать жизненный путь¹⁸. Все же самые многочисленные и благородные почитатели были у Горгия; сперва — фессалийские греки, у которых красноречие стали называть «горгоречием», а затем — и весь греческий народ, перед которым он в Олимпии произнес речь против варваров с крыши храма. Говорят,

что и Аспасия милетская¹⁹ оттачивала язык Перикла по образцу Горгия; известно, что и Критий²⁰ с Фукидидом заимствовали у него величие и возвышенность, которые один из них воплотил в красноречии, другой — в силе. И сократик Эсхин, о котором ты недавно рассуждала как о человеке, вносившем при исправлении ясность в свои диалоги²¹, не бонется подражать Горгию, когда, говоря о Фаргелии, пишет в одном месте так: «Фаргелия милетская, придя в Фессалию, стала жить у Антиоха Фессалийского, царствующего над всеми фессалийцами»²². Такие приемы Горгия, как обособленные фразы и вступления к речам, встречались у многих, особенно у эпических поэтов. Убеди же и ты, императрица, отважнейшего из греков, Плутарха, не досадовать на софистов, не поносить Горгия. Если и ты не убедишь его, то ты, воплощение мудрости и разума, знаешь, какое имя надо дать этому человеку, я же, хотя и могу сказать, не стану произносить его.

ЭЛИАН

Клавдий Элиан из Пренесте, римский софист начала III века, писавший по-гречески, более всего известен как автор больших сочинений «Пестрые истории» и «О природе животных». Отрывки из них известны читателю по книге «Памятники поздней античной поэзии и прозы»; там же помещена и общая характеристика его жизни и творчества. Кроме этих двух сочинений, под его именем сохранился также сборник из двадцати писем; судя по заглавию («Из крестьянских писем Элиана»), его текст представляет собой извлечение из какого-то более полного собрания. Отдельные исследователи оспаривали принадлежность этих писем Клавдию Элиану, но без достаточной убедительности; некоторые стилистические отличия писем от больших сочинений могут объясняться или тем, что это произведения разных жанров, или тем, что письма написаны Элианом в молодости (около 200 г.), когда он еще не отточил окончательно свой аттический язык и эффектный стиль. По содержанию и по форме письма Элиана напоминают письма Алкифрона и, по-видимому, возникли как подражание им; однако они явно не достигают художественности образца, мотивы их однообразнее, сентенции банальнее и заимствования из классических авторов выступают более обнаженно.

ПИСЬМА КРЕСТЬЯН

Письмо 7

ДЕРКИЛА — ОПОРЕ

Ты говоришь, что хороша собой и что многие в тебя влюблены, но не этим пришласть ты мне по нраву: они, наверное, дивятся твоей красоте, мне же полюбилась ты своим именем¹, да так, что не меньше ты мне дорога, чем моя родовая земля. Молодец был тот, кто догадался так назвать тебя: видно, хотел он, чтобы не только горожане были от тебя без ума, но и наш деревенский народ. Что же дурного, если я слюблюсь с Опорой, когда одно это имя, не говоря о прочем, возбуждает любовь в человеке, которому земля в жизни опора? Вот и послал я тебе от твоей урожайной тетки винограду, фиг и молодого вина только что из давяльни, а весной подарю тебе роз, что расцветут по лугам.

Письмо 8

ОПОРА — ДЕРКИЛАУ

Смеешься ли ты над моим именем или серьезно говоришь, тебе виднее; а я так думаю, что не с чего тебе важничать, послав ко мне такое добро. Куда как хороши твои подарки: жесткие фиги по два обола и вино такое молодое, что просто издевательство. Пусть его пьет Фригия², а я пью лесбийское и фасийское. Не вино мне нужно, а деньги. Опору Опоре посылать — это все равно, что огонь в огонь нести; и ты это знаешь не хуже моего. А что я беру деньги с тех, кто хочет иметь со мной дело, этому объяснение — мое имя: оно меня надоумило, что красивое тело — это тоже плод и тоже может быть в жизни опорой. Пока оно в цвету, надо взять с него все, чего оно стоит; а когда увянет, то чем я буду, как не деревом без плодов и листьев? Но деревьям дала природа расцветать вновь и вновь, у гетеры же ее лето — единственное; вот и надо распорядиться им так, чтобы урожай с него был опорой в старости.

Письмо 13

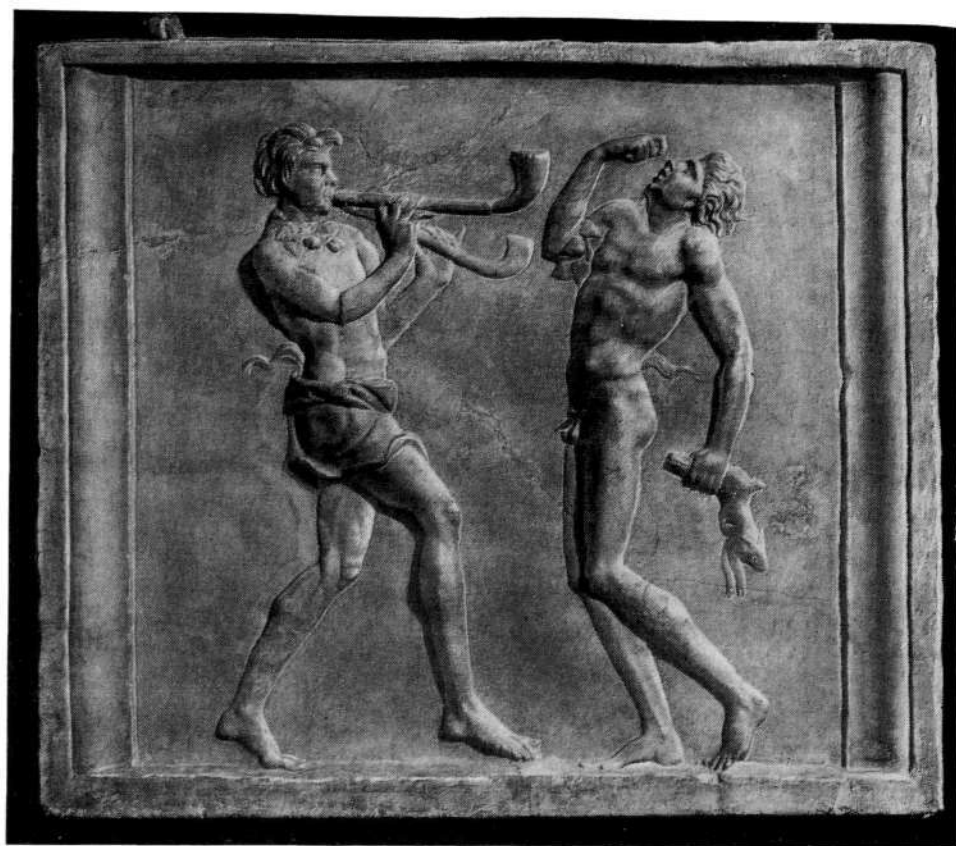
КАЛЛИПИД — КНЕМОНУ

В сельской жизни много есть хорошего, и в том числе — мирные нравы; ибо в уединении, посвящая свое время земле, обретает человек сладкое спокойствие духа. А ты почему-то зол и дик и для земляков своих — ты сосед не из приятных. Ты в нас бросаешь комьями земли и дикими грушами; завидя человека, ты громко кричишь, словно за волком гонишься; несносный ты человек,

Пастух

Мрамор. Римская работа по греческому оригиналу

Вакхическая пляска

Рельеф. Мрамор. Римская работа

и от соседства твоего, как говорится, солоно нам приходится. Не будь это поле, на котором я работаю, моим наследственным участком, с радостью бы я его продал, чтобы спастись от такого ужасного соседа. Измени же свое грубое поведение, милый Кнемон, чтобы твой норов не довел тебя до бешенства и чтобы ты, сам того не заметив, не лишился рассудка. Пусть это будет дружеским советом друга и средством против дурного характера.

Письмо 14

КНЕМОН — КААЛИПИДУ

Не стоило бы отвечать тебе; но раз уж твоя навязчивость нуждается меня вступить в объяснения, то хорошо хоть, что я могу говорить с тобою не лично, а через посыльных. И отвечу я тебе, как говорится, по-скифски³: вот как. Род человеческий я ненавижу безумно и кровожадно. Поэтому я и швыряю комьями и камнями в тех, кто забредет на мое поле. По моему разумению, счастливец был Персей, и вот почему: во-первых, он был крылат, мог ни с кем не встречаться и летал так высоко, что никто с ним не здоровался и не заговаривал; а во-вторых, я завидую, что у него была славная штука, которой он встречных превращал в камень. Достанься мне такое счастье, как ему, я все бы переполнил каменными фигурами, и ты бы у меня первым окаменел. С чего это ты вздумал учить меня порядку и обходительности, когда мне все ненавистно? Ведь из-за этого я даже не возделываю придорожную полосу моего поля, и она не приносит мне урожая. А ты лезешь ко мне в приятели и стараешься быть моим другом, когда я сам себе не друг. И зачем я родился человеком?

Письмо 15

КААЛИПИД — КНЕМОНУ

Кажется, что ты богам противен, — до того ты дик и нелюдим; а все-таки надо бы тебе, хотя бы против воли, быть с нами пожеливей, как из уважения к соседству, так и из почтения к межевым богам, которые у нас с тобой общие. Так вот, я приношу жертву Пану и зову на это моих приятелей-филасийцев⁴; и я хотел бы, чтобы с ними пришел и ты. Когда ты выпьешь и совершишь возлияния вместе с нами, твой дух смягчится, ибо Дионис умеет успокаивать и усыплять в человеке гнев, пробуждая радость. Сам этот бог явится твоим целителем и избавит тебя от избытка желчи, вином умерив жар твоей души. И может быть, Кнемон, послушав флейтистку, ты вступишь в пение, и попав в лад со всеми, обрешь душевное спокойствие. Было бы отлично, если бы ты, напившись,

совсем развеселился и пустился в пляс; а если тебе спяну подвернется девчонка, которая выйдет звать служанку или искать отставшую няньку, то ты сможешь еще и показать, горячий ли ты мужчина. На жертвоприношении Пану не грех и такая шутка, потому что ведь и сам он славный любовник и не прочь подстеречь девушку. Не хмурься же и развеяй весельем свою угрюмую мрачность. Вот совет друга, желающего тебе добра.

Письмо 16

КНЕМОН — КАЛЛИПИДУ

Отвечаю на твое письмо, чтобы обругать тебя и отвести душу. Больше всего на свете хотел бы я сейчас тебя увидеть, чтобы расправиться с тобой своими руками. Почему тебе так хочется известить меня вконец, погубить меня, что ты приглашаешь меня пировать и веселиться? Прежде всего, видеть множество людей, иметь дело со множеством людей для меня ужасно; от общих жертвоприношений я бегу, как трус от неприятеля; а вино меня отпугивает тем, что оно способно обмануть и поразить рассудок. Пана и других богов я почитаю молитвами, когда прохожу мимо их кумиров, но жертв им не приношу, потому что не хочу их беспокоить. А ты, словно на смех, завлекаешь меня флейтистками и песнями? Да за это я бы тебя заживо сожрал! Хорошо, нечего сказать, и все остальное — скакать да забавляться с девкой! Ты-то, пожалуй, и в огонь будешь прыгать, и между мечей кувыркаться, но я тебе не товарищ — ни в жертвоприношении и ни в чем другом.

ЭПИСТОЛОГРАФИЯ ПОДЛИННАЯ

ЮЛИАН

Из переписки римского императора IV в. н. э. Юлиана сохранилось около ста писем. Лишь немногие из них имеют характер частных посланий, большинство же — деловые письма, содержание которых очень значительно, так как в них затрагиваются важные общегосударственные вопросы: например, вопросы религиозной реформы, которую задумал осуществить Юлиан с целью уничтожить христианство и восстановить язычество.

В своих письмах Юлиан в основном придерживается правил, предписанных теоретиками античного эпистолярного искусства: вводит большое количество цитат из произведений древних авторов, использует приемы риториков-софистов, сочиняет письмо в стиле адресата. Но вместе с тем он довольно часто отступает от манеры профессионального эпистолографа: нарушает традиционную композицию письма, придает ему лирический оттенок, вставляет пейзажные зарисовки. Пейзаж в деловом письме — одна из наиболее интересных, новых особенностей подлинной греческой эпистолографии IV в. н. э. Кроме того, в письмах Юлиана привлекают искренность его чувств, неожиданный, быстрый поворот мысли; нередко они поражают внезапной иронией или сарказмом.

Письмо 12

ЮЛИАН СВОЕМУ ДЯДЕ ЮЛИАНУ

Уже третий час ночи и так как при мне нет моего писца,— все они заняты,— то я едва могу написать тебе эти строки. Мы живем — благодарение богам — освобожденные от необходимости либо терпеть зло, либо совершать его. Да будут мне свидетелями Гелиос, которого я прежде всего молил помочь мне, и владыка Зевс,— никогда я не хотел убивать Констанция¹, я скорее хотел, чтобы он остался в живых. Почему же я прибыл сюда? Потому, что боги совершенно ясно повелели мне это и обещали мне спасение, если я буду им послушен; если бы я остался там, то никто из богов не стал бы этого делать². А я, уже объявленный врагом, хотел только припугнуть его и договориться с ним возможно более мирным путем. Однако если бы пришлось решать дело в открытом бою, то я, предоставив все воле Тюхэ³ и богов, стал бы ожидать их решения, угодного их милосердию.

Письмо 22

ГЕРМОГЕНУ⁴

Разреши мне вместе с сладкоречивыми риторамы воскликнуть: «О, сколь мало надежды питал я на то, что буду спасен! О, сколь мало надеялся я получить весть о том, что и ты спасся от тысячеглавой гидры!» Не моего брата Констанция подразумеваю я, говоря это (кем он был, тем и был), я говорю о хищных зверях, окружавших его, о тех, чьи взоры угрожали каждому, о тех, кто делал и его все более и более жестоким; правда, он и сам не был таким кротким, каким казался многим. Но так как он ныне среди блаженных, да будет ему земля легка, как принято говорить. Также и по отношению к этим людям — Зевс мой свидетель — я не хотел бы совершить ни малейшей несправедливости. Однако против них выступило множество обвинителей и они отданы под суд.

А ты, мой дорогой друг, приезжай скорее, спешь сюда из всех сил. Я и прежде жаждал тебя увидеть, но теперь, когда я услышал с величайшей радостью, что ты спасен, я прямо требую, чтобы ты приехал.

Письмо 8

ЭКДИКИЮ, ПРЕФЕКТУ ЕГИПТА

Одни люди любят коней, другие — птиц, третьи — диких зверей; я с раннего детства страстно любил приобретать книги. Поэтому было бы странно, если бы я закрывал глаза на то, как их прибирают к рукам люди, чью ненасытную жажду наживы уже и зо-

лото не удовлетворяет; они намерены похитить тайком и эти сокровища; поэтому окажи мне личную услугу и попытайся разыскать книги Георгия⁵. У него их было много, и по философии, и по риторике; много было их и об учении нечестивых галилеян⁶; последние я хотел бы уничтожить полностью; но боюсь, как бы с ними вместе не погибли книги более ценные; поэтому надо и все эти книги разыскивать самым тщательным образом. Руководить этими розысками может нотариус⁷ самого Георгия; пусть он знает, что если он это дело выполнит честно, то в награду получит свободу; а если он хоть в чем-нибудь смощенничает, то будет подвергнут пытке. Я ведь хорошо знаю книги, принадлежавшие Георгию, если не все, то большую часть их. Когда я был в Каппадокии⁸, он мне давал их для переписки, а потом взял их обратно.

Письмо 35

ПОРФИРИУ⁹

Император Юлиан шлет Порфирию привет.

У Георгия была богатейшая огромная библиотека, содержащая в себе сочинения различных философов, а также многих историков; немалую часть их составляли и книги, касающиеся учения галилеян. Разыщи для меня всю эту библиотеку полностью и со всей тщательностью отправь ее в Антиохию; ты должен знать, что будешь строжайшим образом наказан, если не приложишь к этим розыскам величайшего усердия. Если ты кого-нибудь заподозришь в похищении этих книг, кто бы это ни был, употреби любые средства, убеждения, любые заклятия, подвергай рабов пытке, и если тебе не удастся добром убедить этих людей, принуждай их силой во что бы то ни стало отдать эти книги. Будь здоров.

Письмо 54

ЕВМЕНИУ И ФАРИАНУ¹⁰

Если кто-нибудь убедил вас в том, что существует нечто, более сладостное и более полезное, чем спокойные и безмятежные занятия философией, то он — обманувшийся обманщик. Но если вы сохранили и теперь ваше прежнее рвение и если оно не угасло, как внезапно вспыхнувшее пламя, то я почитаю вас счастливыми. Уже четыре года и три месяца мы разлучены. Мне бы хотелось узнать, насколько вы преуспели за это время. Что касается меня, то даже удивительно, если я еще могу хотя бы слово сказать по-гречески, настолько я одичал, пребывая в этих краях.

Не презирайте составления и небольших речей, не упускайте из виду и риторики, а также и занятий поэзией; еще больше усилий

прилагайте к наукам; но самая важная работа — познание учения Аристотеля и Платона; пусть это будет для вас главным трудом, это — основа всего здания, это — его стены, его кровля; все остальное — только дополнение; вы же именно к этому последнему прилагаете больше рвения, чем иные — к подлинно важным делам. А я — клянусь богиней справедливости! — потому даю вам эти советы, что люблю вас, как родных братьев; вы мои соученики и вы мне очень дороги. Если вы последуете этим советам, я буду любить вас еще больше; если не последуете, мне будет больно; а длительная боль приводит обычно к такому концу, о котором я, полагаясь на благие предзнаменования, предпочитаю не говорить.

Письмо 55

ЭКДИКИЮ

Если есть предметы, заслуживающие нашего внимания и заботы, то к числу их несомненно относится и священное искусство музыки; поэтому выбери из числа жителей Александрии подростков благородного происхождения, положи каждому из них по две артабы¹¹ в месяц, а кроме того масла, зерна и вина; одежда будет им выдана казначеями. Выбрать надо тех, у кого есть голос. Если среди них найдутся такие, которые смогут достигнуть наивысших успехов в этом искусстве, то сообщи им заранее, что они и с моей стороны будут чрезвычайно щедро вознаграждены за свое усердие. Но еще более драгоценной наградой будет для них то, что их души станут чище под воздействием божественной музыки, как это доказано многими, кто высказывался об этом предмете до меня. Вот каковы мои намерения относительно этих юношей. А что касается тех, кто в настоящее время уже обучается у музыканта Диоскора, заставь их прилагать больше стараний к овладению этим искусством; ведь я готов прийти им на помощь во всем, чего бы они ни пожелали.

Письмо 7

ГЕОРГИЮ¹²

«Ты пришел, Телемах...»¹³ — говорит поэт. Я же узрел тебя уже сквозь твои письма и запечатлел в себе образ твоей божественной души, подобно тому, как маленькая печать носит на себе начертание великих писмен. Ведь можно и в малом показать многое. Мудрый Фидий прославился не только своими статуями в Олимпии и в Афинах, но и тем, что сумел воплотить свое огромное искусство в крошечном изваянии; как пример этого приводят его «Кузнечика», его «Пчелку», а, если угодно, и его «Мушку». Медь — это их материя, а душу им дало искусство. Может быть, именно благодаря крохот-

ным размерам этих насекомых искусство достигает в их изображениях наибольшего правдоподобия. А вот взгляни, например, на изображение Александра, охотящегося верхом; размер всего произведения не больше ногтя; а какое изумительное искусство отражено в каждой его мельчайшей черточке. Александр поражает дикого зверя и в то же время устрашает зрителя; весь вид его наводит ужас; а конь не хочет стоять спокойно и вздымается на дыбы; как бы похищая черты действительности, искусство дает коню движение.

Именно то же самое ты, прославленный, сделал для меня. Ты, столь часто стяжавший венки в состязаниях на поприщах Гермеса Красноречивого¹⁴, теперь в нескольких своих строках достиг вершины искусства; поистине, ты подобен гомеровскому Одиссею, который, сказав лишь, кто он, поразил феаков¹⁵. Если тебе требуется немного моих дружеских курений, то мне их не жалко. Ведь часто и менее сильный оказывается полезен более сильному, как видно из басни о мыши, спасшей льва¹⁶.

Письмо 15

ФИЛОСОФУ МАКСИМУ¹⁷

Предание гласит, что орел, желая проверить, законно ли рождены его орлята, возносит их, еще не оперившихся, в область эфира к лучам Гелиоса, чтобы из свидетельства этого бога узнать, он ли является отцом этой семьи или это — внебрачное и чуждое ему отродье.

Так и я приношу тебе мои сочинения, как Гермесу Красноречивому; если они выдержат испытание твоего слуха, то от тебя зависит решение, передать ли их на суд людей; если этого сделать нельзя, то отвергни их, как непричастные музам, и сбрось в реку, как внебрачный приплод.

Также и Рейн отнюдь не поступает с кельтами несправедливо, увлекая в свои стремнины незаконных детей и мстя таким образом за оскорбление супружеского ложа; а тех, кого он признает рожденными от чистого семени, он выносит на поверхность своих вод и возвращает в объятия трепещущей матери, давая этим спасением ребенка непреложное свидетельство чистоты и непорочности ее брачного союза.

Письмо 17

ФИЛОСОФУ ЕВГЕНИЮ

Дедал, как гласит предание, вылепил Икарию крылья из воска и осмелился насиловать природу с помощью искусства. Что до меня, то его искусство я хвалю, но его решения не одобряю; из всех людей только он один решился доверить спасение своего сына непрочному воску. Однако я желал бы, как говорит теосский певец¹⁸, изменить свою природу и стать крылатой птицей; но, конечно, я сделал бы это не ради того, чтобы взлететь на Олимп или чтобы испускать жалобные любовные вопли, нет — я полетел бы к подножию ваших гор и заключил в мои объятия тебя, «заботу моего сердца», как говорит Сапфо¹⁹. Но поскольку природа, замкнув меня в темницу человеческого тела, не хочет, чтобы я взлетел ввысь, то я лечу к тебе на тех крыльях, которые у меня есть, — я пишу тебе и, насколько это возможно, я уже с тобой. Вот потому-то — а не по какой-либо иной причине — Гомер и называет слова «крылатыми», что они могут летать повсюду, подобно тому, как самые быстрокрылые птицы летят, куда им угодно. Пиши и ты мне, друг мой; ведь ты, так же как я, если не более, владеешь этими крыльями речи, на которых ты можешь долетать к своим друзьям и делать их такими счастливыми, как если бы ты был с ними.

Письмо 26

ЛИБАНИУ, СОФИСТУ И КВЕСТОРУ

Я прибыл в Литарбы; это — городок в Хакидике²⁰. Случайно я натолкнулся на дорогу, на которой сохранились остатки зимнего лагеря войска антиохийцев. Эта дорога была проложена, мне думается, частью по горам и на всем своем протяжении трудно проходима. На болоте лежали камни, как будто размещенные здесь нарочно: искусство здесь было ни при чем, но совершенно таким же способом укладывают камни в некоторых городах строители общественных дорог, скрепляя их не землей, а большим количеством щебня и плотно сдвигая камень с камнем, как будто при кладке стен. Пробравшись с трудом через этот участок пути, я прибыл на мою первую стоянку. Было около девяти часов; я принял у себя в доме многих из членов вашего совета²¹. То, о чем мы с ними беседовали, тебе, может быть, уже стало известно — ты узнаешь это и от меня, если боги позволят.

Из Литарб я отправился в Берию²². Там Зевс послал мне благие предзнаменования и ясно обещал мне защиту богов. Я задержался в Берие на один день, осмотрел акрополь и принес в жертву Зевсу белого быка, как подобает государю. Побеседовал я немного

с членами совета и о почитании богов; но, хотя речь мою все они хвалили, согласились с нею лишь очень немногие, да и то только те, которые и до моей речи, по-видимому, мыслили здраво; под видом откровенности они распустились и потеряли всякий стыд; людям свойственно, клянусь богами, краснеть, проявляя свои прекрасные качества, — душевное мужество, благоговение, — и похвально поворными делами — кощунством и расслабленностью ума и тела.

После этого приняли меня Батны²³, такого местечка в вашей области я еще не видел, кроме Дафны²⁴, которая в настоящее время похожа на Батны. Прежде, когда еще были храм и статуя, я бы сравнил Дафну с Оссой, с Пелионом, с вершинами Олимпа, с Темпейской долиной в Фессалии, нет, я даже предпочел бы Дафну им всем — ведь это место посвящено Зевсу Олимпийскому и Аполлону Пифийскому. Впрочем, тобой самим написана речь о Дафне²⁵, столь прекрасная, что никто иной из ныне живущих не мог бы создать ничего подобного, как бы он ни старался; да, пожалуй, и у древних не много таких произведений. Зачем же я пытаюсь теперь писать о том, что столь блистательно описано тобой. Да не будет этого!

Так вот, Батны — поселение эллинское (хотя название места варварское), что видно было уже из того, что по всем окрестностям носился аромат финиама и я увидел, что торжественные священные действия совершались повсюду; все это, хотя меня и порадовало, однако показалось мне несколько чрезмерным и неподобающим достойному почитанию богов: ведь вдали от всякого шума и в полном спокойствии следует совершать жертвоприношения и священные обряды в честь богов, так, чтобы участники собирались на празднество только ради этого дела, а не ради чего-либо другого; все это, впрочем, в скором времени, будет приведено в подобающий порядок.

Батны лежат на равнине, покрытой лесом и рощами молодых кипарисов, среди которых нет ни одного корявого или подгнившего, но все они зеленеют от корня до верхушки. Царский дом лишен всякой роскоши, он построен из глины и дерева и ничем не украшен; сад при нем скромнее, чем сад Алкиной, и скорее напоминает садик Лаэрта²⁶. В нем есть маленькая кипарисовая рощица, а вдоль ограды в большом числе посажены прямыми рядами те же деревья; середина сада занята грядками с овощами и различными плодовыми деревьями.

Что же я там делал? Я принес одну жертву вечером и другую на следующий день на рассвете, как я привык делать это ежедневно. Так как предзнаменования были благоприятны, я направился в город, где жители вышли мне навстречу. Я остановился в доме одного гостеприимца, которого видел впервые, но любил уже давно; причина этого, как я знаю, тебе известна, но мне приятно упомянуть о ней еще раз. Слушать об этом предмете или самому говорить о нем — нектар для меня; ведь Сопатр — воспитанник божественного Ямблиха²⁷ и, кроме того, его зять. Не любить всем сердцем

кого-либо из близких Ямблиху людей было бы, по моему мнению, равносильно величайшему беззаконию. Но есть и еще одна причина: он не раз принимал у себя и моего двоюродного брата, и моего сводного брата²⁸, и, хотя они часто уговаривали его, как было тогда принято, чтобы он отрекся от веры в богов, он сумел охранить себя от этой язвы неверия — а это было нелегко.

Вот о чем я должен был написать тебе из Гираполя²⁹ о моих личных делах. Что же касается дел военных и государственных, то, я думаю, тебе следовало бы самому быть здесь, чтобы вникнуть в них и о них позаботиться. Ты же хорошо знаешь, — эти дела настолько сложны, что их не уместить в одном письме; а если захочешь описать все подробно, то их не охватишь и в трех письмах. Впрочем, я все же скажу и о них несколько слов. Я отправил послов к саракенам³⁰ и пригласил их явиться ко мне, если они пожелают. Это — первое дело. А вот второе: я послал нескольких разведчиков, очень ловких, боясь, чтобы какой-нибудь перебежчик с нашей стороны не известил тайком наших врагов о нашей подготовке к выступлению. Далее — я разобрал одно дело в военном суде, как мне кажется, в высшей степени милостиво и справедливо. Я раздобыл опромяное число коней и мулов и объединил все наше войско. Мои речные грузовые суда полны хлебом — вернее, сухарями и уксусом. Каким образом все это удалось сделать и сколько слов пришлось потратить на каждое из этих дел, если все это рассказать, то какого размера будет это мое письмо, ты легко поймешь. Кроме того, я все это уже написал в множестве моих писем и заметок, в которых я упоминаю и обо всем, что явилось для меня благим предзнаменованием, — а эти заметки всегда при мне; поэтому стоит ли труда перечислять все это еще раз?

ЛИБАНИЙ

От Либания (314—393), крупнейшего оратора IV века, до нас дошло более полутора тысяч писем; однако даже эта огромная корреспонденция является, по-видимому, лишь незначительной частью всех писем, им написанных; она охватывает только тринадцать лет его долгой и деятельной жизни (355—363 и 388—393 гг.). Едва ли он вел переписку только в эти годы.

Круг знакомств Либания очень широк, и тематика его переписки очень разнообразна — среди его корреспондентов есть и военные, и государственные деятели, и риторы, и писатели, и частные лица. Характер самого Либания ярко отражен во многих письмах: немало людей, желая использовать его близость к Юлиану, обращалось к нему с просьбами о рекомендации и помощи, и он, по своему природному добродушию, охотно уступал их просьбам (таких писем особенно много в первый период его переписки). Напротив, в письмах к своим коллегам-риторам нередко отражается свойственная Либанию склонность к самовосхвалению (см. письмо к Фемистию, его постоянному сопернику).

Стиль писем Либания легок и изящен, и чтение их приятно и занимательно. Отсутствие глубоких и детальных работ о них объясняется не только огромным количеством их, но и малой доступностью: до последнего времени единственным их изданием оставался том *in folio* от 1738 г. (в два столбца с латинским переводом). Хотя при нем имеется хороший указатель имен, но сам текст не удовлетворяет современным требованиям. Надо надеяться, что законченное ныне издание всех произведений Либания (ed. R. Förster. Lpz., Teubner, с 1903 г.) приведет к более тщательному изучению этого богатого материала.

ПИСЬМА К ЮЛИАНУ

Письмо 224

Неужели ты забыл меня? А мне забыть тебя не позволяет Финикия, восхваляющая тебя в бессмертных песнопениях. Да и из твоей Азии обильно текут к нам речи о твоих подвигах, подтверждая, сколь многого можно еще ожидать от тебя. Однако ничто из того, что о тебе сообщают, не достигает того величия (ведь все это одинаково величественно), которое превысило бы мои надежды, на тебя возлагаемые. Я чрезвычайно радуюсь и твоей благосклонности по отношению к нам, ионийцам, и надеюсь, что твой путь и далее будет счастлив и что ты будешь управлять нашей страной, всё увеличивающейся в своих размерах. Но предоставим это попечениям божества...

[Письмо заканчивается рекомендацией некоего Андрогатия.]

Письмо 1125

О, какую ненасытную жадность возбудил ты во мне твоим письмом! Сколь великий удел в области красноречия, похищенный у других, выпал на твою долю, прекрасный правитель и мощный оратор! В прежние времена люди, подобные тебе, совершали подвиги, а восхваляли их мы, а ты теперь сочетаешь то и другое. Можем ли мы сказать что-либо о твоих деяниях более изящно, чем то, что сказал ты о моем письмеце? Более всего я думаю о том, какое великое будущее ожидает тебя, покорившего Финикию, творящего правый суд над своими согражданами, идущего походом на варваров и тем не менее не теряющего искусства речи. Впрочем, будущее меня не тревожит — мое поражение я буду считать победой: ведь когда победитель и побежденный — друзья, то и побежденный становится участником победы — у друзей, как говорят, все общее.

Письмо 722

Признаюсь, я сперва был весьма недоволен правлением Александра¹ и огорчен тем, что самым видным людям среди нас пришлось потерпеть неприятности; я оценивал поведение Александра не заслуживающим одобрения, а как дерзость, не подобающую правителю. Значительные денежные взыскания, наложенные им, ослабят наш город, как я полагал, но величия ему не прибавят. Однако теперь результаты сурового правления Александра налицо и я изменяю свое мнение. Ибо те, кто прежде до полудня рассаживались в купальнях или спали, теперь, подражая лаконским нравам, стали

выносливы в труде и работают не только весь день, но и часть ночи, и словно прикованы к дверям Александра; чуть кто кликнет их из внутренних покоев, как все со всех ног бросаются туда, — оказывается, даже не прибегая к оружию, одними угрозами можно превратить бездельников и нахалов в людей трудолюбивых и разумных. Каллиоппе тоже, согласно твоему желанию, воздается должный почет — и притом не только конными ристаниями, но и театральными зрелищами; в театре же совершаются и жертвоприношения богам, и большая часть граждан изменила свои взгляды; в театре слышали обильные рукоплескания, а между рукоплесканиями призывали богов. Правитель ясно показал, что рукоплескания присутствующих ему по душе и от этого они стали еще сильнее.

Вот каким, о владыка, прозореньем обладают некоторые люди! Оно дает возможность предугадать, кто сумеет лучше других управлять и домом, и городом, и народом, и царством.

Письмо 525

Я послал тебе незначительную речь, но о значительных делах. Чтобы она стала более значительной, ты можешь прибавить к ней многое, от чего ее значение увеличится. Если ты сделаешь это, то докажешь, что признаешь меня искусным в составлении энкомиев², если же не прибавишь ничего, то я заподозрю обратное.

ПИСЬМА К МОДЕСТУ³

Письмо 44

Я рад, что ты жалуешься на меня; а если ты, получивший от меня уже много писем, скажешь, что не получил ни одного, я буду еще больше обрадован: ведь такие жалобы — жалобы любящего, который, желая получить больше, утверждает, что не получил ничего. А если бы ты, получив одно письмо, говорил, что получил их уже много, то было бы ясно, что тебе вовсе и не хочется их получать. Теперь же, жалуясь на то, что они будто бы до тебя не дошли, — между тем, как их дошло немало, ты выдаешь себя: видно, никаким множеством писем нельзя утолить твою жажду. Однако я должен сказать, что моих ласточек улетело от меня больше, чем прилетало от тебя сюда; правда, ты можешь сослаться на то, что тот, кто, будучи занят важными делами, отправил три письма, послал их больше, чем тот, кто послал пять писем, но кому и делать больше нечего, кроме как писать.

Что касается меня, то я и прежде ненавидел персов за то, что они, причинив нам зло и потерпев поражение, все же стараются причинять нам его; теперь же я еще больше считаю их своими

врагами за то, что и тебе они чинят неприятности и лишают меня надолго твоего любезнейшего мне общества. А ты, даже в свое отсутствие, доставляешь мне радость, подавая надежду на то, что ты и без особых подготовлений сумеешь нагнать страх на неприятеля. И я увижу, как ты вернешься к нам, хотя и позже, чем ожидали, но в более громкой славе, и стяжаешь хвалу в награду за многие твои походы; и тогда о том, что теперь тягостно, ты вспомнишь с удовольствием.

Письмо 47

До меня дошел слух, что страх, охвативший всех, дошел до высшего предела, что персы навели мосты и грозят переходом. Тебе, конечно, приходится нести много забот, но пусть твоей душой не овладевает смятение. Ведь именно для того, чтобы принять нужные меры, необходимо полное спокойствие, а между тем смятение, несомненно, затемняет разум. Тебе может служить ободрением и то, что с самого начала войны персы пытались совершить переход через Тигр, но, терпя каждый раз поражение, сами отказывались от своего замысла. Кроме того, победа не всегда сопутствует многочисленному войску, напротив, по большей части, войско, преобладающее по численности, оказывается более низким по разуму. Ведь если бы огромное войско было в то же время и более храбрым, то любой из предков этого царя⁴ должен был бы уже давно завоевать всю Элладу; но ты сам хорошо знаешь, что, охваченный жаждой завоевания, он в конце концов искал спасения в бегстве. Оказалось, что не одно и то же — пробивать горы и побеждать человеческую доблесть. Этот царь тоже столкнется с такими вождями, которые заставят его понять, что для него лучше было бы сражаться с оленями.

Однако, даже если персы переправятся через Тигр, они не смогут овладеть укрепленными городами, а всей области они не смогут ни нанести какого-либо вреда, ни воспользоваться плодами ее урожая, так как в ней уже все сожжено. Города по Евфрату персы, конечно, попытаются захватить, но это им не удастся, их защищает богиня Судьбы, покровительница императора. Надо надеяться, что все произойдет именно так. Твои поручения, для осуществления которых нужно было получить письма от Гермогена⁵, я не преминул выполнить. Но мы, мышки, больше стараемся приносить пользу вам, львам, чем вы, львы, — нам, мышкам.

Письмо 1489

Долгое время я находился в страхе, как бы современное положение дел не отразилось на тебе неблагоприятно и на тебя не обрушилось безумное неистовство престоляродья. И мне тоже пришлось претерпеть нападки и подвергнуться некоторой опасности,

однако не со стороны народа, а со стороны нескольких власть имущих... * Я прогневил одного высокопоставленного человека, и мне, как некоему Сизифу, пришлось прибегнуть к помощи нескольких лиц. Однако причина этой жалобы на меня та, что никто, как следует, не разузнал, о ком шла речь. Мне, правда, удалось благополучно выбраться из этой сумятицы, а в тебя, по счастью, молния не ударила.

И все же я не чувствую той радости, которую обычно испытывают те, кому удалось спастись, на что они уже не надеялись. И все же опасаясь, что те же люди обвинят меня в том, что им не удалось меня убить, и в то время, как его ⁶ уже нет с нами, я все еще здесь. Поэтому я все время живу, обливаясь слезами и помышляя о том, что вавилонская земля ⁷ впитала кровь лучшего из людей.

Да будет тебе всегда дана возможность побеждать врагов и помогать друзьям!

ПИСЬМА К ФЕМИСТИУ ⁸

Письмо 1491

Северина ⁹, этого превосходного человека, я знаю не очень близко; не то, чтобы мы были совсем незнакомы, но между нами нет тесной дружбы. Причиной этому то, что убит человек ¹⁰, питавший великие намерения и обладавший великой силой; но зависти врагов он избежать не мог. С этого времени (а Северин появился здесь незадолго до этого события) я погружусь в молчание и все, что прежде радовало меня, теперь мне в тягость; ненавистна мне agora, ненавистен мой дом; я уйду в поля и беседую с утесами... *

Помоги Северину, чтобы он не остался без дела; ты многое можешь сделать — ведь ты в силе, ибо те, в чьих руках власть, охотно оказывают тебе милости.

Письмо 1510

От меня не укрылось то, что ты на площади, в присутствии множества людей, высказал обо мне весьма хвалебные суждения. Об этом мне сообщил один вифинец, который любит город, некогда славный, а ныне лежащий в прахе ¹¹. Он-то и написал мне об этом, желая чтобы я по этому случаю высказал тебе мою благодарность. А я вовсе не намерен ее высказывать; не высказал бы и в том случае, если б ты упомянул не только о моих сандалиях, — о чем ты и упомянул — но и о любой моей обуви. За что стал бы я тебя благодарить, раз ты этим путем восхваляешь себя самого? Ведь

* Пропуск в рукописи. — Ред.

наши с тобой речи по общественным вопросам настолько сходны по форме, что они, несомненно, дети одного отца, то есть родные братья, вернее даже — близнецы. Поэтому, если кто осудит мои речи, то и твоим достанется, а если их похвалят, то и похвала выпадет на долю нам обоим. Именно поэтому ты, желая вознести хвалу своим собственным речам и в то же время избежать дерзкого самохвальства, сделал это, использовав мое имя. Но, любезный мой, скажи-ка, если стадо гусей назовет тебя гусем, а себя сочтет за лебедей, разве оно не ошибется в оценке и тебя и себя? Нет, если они скажут это нам, «мудрым аргивянам»¹², они не изменят ни нашего мнения о них, ни их мнения о нас. Эти люди кое в чем являются побежденными, кое в чем победителями, — а отнюдь не во всем побежденными; разве ты не видишь, что в питье они одолеют Кратина, в еде — Геракла¹³; они наслаждаются тем, что у них множество поваров, они обивают пороги многих домов и добиваются при этом столь многих благ, что я действительно не могу дотянуться даже до их сандалий. Пусть же они и упиваются теми благами, о которых шла речь. А что касается тебя, то лучше бы ты оказывал благодеяния Цельсу, твоему ученику; ты сделаешь ему добро, если не скроешь от него ни одного из тех ухищрений, на изобретение которых ты затратил столько времени.

СИНЕСИЙ

Синесий был уроженцем Кирены, древней и некогда цветущей греческой колонии, основанной выходцами из Спарты. Под римским владычеством ее благосостояние резко пошло на убыль; жители лишились своего главного дохода оттого, что было запрещено разведение и продажа сальфия, растения, высоко ценившегося как острая приправа. Еще при Птолемах Кирена с другими четырьмя городами была объединена в так называемое пятиградье (Пентаполь) и при разделении империи на западную и восточную стала византийской провинцией. Восточноримские императоры плохо заботились о защите южных границ, и Пентаполь в IV веке стал постоянной жертвой набегов кочующих нумидийских племен, которые вконец разорили древнюю страну. В это тяжелое время и протекала не очень долгая жизнь Синесия (он родился между 370—375 гг. и умер между 412—418 гг.).

Синесий происходил из древней семьи местной киренской аристократии, считавшей себя чистыми «дорийцами». Его отец оставил ему некоторое состояние и хорошую библиотеку. Семья его была языческой. С юности интересуюсь философией, Синесий с братом Евоптием учился в Александрии у знаменитой Гипатии. Брат его, по-видимому, навсегда остался в Александрии. Синесий же вернулся на родину и поселился сперва в своем имении, на юге Пентаполя, а потом в Птолемаиде. Лишь несколько раз он выезжал в Александрию и один раз в Афины, но остался недоволен этим древним городом. Все это время он, видимо, уклонялся от государственной деятельности и делал свой досуг, по собственным словам, «между книгами и охотой» (письмо 57). В 403 г. он женился; жена его, очевидно, была христианка, так как он говорит, что получил жену из рук епископа Феофила — человека, к которому Синесий относился с большим уважением. Он имел от нее трех сыновей.

Так, в спокойной семейной жизни прошло время до 409 г. Политическое положение Пентаполя становилось все тяжелее; бесталанные и бессовестные правители и военачальники, присылаемые из Константинополя, не только не были в силах защитить страну от варваров, но сами же грабили ее. Однажды Синесию как землевладельцу пришлось даже организовать отряды из местных жителей для обороны от нападений кочевников и с этим он справился очень успешно. По-видимому, тогда и решили жители Пентаполя избрать его епископом христианской общины, несмотря на то, что он был язычником. Положение епископа давало известный авторитет и возможность самостоятельно обращаться к центральной власти. После упорных отказов и долгих колебаний (различные причины которых Синесий приводит в письмах) Синесий согласился принять эту должность.

С момента посвящения в епископы жизнь Синесия становится очень тяжелой. По-видимому, отношения его с языческими друзьями ухудшились, так как

в письмах Синесия все чаще попадаются жалобы на то, что они ему не пишут. Ему приходится взять на себя почти непосильную борьбу с правителем Пентаполя Андроником, грубым и бессовестным человеком, которого Синесий даже решается отлучить от церкви, что в то время было тяжелой общественной карой и позором. Нападения кочевников все учащаются и становятся более опасными, они доходят до Птолемаиды, осаждают город, и Синесию приходится быть не только епископом, но и военачальником. Его последние письма полны глубокого трагизма. К общественным бедствиям присоединяется и личное горе: один за другим умирают его три маленьких сына. О смерти самого Синесия точных сведений нет: умер ли он от болезни, на которую он жалуется в последних письмах, или погиб в боях за Птолемаиду, неизвестно.

Письмо 1
НИКАНДРУ¹

Мои книги, это — мои дети; одних я родил от возвышенной философии и ее подружки поэзии, других — от риторики, для всех доступной; но всякий увидит, что они рождены от одного и того же отца, который склонен то к умственным трудам, то к наслаждению; к какому роду принадлежит данное произведение, сразу видно по его содержанию; что касается меня, то я особенно нежно люблю его и охотно приписал бы его философии, причислил к законным детям; но, говорят, законы этого никак не допустят, ибо они «строго следят за родовитостью», я уже и то считаю удачей для себя, что я могу тайком приласкать его; а ведь я немало над ним потрудился. Если тебе оно тоже понравится, то покажи его и нашим греческим знатокам, если нет, пусть возвращается к отправителю. Рассказывают, что обезьяны, родив детенышей, любят их на них, как на произведения искусства, считая их необыкновенно красивыми — вот сколь чадолюбива природа, — а в чужих детенышах видят то, что они и есть на самом деле, т. е. — просто обезьяньих детенышей; потому-то судить о детях и надо предоставлять посторонним, что личная привязанность сильно искажает суждение. Поэтому Лисипп посылал свои произведения Апеллессу, а Апеллес — Лисиппу².

Письмо 136
БРАТУ

Я могу купить тебе в Афинах, что тебе только угодно; а вот умнее я здесь стал разве что на величину одной ладони, а, пожалуй, даже на один палец... Ничего в Афинах нет, кроме прежней славы их имени. Подобно тому, как от животного, принесенного в жертву, остается только шкура, по которой видно, что это было за животное, так и здесь ты можешь подивиться на Академию и Ликей, но философии в них уже нет. Да даже и та «Расписная стоя», тот портик, от которого школа Хрисиппа³ получила свое название, уже вовсе не расписная; проконсул увез все картины, созданные искусством Полигнота Фасосского⁴. Нет, в наше время только Египет возвращает семена, заброшенные в его землю Гипатией⁵. А Афины, некогда город и жилище мудрецов, теперь пользуются славой только у пчеловодов. Не лучше их и та толпа плутарховских софистов, которые собирают вокруг себя молодежь в театрах вовсе не прелестью своих речей, а тем, что угощают их медом из амфор, привезенных с Гиметта.

Письмо 10

УЧИТЕЛЬНИЦЕ ФИЛОСОФИИ ГИПАТИИ

Тебе, высокоуважаемая госпожа, и через тебя всем моим счастливейшим друзьям, шлю я привет; хотел я упрекнуть вас за то, что не получаю от вас писем, но теперь знаю, что все вы ныне презираете меня, хотя ничего дурного я не сделал, но столь несчастен, насколько может быть несчастен человек. Если бы я мог получить от вас письма и узнать, как вы живете и чем занимаетесь (я надеюсь, что вам живется лучше, чем мне, и что судьба к вам благосклоннее), то бремя мое стало бы наполовину легче — я был бы счастлив за вас; а теперь то, что я ничего о вас не знаю, еще увеличивает мои бедствия. Я лишился и моих детей, и моих друзей, и всеобщей благосклонности и — что тяжелее всего — общения с твоей божественной душой, а я надеялся, что именно она навсегда останется со мной и будет победительницей и над всеми бедами, посылаемыми свыше, и над превратностями рока.

Письмо 16

УЧИТЕЛЬНИЦЕ ФИЛОСОФИИ ГИПАТИИ

Я диктовал это письмо, лежа больным в постели; а ты, надеюсь, в добром здоровье получишь его, мать моя, сестра и учительница и благодетельница моя во всех делах; какими почетными именами мне еще назвать тебя? Воспоминание о моих умерших детях постепенно подтачивает меня. Синесию лучше бы было жить до тех пор, пока он не познал бедствий жизни; словно какой-то поток обрушился на меня — и исчезла сладость жизни. Если бы мне умереть или перестать вспоминать о могилах моих сыновей! Тебе я желаю здоровья и шлю мой привет всем моим счастливым близким, начиная от отца Феотекна и брата Афанасия, и всем им вообще; а если к числу их прибавился кто-нибудь, кто тебе по душе, то ему я передаю особый привет именно за то, что он пришелся тебе по душе; приветствуй его от меня как самого любимого моего друга. Если тебя немного заботят мои дела, то это хорошо с твоей стороны; если же нет, то делать нечего.

Письмо 89

БРАТУ

До настоящего времени нам жилось хорошо. И вдруг как будто с двух сторон какой-то поток прорвался, — столько горестей обрушилось на меня и в моей личной жизни и в обществе. Ведь я живу в стране, подвергающейся непрерывным нападениям врагов, живу

не как частное лицо; я должен оплакивать беды каждого жителя и должен каждый месяц, иногда по многу раз, участвовать в военных схватках, словно я прислан сюда в качестве наемного солдата, а не для того, чтобы творить молитвы.

Если тебе в твоём плавании будет сопутствовать попутный ветер, то, пожалуй, божество не всегда посылает нам одни горести.

Письмо 69

ЕПИСКОПУ ФЕОФИЛУ⁶

Ты, конечно, озабочен положением Пентаполя⁷, знаю, что озабочен; ты прочтешь те письма, которые написаны для широкого распространения; но о том, что произошли уже большие и более страшные беды, чем те, которых, судя по письмам, еще только опасаются, ты услышишь от того, кто передаст их тебе; он отправлен к тебе, чтобы молить о помощи. Враги даже не дождались его отъезда, а рассеялись по всей области; все погибло, все уничтожено; только города еще держатся, то есть держатся сейчас, когда я пишу это письмо,— а что будет с ними далее, бог знает. Поэтому-то и нужны твои молитвы, такие молитвы, которые могут смягчить и умиловать бога. Я сам уже не раз и один и общенародно молил его, но напрасно. Что я говорю—напрасно? Мало того, все идет как раз вопреки моим мольбам: таково возмездие за многие и тяжкие проступки.

Письмо 107

БРАТУ

Тебе хорошо запрещать нам братья за оружие, когда враги уже захватили все вокруг, все уничтожают и что ни день убивают бесчисленное множество людей, а ни один воин даже и не покажется нигде; ты, может быть, скажешь, что нельзя частным лицам носить оружие? А умирать им можно, если государство становится поперек дороги тем, кто пытается его спасти? Если мы и ничего не выиграем в этом деле, по крайней мере истинные законы восторжествуют над всеми этими злодеями. А как ты думаешь, чего бы я ни дал за то, чтобы снова увидеть мирную жизнь, украшенное возвышение на площади и услышать голос служителя, требующего тишины? Я согласился бы умереть на месте, только бы родина вернулась в свое бывшее состояние!

Письмо 96
ОЛИМПИЮ⁸

Я призываю в свидетели бога, которого чтит и философия и чувство дружбы, я предпочел бы вынести сколько угодно смертных мук, лишь бы не быть епископом. Но так как бог возложил на меня не то, о чем я его просил, а то, что было в его воле, то я молю его, чтобы он стал хранителем этой моей жизни и защитником и чтобы это было для меня не уходом от философии, а восхождением к ней. А пока, так же как всегда сообщал тебе, моему любимому другу, о моих радостях, так же посылаю тебе и сообщение о моих горестях, чтобы ты пожалел меня и, если можешь, сказал мне свое мнение о том, что мне следует делать. Я до такой степени со всех сторон обдумываю это дело, что вот уже семь месяцев с тех пор, как я попал в беду, нахожусь вдали от тех людей, у которых должен быть ювещеннослужителем; я буду поступать так, пока не пойму до самой глубины, какова природа этого служения; если можно выполнять его, не уклоняясь от философии, то я возьму его на себя. Но если оно расходится с моими намерениями и моим образом жизни, то что мне остается, кроме как немедленно отплатить в прославленную Грецию? Если я отрекусь от епископского сана, то я должен отказаться и от родины, или мне предстоит жить, окруженному презрением, в толпе людей, ненавидящих меня.

Письмо 124
ГИПАТИИ

Если в Анде даже память о живых угасает, то я и там буду помнить о дорогой нашей Гипатии. Со всех сторон окружают меня бедствия, обрушившиеся на мою родину, я подавлен ими; я каждый день вижу вражеское оружие, людей, которых убивают как животных, приносимых в жертву; даже воздух отравлен ужасным запахом разлагающихся тел, и я со дня на день жду, что и со мной случится то же самое; но кто же может надеяться на благой исход, если и сам воздух омрачен тенью от крыльев хищных птиц, пожирающих трупы? Но что я могу сделать, если я — уроженец Ливии, здесь увидел свет и здесь же вижу гробницы моих предков, пользующиеся всеобщим уважением. Только ради тебя, мне кажется, я мог бы оставить мою родину и переселиться в другое место, чтобы, наконец, отдохнуть.

РИМСКОЕ ЭПИСТОЛЯРНОЕ ИСКУССТВО

ФРОНТОН

Известнейший ритор II в. н. э. Марк Корнелий Фронтон был родом из Африки (он сам называет себя нумидийцем). Свое образование он получил у Афинодота и Дионисия, имена которых известны только по упоминанию их Фронтоном; возможно, что в юности он обучался в Александрии, о которой впоследствии не раз говорит, как о городе, хорошо знакомом ему. Но большую часть жизни он провел в Риме. Фронтон пользовался широкой известностью и как учитель риторики и как судебный оратор. Слава его была настолько велика, что император Антонин Пий пригласил его в качестве воспитателя к Марку Аврелию и Луцию Веру. Оба его ученика, в особенности Марк Аврелий, по-видимому, очень привязались к своему учителю; Фронтон же, чрезвычайно преданный риторике и считавший ее высочайшим из искусств, прилагал все усилия, чтобы сделать из Марка Аврелия, талантом которого он не мог нахвалиться, лучшего оратора своего времени. Расцвет педагогической и ораторской деятельности Фронтон приходится на 140—150-е годы. Нам неизвестны точные даты ни его рождения, ни его смерти, но, судя по тому, что в его письмах нет упоминания ни об одном событии 70-х годов II века, можно предположить, что он умер между 165 и 169 гг. Многие письма его к Марку Аврелию полны жалоб на тяжелую болезнь (ревматизм или подагру), которая не дает ему возможности даже писать и приковывает его к постели. Во всем остальном Фронтон мог считать себя любимцем фортуны; близость к императорскому двору доставила ему в 143 г., помимо славы, и должность консула, которую он, правда, занимал всего несколько месяцев; от проконсулата в Азии, предложенного ему на следующий год, он вынужден был отказаться по болезни. По-видимому, он вообще редко выезжал из Рима, где имел собственный дом и владел знаменитыми садами; ему принадлежало и поместье в Африке.

Память о Фронтоне как об известном ораторе и учителе риторики сохранилась до V века: его с похвалой упоминает Макробий; последний отзыв о нем встречается в письмах Аполлинария Сидония. После этого в течение многих веков Фронтон был окончательно забыт. Только в 1815 г. кардинал Анджело Май нашел в Милане, а потом в Ватиканской библиотеке части палимпсеста VI века, содержащего переписку Фронтон, и небольшие фрагменты из его речей и других сочинений (из двух трактатов о красноречии, шуточных диатриб «Хвала дыму и пыли» и «О пользе сна», из исторического сочинения о парфянской войне).

Из всех сочинений переписка представляет наибольший интерес. Она охватывает период около 25 лет; в нее входят письма самого Фронтон к Марку Аврелию до и после его воцарения, несколько писем к Антонину Пию, к матери Марка Аврелия — Луцилле, к Луцию Веру, к историку Аппиану (последние написаны на греческом языке), а также письма Антонина Пия и Марка Аврелия. Письма сохранились не полностью, некоторые места в них утрачены; в переводе это отмечено многоточиями. Не отпадаясь глубоким содержанием, эти письма дают представление о системе образования и интересах, господствовавших во II в. н. э.

ПЕРЕПИСКА С АНТОНИНОМ ПИЕМ

Письмо 5

ФРОНТОН — АНТОНИНУ ПИЮ¹

Антонину Пию Августу — Фронтон.

Я готов отдать полжизни за то, чтобы обнять тебя в этот счастливейший и желаннейший день — годовщину начала твоей императорской власти, в день, который я считаю днем рождения своего благополучия, почета и спокойствия. Но сильная боль в плече и еще более сильная боль в шее ослабили меня настолько, что я с трудом могу наклониться, выпрямиться или повернуться: до такой степени мне больно двинуть шеей. Но я исполнил обеты и взял на себя новые перед моими ларами, пенатами и всеми моими домашними богами, умолая их о том, чтобы в наступающем году я дважды обнял тебя в этот же самый день и дважды поцеловал твою грудь и руки сразу за прошлый и настоящий год.

Письмо 6

АНТОНИН — ФРОНТОНУ

Ответ Августа.

Так как я хорошо знаю искренность твоих чувств ко мне, то мне совсем не трудно верить от души, что именно этот день, в который мне было суждено вступить на государственный пост, ты отмечаешь с особой радостью и почти благоговением. Я представил себе мысленно, как и полагалось, и тебя, и твои обеты... (*конец письма утрачен*).

Письмо 8

ФРОНТОН — АНТОНИНУ ПИЮ

Антонину Пию Августу — Фронтон.

1. Что я приложил бы все усилия и старался бы исполнить проконсульские обязанности² с огромным усердием, о том, светлейший император, свидетельствуют мои поступки. В самом деле, пока все было неопределенно, я решил использовать свое право участия в жеребьевке и, когда по праву детей³ первым оказался другой, мне досталась эта богатейшая провинция, которую я и получил, как по выбору. После этого я ревностно подготовил все, что каким-либо образом касалось моего управления провинцией, чтобы затем с помощью друзей было легче приступить к такому трудному делу.

Я призвал к себе родственников и друзей, верность и бескорыстие которых давно знал. Я написал своим близким в Александрию, чтобы они поспешили в Афины и там ждали меня; этим ученым людям я поручил заботу о деловой переписке с греками. Даже из Киликии я склонил к отъезду замечательных людей: в этой провинции у меня великое множество друзей, так как я часто, официально и частным образом, защищал перед тобой дела киликийян. Из Мавритании я тоже пригласил к себе человека, который мне бесконечно мил и дорог, так же как и я ему, — Юлия Сенекса, который мог бы мне помочь не только преданностью и усердием, но и своим военным талантом в разыскивании и поимке разбойников.

2. Я сделал все это в надежде, что болезнь, с которой я буду бороться, довольствуясь лишь скромной пищей и водой для питья, если не совсем уймется, то, во всяком случае, на довольно продолжительный срок ослабит свой натиск. Так случилось тогда, что я дольше обычного хорошо себя чувствовал и выглядел бодрым, до такой степени, что даже защищал перед тобой два довольно запутанных дела своих друзей. Но после этого болезнь вспыхнула с огромной силой, которая показала, что все мои надежды были напрасны...

Письмо 9

ФРОНТОН — АНТОНИНУ ПИЮ

1. ...скромность моих друзей позволила мне не домогаться у тебя чего-либо чрезмерно... По моей просьбе ты возвысил положение римского всадника Секстия Кальпурния, жившего со мной, даровав ему уже две прокуратуры. В этом добром деле с двумя прокуратурами я вижу четыре знака милости: два, когда ты их даровал, и два, когда ты принял отказ от них.

2. Вот уже в течение двух лет я смиренно прошу у тебя за моего друга Аппиана⁴, с которым меня связывает старинное знакомство и обычай почти ежедневных совместных занятий. Я уверен и даже осмелился бы утверждать, что он проявит ту же скромность, что и мой Кальпурний Юлиан⁵. Ибо он желает достичь этой чести ради украшения своей старости, а не из-за честолюбия или прокураторского жалования.

Когда я первый раз просил за Аппиана, ты выслушал мои просьбы так благосклонно, что я имел право надеяться.

В прошлом году ты ответил на мою просьбу с еще большей благосклонностью и даже любезно, но когда по моей просьбе ты отдал прокуратуру Аппиану, выступила целая толпа судебных защитников, добивающихся того же. Помнишь также, кого из уроженцев Греции ты назвал охотно и с радостью. Но надо особо принимать во внимание старость и осиротелость, облегчить которую нужны утешения. Я осмелился бы добавить, что исключительная честность

и порядочность одного из этих двух хороших людей ставит его несколько впереди другого; я говорю об этом с такой легкостью, потому что имени того человека, которому я предпочитаю своего друга, я не называл.

3. Наконец, я сказал бы тебе то, что побуждает меня сказать моя прямота и правдивость, а также и уверенность в моей любви к тебе: конечно, справедливее было бы, чтобы он добился своего благодаря мне. Но помни также, господин император, когда он будет домогаться по моему примеру, что я этого домогался два года. Стало быть, и ему также, если тебе так угодно, пусть будет это дано через два года. Он поступит по моему примеру, если сам же попросит у тебя и разрешения отказаться от должности.

ПЕРЕПИСКА С ЛУЦИЕМ ВЕРОМ

КНИГА I

Фрагм. 2

ФРОНТОН — ВЕРУ

1. Моему господину.

...То, что ты мне приказываешь, было бы, может быть, и хорошо, да поздно; ибо возраст выносит уже не все, чего требует разум.

Разве ты заставишь лебедя в его последней песне подражать крику ворона?..

Ты ведь не принудил бы меня действовать против своей природы, плавать, как говорят, против течения, если это расходится с моими природными наклонностями.

Что сказал бы ты, если бы кто-нибудь потребовал, чтобы Фидий изображал гимнастические игры, а Канах — статуи богов, или Каламид — изящные статуи, а Поликлет — грубые? Или если бы он приказал Паррасию рисовать разными красками, а Апеллесе — одной, Неалку — изображать дела замечательные, а Протогену — незначительные, Никию — картины загадочные, а Дионисию — ясные и понятные, Евфранору — что-нибудь игривое, а Павсию — печальное? ⁶

2. А среди поэтов — кто не знает, как скуден украшениями Луцилий, сух Альбуций, возвышен Лукреций, умерен Пакувий, неровен Акций и многообразен Энний? ⁷

Историю также все писали по-разному: Саллюстий — стройно, Пиктор — беспорядочно, Клавдий — мило, Ангиат — без изящества, Сизенна — растянуто, Катон — употребляя многосвязанные выражения, а Целий — одиночные слова ⁸.

Выступая с речью в народном собрании, Катон был сух, Грахх — страстен, Туллий — изобилен; но зато в судебной речи тот же Катон бушевал, Цицерон — торжествовал, неистовствовал Грахх и шумно спорил Кальв⁹.

3. Но, может быть, ты отнесся бы с пренебрежением к этим мерам. Что ж, пускай.

Но разве сами философы не обладали каждый своей манерой речи?

Никто не мог быть более полным в изложении, чем Зенон, более искусным в аргументации, чем Сократ, более склонным к порицанию, чем Диоген. Трудный для понимания Гераклит все обволакивает своей темнотой; вызывающий удивление Пифагор все освящает таинственными знаками; колеблющийся Клитоммах все подвергает сомнению.

Действительно, что было бы с этими мудрыми людьми, если бы каждый из них отклонился от своей обычной манеры? Если бы Сократ не стал аргументировать, Зенон — рассуждать, Диоген — порицать; если бы Пифагор ничего не освящал, Гераклит ничего не затемнял, а Клитоммах ни в чем не сомневался? ¹⁰

4. Но чтобы не задерживаться на этой первой части письма дольше, чем это в нем допустимо, давай рассмотрим прежде всего твоё мнение о словах. Ответь мне, пожалуйста, на следующий вопрос: полагаешь ли ты, что я должен решительно отвергать слова более изящные, даже в том случае, когда они приходят мне на ум сами собой, без какого-либо труда и усердия с моей стороны? Ты ведь не возражаешь против поисков более изящных слов с трудом и усердием? И в то же время, когда они приходят на ум произвольно, ты хочешь, чтобы они были приняты, как Менелай на пиру. В самом деле, запрещать это жестоко и бесчеловечно. Подобно тому, как если бы ты у хозяина, угощавшего тебя фалерном собственном производстве, имевшимся у него дома в изобилии, потребовал критского или сагунтинского вина, которое — вот беда! — ему пришлось бы искать вне дома и специально покупать... Что сказали бы наши современники Евфрат, Дион, Тимократ и Афинодот? Что сказал бы их учитель Музоний? Разве не были они одарены блестящим даром речи и столь же знамениты мудростью, как красноречием? Или ты... полагаешь, что Эпиктет ¹¹ намеренно не использовал более изящных слов и что он предпочел плащ, покрытый грязью, белому и чисто вымытому?

Тогда не думаешь ли ты случайно, что Эпиктет нарочно стал хромым и нарочно родился рабом. Ибо что же это тогда? Так легко он... никогда бы не облачился добровольно в лохмотья слов. Даже если он случайно оказался рабом, он неслучайно родился мудрым человеком. Но в таком случае его красноречию недостает крепости ног...

ПЕРЕПИСКА С МАРКОМ АНТОНИНОМ ЦЕЗАРЕМ

КНИГА I

Письмо 7

ФРОНТОН — МАРКУ ЦЕЗАРЮ ¹²

Моему господину.

1. Я получил твое письмо, Цезарь, и ты легко можешь представить себе, какую огромную радость оно мне принесло, если оценишь каждую причину этой радости в отдельности. Первая и главная причина моей радости — это известие о том, что ты в добром здравьи. Затем, я чувствую, что ты любишь меня так сильно, что не устанавливаешь ни границ, ни меры своей любви и каждый день находишь повод сделать для меня что-нибудь все более приятное и дружеское. Наконец, я уже давно полагаю, что любим тобою достаточно сильно, тебе же свое чувство ко мне все еще кажется недостаточным; — но ведь даже океан не так глубок, как твоя любовь ко мне.

Ты хочешь, чтобы я мог пожаловаться на то, что твоя любовь не достигла еще самой высокой степени: ведь изо дня в день ты делаешь для того, кого любишь, все больше, но так, чтобы твоя любовь накануне каждого дня не была бы наибольшей.

2. Не думаешь ли ты, что мой консулат принес бы мне такую же радость, как эти, столь многочисленные для одного раза, доказательства твоей высокой любви? Ты сам прочитал своему отцу те части моей речи, которые я для тебя выбрал и приложил старание для их произнесения.

В этом неоценимую пользу оказали мне и твои глаза, и твой голос, и жестикуляция, и прежде всего твой ум.

Я не вижу, чтобы кто-нибудь из древних писателей, чьи произведения читали перед народом Эзоп или Росций ¹³, был счастливее меня. Ведь моей речи выпало на долю иметь в качестве чтеца и исполнителя Марка Цезаря, и я понравился слушателям в твоём исполнении, тогда как высшее желание каждого — быть услышанным тобой и понравиться тебе.

Поэтому я и не удивляюсь, что понравилась моя речь, украшенная достоинством твоих уст. Ведь часто то, что лишено собственной прелести, заимствует ее со стороны. Это случается даже с нашей обычной пищей: нет таких самых дешевых овощей или самого дешевого мяса, которое не показалось бы нам более изысканным, когда оно подается на золотом блюде. То же самое можно сказать и о цветах и венках: цена им одна, когда их продают цветочницы на цветочном рынке, и совсем другая, когда их преподносят в храмах жрецы.

3. Я гораздо более счастлив, чем Гerkулес и Ахилл, воинские доспехи которых носили Патрокл и Филоктет, обладавшие меньшими достоинствами.

Напротив, моя средняя, чтобы не сказать, невзрачная речь прославлена самым ученым и красноречивым из всех цезарей. Никогда еще сцена не выглядела более благородно: Марк Цезарь — актер, Тит-император¹⁴ — зритель! Возможно ли, чтобы кто-нибудь из смертных мог достичь большего, разве кроме того, кто окажется на небе в тот момент, когда, по словам поэтов, музы поют, а отец Юпитер слушает.

А какими еще словами я смог бы выразить мою радость по поводу того, что ты послал мне мою невзрачную речь, переписанную твоей рукой?

Истинную правду говорит наш Лаберий¹⁵: чтобы внушить любовь, приманки — бессмысленны, благодеяния же — любовный напиток. Никто еще ни ядом, ни любовным напитком не разжигал у влюбленного такого любовного пламени, какое ты вызвал у меня, оцепеневшего от восторга, этим своим деянием, озаренным любовью. Сколько у меня твоих писем — столько, я считаю, у меня и консулатов, лавровых венков, триумфов и расшитых tog.

4. Выпало ли подобное счастье Марку Порцию или Квинту Эннию, Гаю Гракху или поэту Тицию, Сципиону или Нумидийцу, или Марку Туллию? Их книги считаются более ценными и пользуются наивысшей славой, если они написаны рукой Лампадиона или Стаберия, Плавция или Децима, Аврелия, Автрикония или Элия, исправлены Тираном или переписаны Домицием Бальбом, Аттиком или Непотом¹⁶.

Моя же речь будет существовать, написанная рукою Марка Цезаря. Тот, кто отвергнет речь, полюбит почерк; тот, кто отнесется с пренебрежением к написанному, почтит писавшего. Это точно так, как если бы Апеллес нарисовал обезьяну или лисицу, он набил бы цену этим наихудшим из животных. Или как сказал Марк Катон о... (конец письма испорчен).

Письмо 8

ФРОНТОН — МАРКУ ЦЕЗАРЮ¹⁷

Моему господину Аврелию Цезарю — Фронтон.

1. Какой прекрасный слух у людей в наше время! Сколько вкуса в оценке речей! Ты, может быть, уже знаешь от нашего Авфидия¹⁸, сколько одобрительных возгласов вызвала моя речь и каким хором похвал были встречены слова: «в те дни каждое изображение украшали патрицианские знаки отличия». Но когда я, сравнивая знатное сословие с незнатым, сказал: «это может делать только тот, кто считает, что огонь костра подобен пламени алтаря, так

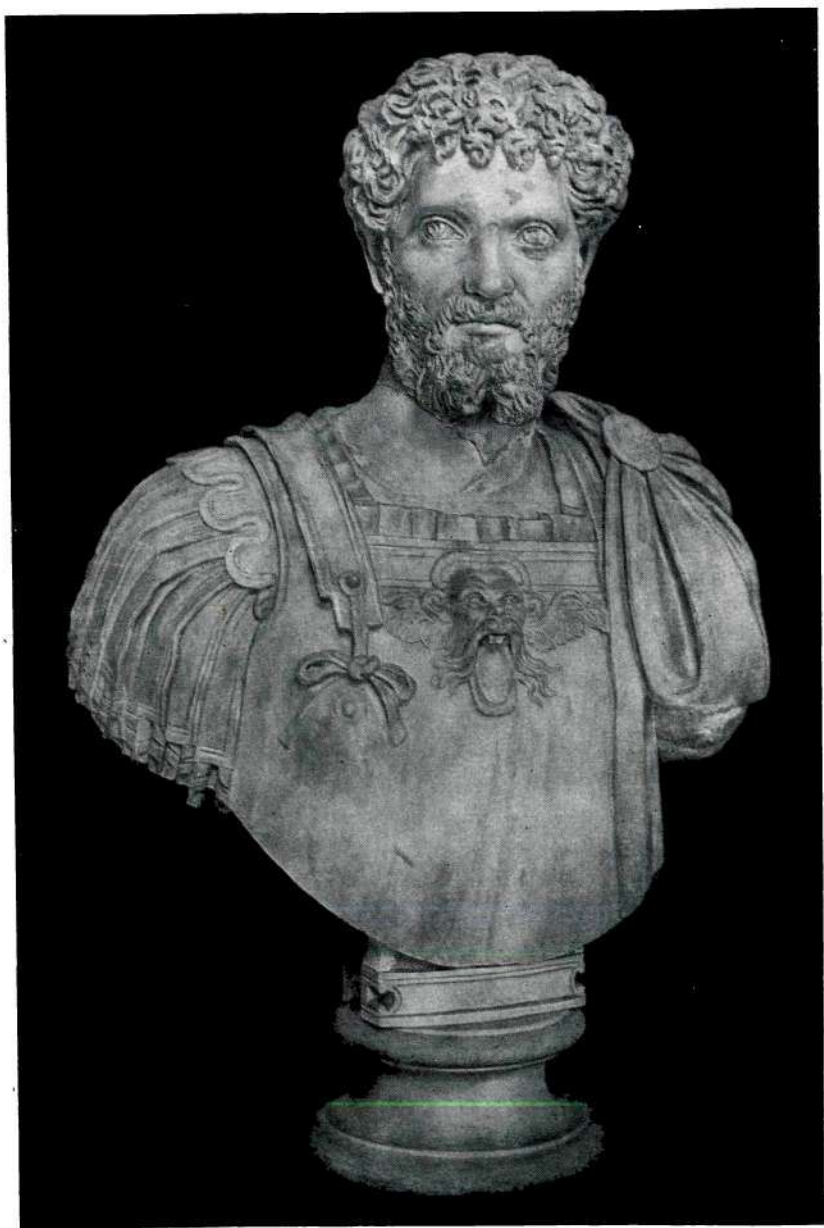
как они одинаково светят», — то в ответ на это некоторые неодобрительно загудели.

2. К чему я тебе это рассказал? Чтобы ты, мой господин, когда будешь выступать в собрании людей, был подготовлен и знал, чем можно угодить их слуху: конечно, не везде и не во всех отношениях, но все-таки иногда и в значительной степени. Когда ты будешь делать это, напоминай себе, что ты делаешь то же самое, что приходится делать вам, награждая и освобождая по требованию народа тех, кто проворно убивает зверей, будь то даже преступники и негодяи. Стало быть, повсюду народ господствует и берет верх. Стало быть, ты должен так поступать и так говорить, чтобы быть угодным народу¹⁹.

3. Услаждать слушателей без большого ущерба для правил красноречия — это и есть наивысшее достоинство и трудно достигаемая вершина искусства оратора; но нужно, чтобы та лесть, которой он намеревается ласкать слух народа, не была слишком бесстыдной; пусть лучше грешит рыхлостью композиция и структура речи, чем мысль — распушенностью. И одежду я предпочел бы строгую из мягкой шерсти, а не из тонкой или шелковой ткани изнеженных расцветок; темно-пурпурную, а не ярко-алую или желтую, как шафран. Кроме того, вам, которым необходимо одеваться в пурпур и багряницу, нужно и речь иногда одевать в эти же цвета. Поступай так, и ты будешь выглядеть сдержанным и умеренным наилучшей сдержанностью и умеренностью. А на будущее я вот что предсказываю: чего бы и когда бы ты ни достиг в красноречии, все будет совершенством, — таким огромным ты наделен талантом и с таким усердием и трудолюбием ты упражняешься; тогда как в других делах ты можешь достигнуть выдающейся славы либо одним усердием без таланта, либо одним талантом без усердия. Я уверен, мой господин, что ты тратишь какое-то время и на сочинение ораторской прозы. Потому что, хотя ловкость лошади можно испытывать одинаково и в галопе и в рыси, все же лучше испытывать ее чаще в том, что более необходимо.

4. Действительно, я разговариваю с тобой, забыв, что тебе только двадцать два года. В этом возрасте я едва лишь прикоснулся к древним авторам, а ты, благодаря богам и собственным достоинствам, достиг таких успехов в красноречии, какие доставили бы славу старикам, и что самое трудное — во всех родах искусства речи. Ведь письма твои, которые ты усердно пишешь, показывают мне достаточно ясно, как много ты еще можешь сделать, стремясь к большей непринужденности и цicerонианству в стиле.

5. Вместо Полемона-ритора²⁰, которого ты представил мне в своем последнем письме как цicerонианца, я в моей речи, произнесенной в сенате, подарил тебе Полемона-философа, если мне не изменяет память, очень древнего. Ну, что ты скажешь, Марк, как тебе нравится моя история о Полемоне? Конечно, многими из этих шуток снабдил меня Гораций Флакк, тот самый знаменитый поэт

Септимий Север
Мрамор. III век н. э.

Антоний Пий
Мрамор. II век. н. э.

и не чужой мне человек благодаря Меценату и моим меценатовым садам²¹. Так вот, этот самый Гораций включил историю о Полемоне во вторую книгу своих «Бесед», если я правильно помню, в следующие строки:

...Можешь ли ты, например, поступить Полемону подобно?
Бросишь ли признаки страсти, все эти запястья, подвязки?
Эти венки, как бросил их он, вином упоенный,
Только услышал случайно философа слово, который
В школе своей натошак проповедовал юношам мудрость!

6. Стихи, которые ты мне присылал, я отослал тебе обратно через нашего Викторина и вот каким образом я их отослал: бумагу я тщательно перевязал ниткой, а нитку закрепил печатью так, чтоб даже мышонок не смог ничего разнюхать. Ведь сам он раньше никогда и ничего мне о твоих стихах не сообщал, такой он скверный и коварный человек. Только говорил, что ты читаешь свои гекзаметры намеренно слишком быстро и он не мог поручить их памяти. Но я его вознаграждал за это в свою очередь. Он получил то же самое — ему не услышать из пакета ни одного стиха.

7. Как ты, мой господин? Конечно, бодр, конечно, хорошо себя чувствуешь, здоров, конечно, во всех отношениях. Никогда не пугай нас так, как ты нас напугал в день своего рождения — остальное меня мало волнует. «Если есть у тебя какая-нибудь неприятность, да упадет она на голову пирреанцев»²². Прощай, моя радость, мое убежище, счастье, слава. Прощай и, умоляю тебя, люби меня по-всякому, как в шутку, так и всерьез.

Твоей матери я написал письмо — уж такова моя самонадеянность — по-гречески, и связал его вместе с письмом тебе. Ты прочти его первый и, если там есть варваризмы, поправь их, поскольку твой греческий гораздо свежее, чем мой; и уже потом отдай матери. Я ведь не хочу, чтобы твоя мать презирала меня, как невежду. Прощай, мой господин, и поцелуй свою мать, когда будешь отдавать ей письмо, чтобы она охотнее его прочла.

КНИГА II

Письмо 1

ФРОНТОН — МАРКУ ЦЕЗАРИЮ²³

Моему господину.

1. В своем последнем письме ты спрашивал меня, почему я не произнес речь в сенате. Но я обязан выразить благодарность моему господину, твоему отцу, эдиктом, который обнародую во время наших цирковых игр. Он будет начинаться такими словами: «В день, когда милостью великого императора я даю самое любимое народом и в высшей степени народное представление, я счел уместным воздать ему благодарность, чтобы этот день»... — здесь следует

какое-нибудь заключение в духе Марка Туллия. Речь же в сенате я произнесу в августовские иды²⁴. Ты, может быть, спросишь, почему так поздно? Потому что я никогда не спешу исполнить кое-как в первый подходящий момент свой торжественный долг. Но поскольку я должен быть с тобою прям и откровенен, то скажу тебе, что я думаю в глубине души. Твоего деда, божественного Адриана, я часто хвалил в сенате, с большим усердием и готовностью; эти многочисленные речи у всех на руках.

Но Адриана, да будет это сказано с твоего доброго согласия, я скорее хотел умиловить, как Марса Градива²⁵ или отца Плутона, чем действительно любил. Почему? Да потому что для любви нужна уверенность и тесная связь; а так как уверенности у меня не было, то я и не осмеливался любить, но тем сильнее почитал его. Антонина же я люблю, как солнце, как день, как жизнь, как воздух, и высоко ценю, и чувствую, что и он меня любит. Его я должен хвалить так, чтобы похвала моя не была скрыта в записях заседаний сената, а находилась на руках и перед глазами всех людей, иначе я окажусь неблагодарным и по отношению к тебе. Как тот беглый раб-скороход, который, как говорят, сказал: «я бежал шестьдесят миль для господина и пробежал бы сто для себя, чтобы вырваться» — так и я, когда хвалил Адриана, бежал для господина, а сегодня я бегу для себя; для себя — и, я бы сказал, по-своему — я пишу и эту речь, и для своего удобства я делаю это медленно, спокойно, постепенно. Если ты очень нетерпелив для такой работы, проводи время иначе; поцелуй своего отца, обними его и, наконец, похвали его сам. В остальном тебе придется подождать до августовских ид, чтобы услышать то, что ты хочешь.

Прощай Цезарь, будь достоин отца и, если ты хочешь что-нибудь написать, — пиши медленно.

Письмо 3

МАРК ЦЕЗАРЬ — ФРОНТОНУ²⁶

Марк Цезарь, своему консулу и учителю.

В самом деле, написали ли древние греки что-либо подобное, пусть судит об этом тот, кто в этом разбирается. Я же, если мне дозволено это сказать, никогда не замечал, чтобы Марк Порций был так же хорош в порицании, как ты в похвале. О, если вообще возможно по достоинству похвалить моего господина, то, конечно, ты это сделал достойно. Легче было бы подражать Фидию или Апеллесу, или, наконец, самому Демосфену, или самому Катону, чем этому, столь совершенному и изысканному произведению. Я никогда не читал ничего более утонченного, более античного, более пышного, более латинского. О ты, счастливый человек, одаренный таким красноречием! О я, счастливый, имеющий такого учителя.

Какие аргументы! Какое расположение! Какое изящество! Какое остроумие! Какая красота! Какой выбор слов! Какой блеск! Какая выразительность, ясность, тонкость и вообще все вместе взятое!

Пусть я умру, если не должен ты однажды, увенчанный диадемой и с волшебной палочкой в руках воссесть в трибунале; и тогда глашатай прочел бы все это нам. Да что я говорю, нам? Я имею в виду, всем ученым филологам и так называемым ораторам — а ты волшебной палочкой призывал бы их всех к себе по одному и наставлял бы их.

Мне до сих пор не приходилось опасаться твоих наставлений; мне еще так много осталось сделать, хотя бы для того, чтобы переступить порог твоей школы.

Я пишу это в большой спешке, ибо к чему тебе мои длинные письма, когда я посылаю тебе такое ласковое письмо моего господина?

Итак, будь здоров, гордость римского красноречия, слава друзей, великое творение природы, приятнейший человек, почтеннейший консул, милый учитель. В будущем остерегайся обо мне лгать так много, особенно на заседании сената. Ты написал эту речь поразительно хорошо. О, если бы я мог поцеловать твою голову за каждую из глав. Ты оставил всех далеко позади. После чтения твоей речи наши занятия, труд, усилия — напрасны. Будь здоров всегда, милый учитель.

Письмо 5

МАРК ЦЕЗАРЬ — ФРОНТОНУ

Марк Цезарь — многоуважаемому консулу, своему учителю.

...Три дня назад я слышал, как декламирует Полемон, так что мы можем также немного поговорить и о людях. Если тебя интересует мое мнение о нем, то слушай.

Он кажется мне похожим на очень опытного трудолюбивого земледельца, который занял только под сев пшеницы и виноградники большое поле, где наверняка и урожай прекраснейший, и доход богачейший. Но ведь нигде на этом поле не видно ни помпейского фигового дерева, ни арицинских овощей, ни тарентской розы; нет здесь ни прелестной рощи, ни густого леса, ни тенистого платана: все это больше для пользы, чем для удовольствия; как раз то, что мы обязаны были бы хвалить, но любить не расположены.

Достаточно ли я, на твой взгляд, дерзок в своем намерении и легкомыслен в своем мнении, так как сужу о человеке с такой огромной славой? Но когда я вспоминаю, что я тебе написал, я чувствую, что был еще недостаточно смел на твой вкус... Будь здоров, самый желанный и дорогой твоему Веру²⁷ человек, почтеннейший консул, любезный учитель. Будь здоров, всегда мне милая душа.

Письмо 6

МАРК ЦЕЗАРЬ — ФРОНТОНУ ²⁸

Марк Аврелий Цезарь приветствует своего консула и учителя:

Со времени моего последнего письма к тебе не случилось ничего, стоящего внимания, о чем бы я мог тебе написать или о чем бы тебе могло быть приятно услышать. Ибо почти все наши дни проходят в одних и тех же занятиях — тот же театр, тот же досуг, та же тоска по тебе. Да что я говорю — та же? Напротив, с каждым днем она растет и усиливается; и то, что говорит Лаберий о любви, на свой манер и в соответствии с характером своей музыки: «Любовь твоя растет быстро, как лук-порей, и крепка, как пальма», — я прилагаю это к своей тоске по тебе. Хочу написать тебе многое, но ничего не приходит в голову.

2. Вот что, однако, пришло мне на ум. Мы будем слушать здесь панегиристов — греков, конечно, но удивительных греков. Так что я, который так же далек от греческой литературы, как мой Целийский холм ²⁹ от земли Греции, надеюсь, однако, что, подготовленный ими, смогу оценить даже Феопомпа ³⁰, ибо он, как я слышу, красноречивейший из греков. Таким образом, меня, почти совершенно невежественное существо, толкают к греческим сочинениям люди, как говорит Цецилий ³¹, «незапятнанные незнанием».

3. Небо Неаполя вполне благоприятно, но сильно изменчиво. В короткий промежуток времени оно становится то холоднее, то теплее, то суровее. Так первая половина ночи — теплая, как в Лавренте, но потом, в то время, когда поют петухи, уже прохладно, как в Ланувии; в раннюю пору расцвета и до восхода солнца холодно, как в Альгиде; позднее и до полудня небо солнечное, как в Тускуле; затем — полдень, знойный, как в Путеолах, но конечно, когда солнце отправляется купаться в Океан, небо, наконец, умиряется — таково небо в Тибуре ³². Так продолжается вечер и начало ночи, до тех пор, пока, как говорит Марк Порций, «глубокая ночь не устремится к концу». Но что же это я? Обещал написать немного, а сам, как Мазурий ³³, мелю всякий вздор. Итак, будь здоров, милый учитель, почтеннейший консул. Тоскуй по мне так же сильно, как ты меня любишь.

Письмо 12

МАРК ЦЕЗАРЬ — ФРОНГОНУ

...Ты спрашиваешь, что это за история? Когда мой отец возвратился из виноградников, я, как обычно, сел на лошадь и выехал на дорогу. Проехав немного вперед, я встретил там, на дороге, большое стадо овец, сбившихся в кучу так, как они это обычно делают на узком месте, четырех собак, двух пастухов и больше ничего. Один из пастухов, увидев всадников, сказал другому: «Посмотри на этих всадников, это самые отвязанные разбойники». Услышав это, я прищепил коня и въехал прямо в середину стада. Испуганные овцы шарахнулись в разные стороны и, блея, разбежались, кто куда. Пастух метнул в нас свой посох, он угодил во всадника, который следовал за мной. Мы обратились в бегство. Вот, таким образом, тот, кто боялся лишиться овец, потерял свой посох. Ты думаешь, это выдумка? Чистая правда. Я мог бы тебе написать об этом случае еще больше, если бы служитель уже не вызывал меня в бани. Прощай, мой милый учитель, честнейший и редчайший из всех людей, моя радость, моя любовь, мой восторг.

Письмо 14

МАРК ЦЕЗАРЬ — ФРОНТОНУ

Моему учителю.

Когда ты остаешься без меня, ты читаешь Катона; я же в твоё отсутствие до пяти часов слушаю защитников в суде. О, если бы предстоящая ночь была как можно короче! Стоит поработать меньше ночью, лишь бы скорее увидеть тебя.

Прощай, мой милый учитель. Моя мать кланяется тебе.

Я едва дышу, так я устал.

КНИГА III

Письмо 1

ФРОНТОН — МАРКУ ЦЕЗАРИЮ

Фронтон — своему Цезарю.

...если речь не украшена строгостью языка, она становится совершенно неприемлемой и неприличной речью. И, наконец, ты тоже, когда выступал в сенате или на народной сходке, не употреблял

ни одного неподобающего слова, ни одной непонятной или необычной риторической фигуры; как человек, который знает, что красноречие Цезаря должно быть подобно зову походной трубы, а не звукам флейты; в нем меньше звонкости, но больше весомости.

Письмо 2

МАРК ЦЕЗАРЬ — ФРОНТОНУ ³⁴

Аврелий Цезарь своему Фронтому шлет привет.

Я знаю, ты часто говорил мне, что хочешь сделать для меня что-нибудь такое, что доставило бы мне наивысшее удовольствие. Время для этого теперь настало: ты можешь теперь увеличить мою любовь к себе, если только она еще может увеличиваться. Близок день судебного заседания, на котором, кажется, люди не только с доброжелательством выслушают твою речь, но и с недоброжелательством увидят твоё негодование. А я не вижу никого, кто осмелился бы предостеречь тебя в этом деле. Ибо те, кто настроен к тебе менее дружески, предпочитают увидеть, как несдержанно ты себя ведешь; те же, которые настроены к тебе более дружески, боятся, что если они отговорят тебя от обвинения, которое ты возводишь на него по праву, они покажутся тебе более благосклонными к твоему противнику.

Но затем, если ты специально заготовил на этот случай что-нибудь блестящее, они не поддержат тебя и своим молчанием не дадут тебе достичь полного успеха. Даже если ты сочтешь меня случайным советчиком или дерзким мальчишкой, или более благожелательным к твоему противнику, не потому, что я считаю это более правильным, но потому, что это более осторожно — я дам тебе совет. Но что я сказал: «дам совет»? Я прошу этого у тебя, прошу и умоляю и, если вымолю, обещаю быть тебе за это очень признательным.

«Как? — скажешь ты, — если он меня вызовет на это, мне не отвечать ему теми же словами?» Но ты только стяжаешь себе большую славу, если ничего не ответишь на вызов. В самом деле, если бы он начал первый, тебя бы еще можно было простить, так как ты бы отвечал ему. Но я просил его, чтобы он не начинал, и думаю, что добился этого. Ведь я люблю вас обоих, каждого за свои заслуги, и знаю, что он вырос в доме моего деда, ты же был моим наставником. Поэтому я и проявляю столько сердечной заботы о том, чтобы это неприятное дело завершилось самым благородным образом. Очень хочу, чтобы ты одобрил совет, ведь ты одобришь мое доброе намерение.

Ибо я считаю, что лучше не очень мудро написать, чем не по-дружески промолчать.

Прощай, мой Фронтон, самый дорогой и любимый друг.

Письмо 3

ФРОНТОН — МАРКУ ЦЕЗАРИЮ

Фронтон — Цезарю, своему господину.

По заслугам я предан тебе, по заслугам все радости моей жизни — в тебе и твоём отце. Что может быть более дружеским, более приятным, более истинным!

Оставь, заклиная тебя, эти слова, «дерзкий мальчишка или случайный советчик». Действительно опасно, как бы ты не дал кому-нибудь по-детски неразумный совет.

Хочешь верь мне или не-верь, — а я-то уверен в том, что я говорю, разумом ты превзошел стариков. И, наконец, я заметил, что в этом деле твой совет — это убедительный совет седовласого старца, мой же напротив — совет ребенка. Зачем, действительно, устраивать представление для друзей и врагов? Если этот Герод³⁵ человек порядочный и скромный, то с моей стороны несправедливо подвергать нападкам такого человека; если же он человек никуда негодный и бессовестный, то сражение мое с ним будет неравным, так же как и потери. Потому что всякий, сцепившись в рукопашную с грязным человеком, марает себя, даже если побеждает. Но, вернее всего, что тот, кого ты считаешь достойным своего покровительства, — порядочный человек. Если бы я когда-нибудь это знал, тогда пусть меня накажут боги, если бы я осмелится ранить словом кого-нибудь из твоих друзей. Теперь я бы хотел, чтобы ты, в меру своей любви ко мне, благодаря которой я счастливейший человек, помог мне советом и в этом отношении. Что я не должен говорить помимо дела ничего такого, что могло бы повредить Героду, в этом я не сомневаюсь; но факты, которые относятся к самому делу — ведь совершенно ужасны; как мне с этим поступить — вот в чем я сомневаюсь и о чем прошу совета.

Мне придется говорить о свободных людях, избитых и ограбленных, из которых один был даже убит. Мне придется говорить о нечестивом сыне, забывшем отцовские мольбы; жестокость и алчность должны быть подвергнуты укорам; виновником этих преступлений придется назвать некоего Герода. Поэтому, если ты, самый лучший и любимый мой господин, полагаешь, что при преступлениях, на которые опирается дело, я должен изво всех сил прижать и раздавить противника, дай знать мне свое решение.

Если же ты, тем не менее, полагаешь, что я должен ему в чем-то уступить, то я сочту лучшим сделать то, что ты мне посоветуешь. В остальном же, как я и сказал, будь абсолютно уверен, что я ни слова не скажу помимо дела о его нравах и остальной его жизни. Поэтому если тебе покажется, что я должен буду оказать тебе услугу в этом деле, то я уже сейчас убеждаю себя быть воздержанным в случае, если придется давать показания по этому делу: ибо когда жестоки преступления — должны быть жестоки и

слова о них. Именно такими словами я скажу об оскорбленных и ограбленных людях, чтобы они почуяли в этих словах горечь и негодование; ну, а если я его назову грубым и неотесанным греком, это ведь не будет для него убийственным. Прощай, Цезарь, и люби меня так же сильно, как ты это делаешь. Я же обожаю даже самые буквы твоего письма, и поэтому я бы очень хотел, чтобы ты писал своей рукой, когда пишешь обо мне.

Письмо 4

ФРОНТОН — МАРКУ ЦЕЗАРЮ

Здравствуй, мой господин.

Уже после того, как предыдущее письмо мое было окончено и запечатано, мне пришло в голову, что те, которые будут давать показания по этому делу — а их, кажется, немало, — могут сказать о Героде что-нибудь не совсем подходящее: как бы ты там не думал, что я один имею отношение к этому делу, будь осторожен.

Прощай, мой господин, живи на мое счастье. В этом деле, вероятно, будут участвовать Капреол, которого сейчас здесь нет, наш друг Марциал и даже, кажется, Виллиан³⁶.

Письмо 5

МАРК ЦЕЗАРЬ — ФРОНТОНУ

Здравствуй, мой дорогой Фронтон. Отныне, дорогой Фронтон, я тебе благодарен и признателен за то, что ты не только не пренебрег моим советом, но даже одобрил его. Относительно того, о чем ты спрашиваешь меня совета в своем дружеском письме, я сужу таким образом. Все, что касается дела, о котором ты печешься, должно стать безусловно известным; то же, что касается твоих личных чувств, даже пусть имеющих вполне законное основание, должно остаться в тайне. Таким образом, ты и не повредишь своей репутации в этом темном деле и не причинишь никакого вреда своему самолюбию... А другие пусть говорят, что хотят, так как я забочусь единственно о том, чтобы ты не сказал ничего такого, что было бы недостойно тебя, бесполезно для дела и что слушаателям показалось бы достойным порицания. Будь здоров, мой дорогой и милый Фронтон.

Моему господину.

1. В ту ночь, когда ты думал, что я крепко спал, я почти не сомкнул глаз, размышляя сам с собой и стараясь определить, не был ли я из-за любви к тебе слишком мягок и снисходителен к некоторым твоим недостаткам; может быть, ты должен бы быть более основательно подготовленным и более совершенным в красноречии, но ты запер свой талант на ключ беззаботностью и нерадивостью. Обдумывая все это про себя с тревогой, я нашел, что ты в красноречии стоишь очень высоко для своего возраста, много выше, чем в то время, когда ты приступил к своим занятиям, даже много выше того, чем я мог ожидать, хотя и возлагал на тебя в красноречии чрезвычайно большие надежды. И мне только тогда ночью пришло на ум, к какому роду красноречия относятся темы, на которые ты пишешь! Несомненно, к показному, труднее которого ничего нет. Почему? Потому что, хотя и существует приблизительно три рода речей (показные, совещательные и судебные), последние — это легко доступные со многих сторон, отлогие и ровные склоны холма, а показные — это крутые склоны горы. Наконец, потому, что из трех также видов стиля — простого, умеренного и высокого — простой не имеет почти никакого места в показном красноречии, а гораздо более необходим в судебном. В сочинениях, которые относятся к показному роду, нужно говорить обо всем высоким стилем, везде украшенно, повсюду использовать риторические фигуры, а в умеренном стиле — лишь немного.

2. Ты ведь помнишь все то многое, что мы с тобой читали: комедии, ателланы, древних ораторов; из них очень немногие или, исключая Катона и Гракха, вообще никто не умел «играть на трубе»: они либо мычали, либо лепетали. А какое впечатление произвел на тебя Энний, которого ты читал? Чем его комедии помогли тебе в составлении возвышенных стихов? Ведь очень часто стихи помогают лучше составить речь, а речь — легче написать стихи. Вот недавно ты начал читать красивые и торжественные речи; не думай, что ты тотчас же сможешь им подражать. Но, как я сказал, приналяжем, постараемся изо всех сил. Иди за мной, обогащайся моими знаниями и я ручаюсь, что быстро приведу тебя к вершинам красноречия. Боги помогут, боги будут милостивы. Прощай, мой господин, не теряй надежды, сохраняй бодрость духа, доверься времени и опыту.

Кланяйся госпоже матери.

Когда ты упоминал об обучении персов, ты удачно употребил слово «дерутся».

КНИГА IV

Письмо 3

ФРОНТОН — МАРКУ ЦЕЗАРИЮ

Господину моему — Фронтон.

1. Лучше, по-моему мнению, быть совсем неискушенным и невежественным во всех науках, чем искушенным и сведущим в них наполовину. В самом деле, тот, кто сознает, что он несведущ в науке, ни на что не посягает и тем более ничего не низвергает. Разумеется, неуверенность предотвращает дерзость. Но когда кто-то выдает за хорошо ему известное то, что он знает лишь слегка, то от ложной уверенности он спотыкается на каждом шагу. Говорят также, что лучше никогда не браться за изучение философии, чем попробовать ее слегка, как говорится, кончиками губ. А тот, кто повертелся в преддверии науки и, прежде чем проникнуть дальше, направился оттуда в другую сторону, становится страшно злобным. Однако есть другие науки, где можно иногда скрыть свое невежество и ненадолго сделать вид, что знаешь то, чего на самом деле не знаешь. Но это немедленно раскроется по выбору и расстановке слов. Никто не может долго пользоваться словами и не обнаружить того, что слов он не знает, судит о них неправильно, оценивает случайно, пользуется ими неискусно и не различает ни уместности употребления слова, ни его силы.

2. Поэтому очень немногие из древних писателей отваживались на этот усердный и рискованный труд — тщательные поиски слов. С давних пор из всех ораторов этим отличался только один Марк Порций да его последователь Гай Саллаустий. Из поэтов — особенно Плавт, еще больше — Энний и его ревностный соперник Луций Целий, и, конечно, Невий, Лукреций, кроме того, Акций, Цецилий, а также Лаберий. Кроме них ты найдешь еще нескольких писателей, очень разборчивых в выборе слов в отдельных случаях: Новий, Помпоний и другие писатели того же рода — в деревенских, шуточных и забавных сценах, Атта — в разговорах женщин, Сизенна — в игривых разговорах, Луцилий — в том, что относится к искусству и делам ³⁷.

3. Здесь ты меня тотчас же, конечно, спросишь, какое же место я отвожу Марку Туллию, который считается главой и источником римского красноречия. По моему мнению, он во всех своих сочинениях отличается необыкновенной красотой языка и как никто другой из ораторов был великолепен в своем умении приукрасить то, что он хотел выделить. Мне кажется, однако, что он был далек от тщательных поисков слов то ли по величию души, то ли потому, что избегал труда, то ли от уверенности в том, что даже без особых поисков у него всегда будут наготове такие слова, какие другим едва ли попадутся, даже если бы они их и искали. Поэтому я, кажется, очень хорошо знаю, так как не один раз самым усердным

образом перечитывал все его произведения, что он необычайно богато и обильно пользуется словами всех родов: словами в прямом и переносном значении, простыми и составными, а также теми, которые повсюду сверкают в его сочинениях — возвышенными и часто просто восхитительными. Однако из них во всех его речах ты найдешь только очень немного неожиданных и непредвиденных слов, которые выискиваются не иначе, как с помощью усердия, заботы, бодрствования и памяти, хранящей много стихов древних поэтов. А неожиданным и непредвиденным я называю такое слово, которое обнаруживается вопреки ожиданию и мнению слушателя или читателя: так что, если ты его удалишь и прикажешь читателю самому найти какое-нибудь слово, то он либо никакого не найдет, либо найдет другое, которое уже не так хорошо выражает нужную мысль. Поэтому, я тебя очень хваляю за то, что ты прилагаешь к этому делу заботу и старание³⁸, извлекая слово из глубины вещей и придавая ему наибольшую выразительность. Но, как я уже сказал в начале, в этом деле есть большая опасность, как бы полученный не разместил их без всякой связи, мало понятно и недостаточно изящно: поэтому гораздо лучше пользоваться обычными и общепотребительными словами, чем необычными и изысканными, но мало подходящими для выражения нужной мысли.

4. Я не знаю, полезно ли показывать, сколько труда, тщательной и беспокойной заботы надо приложить к тому, чтобы правильно оценить слово; боюсь, как бы это не охладило пыл юношей и не ослабило в них надежды на успех. Часто одна перемещенная или измененная буква искажает силу и прелесть слова и свидетельствует либо об учености, либо о невежестве говорящего. Я, между прочим, заметил, что когда ты перечитываешь мне свои сочинения, и я, исправляя тебя, меняю в слове один слог, ты не придаешь этому никакого значения. А я хочу, чтобы ты знал, какое значение имеет изменение одного слога. Я сказал бы «*os colluere*»*, но «*in balneis pavimentum pelluere*», а не «*colluere*». Я сказал бы «*lacrimis genas lavere*», а не «*pelluere*» или «*colluere*», но «*vestimenta lavare*», а не «*laverè*»; «*sudorem et pulverem abluere*», а не «*lavere*»; но «*maculam eluere*» звучит более изящно, чем «*maculam abluere*». Но если пятно впиталось глубоко и не может быть удалено без некоторого труда, то я использовал бы слово «*elavere*». Говорят еще «*mulsum diluere*», «*fauces proluere*», «*ungulam juncuto subluere*».

5. Вот сколько примеров одного и того же слова, употребление и смысл которого менялся от изменения одного слога или буквы. Точно так, как, клянусь Геркулесом, правильное было бы сказать

* «Рот промыть» и далее: «в бане пол вымыть»; «щеки слезами омыть»; «одежду стирать, а не омывать»; «пот и пыль отмыть, а не мыть»; «пятно смыть, пятно отмыть», «отчистить, оттереть»; «мед разбавить водой, прополоскать горло, чистить лошадиные копыта».

«faciem medicamento litam; caeno corpus oblitam; calicem melle delitum; mucronem veneno inlitum; radium visco oblitum» *.

6. Быть может, кто-нибудь спросит: «Но кто же помешает мне сказать: «vestimenta lavare», а не «lavare»; «sudorem lavare», а не «abluerе»? ** Конечно, никто не имеет права обращаться с предписаниями на этот счет к тебе, свободному человеку, рожденному свободными родителями, стоящему выше всаднического сословия, человеку, мнение которого спрашивают в сенате. Нам же, посвятившим себя рабскому служению ученым ушам, необходимо с величайшей заботой относиться к этим тонкостям и мелочам. Одни слова, как булыжники, обрабатываются ломом и молотом; другие, как драгоценные камни, высекаются резцом и молоточком. Тебе разумнее всего, в поисках слов вспоминать и использовать поправки, а не отвергать их и не останавливаться на этом. Ибо если ты прекратишь искать, ты никогда не найдешь; если же будешь продолжать поиски, то непременно найдешь.

7. Наконец, я думаю, ты заметил, что я сверх того изменил у тебя порядок слов, потому что ты говоришь «трехголовое чудовище», прежде чем назвать его имя — Герион. Ты ведь тоже это знаешь: очень часто в речи слова с изменением их расположения либо приобретают силу, либо становятся ненужными. Так было бы правильным сказать «navis triremis», но «navis» после «triremis» — уже бесполезное добавление³⁹. Ведь, конечно, нечего опасаться, что кто-нибудь подумает, что после слова «трехвесельный» могут идти «носилки», «повозка» или «кифара». Но, далее, вспоминая, почему парфяне носят длинные и широкие рукава, ты лишишь: я полагаю, что таким образом просторная одежда, как ты говоришь, удерживает жару. Но каким образом вообще можно «удерживать жару»? Я тебя не за то упрекаю, что ты так смело выступил с этой метафорой, так как я вполне разделяю мнение Энния, что оратор должен быть смелым. Конечно, пусть оратор будет смелым, как требует Эний, но пусть он в выражении никогда не отходит далеко от того предмета, о котором он хочет сказать. В самом деле, я очень одобряю и хвалю твое желание и попытки искать слова; но я порицаю небрежность найденного тобой слова, которое просто абсурдно; ибо невозможно «удержать» жару просторными рукавами, которые, как мы иногда видим, свободно развеваются и полощутся по ветру; просторной одеждой жару можно отразить, с помощью просторной одежды ее можно перенести, можно отдалить, можно обмануть, можно отвести, можно развеять, — что угодно, но только не «удержать». Ведь слово «suspendere», означает «поддерживать», а не отводить с помощью чего-то просторного и широкого.

8. Затем, я обращал твое внимание и на то, какими занятиями можно подготовить себя к написанию истории, так как ты этого

* «лицо, намазанное румянами; тело, измазанное грязью; кубок, обмазанный медом; прут, вымазанный клеем; кинжал, смазанный ядом».

** «одежду омыть, а не мыть; пот мыть, а не отмыть».

хотел. Но поскольку об этом речь долгая, то, чтобы не выходить за рамки письма, я кончаю. Если же ты, тем не менее, захочешь, чтобы я тебе написал и об этом, напости мне понастойчивее.

ПЕРЕПИСКА С МАРКОМ АНТОНИНОМ, ИМПЕРАТОРОМ

КНИГА II

Письмо 1

МАРК АНТОНИН — ФРОНТОНУ

...я прочел немного из Целия и из речи Цицерона, но как бы украдкой и к тому же, конечно, в спешке: до такой степени одна за другой преодолевают заботы; между тем, как единственный отдых от них — это взять в руки книгу. Ведь маленькие наши дочери гостят теперь у Матидии⁴⁰, в городе, и, следовательно, не могут придти ко мне по вечерам из-за холодной погоды. Прощай, мой самый лучший учитель. Господин мой брат, мои дочери и их мать... передают тебе сердечный привет.

Пришли мне что-нибудь для чтения из того, что кажется тебе наиболее красноречивым: твое или Катона, или Цицерона, или Салюстия, или Гракха, или какого-нибудь поэта; потому что я нуждаюсь в отдыхе и, в особенности, в отдыхе такого рода: чтение подбодрит меня и отвлечет от тяготеющих надо мной забот; даже если у тебя есть какие-нибудь отрывки из Лукреция или Энния, звучные строки и как бы носящие печать характера.

Письмо 2

ФРОНТОН — МАРКУ АНТОНИНУ

Моему господину Августу — Фронтоны.

Поистине, я должен считаться самым красноречивым из всех людей с тех пор, как они появились на свет и обрели дар речи, раз ты, Марк Аврелий, перечитываешь и одобряешь мои сочинения, и еще считаешь, что для тебя не бесполезно и не бесплодно среди таких важных дел тратить драгоценное время на чтение моих речей.

Если ты восхищаешься моим талантом, движимый любовью ко мне, я, конечно, счастливейший человек, так как дорог тебе настолько, что даже кажусь красноречивым: если же ты серьезно так считаешь, благодаря своему мнению и вкусу, то мне уже по праву будет казаться, что я красноречив, раз кажусь таким тебе.

Что же касается того, что ты с удовольствием прочел похвальную речь твоему отцу, которую я произносил в сенате в бытность

свою назначенным консулом и при вступлении в должность, то я ничуть не удивляюсь. Ведь даже если бы твоего отца восхваляли парфяне или иберийцы на их языке, ты слушал бы их, как великих ораторов. Ты восхищался не моей речью, а доблестью своего отца, и хвалил не слова панегириста, а достойные похвалы дела. Я хотел бы, чтобы ты так думал и о похвалах тебе, которые я произнес в тот же самый день в сенате: тогда в тебе были исключительные природные способности, теперь — наивысшая добродетель; тогда посев был в цвету, теперь плоды созрели и сложены в житницу. Тогда я надеялся, теперь обладаю. Надежда стала действительностью...
(далее текст испорчен).

Письмо 4

МАРК АНТОНИН — ФРОНТОНУ

Моему учителю привет.

Наслаждаясь целебным деревенским воздухом, я все время чувствовал, что мне недостает вещи далеко не незначительной — знать, в добром ли ты здравии, мой учитель. О том, чтобы ты восполнил этот пробел в моей жизни, молю богов. Деревенская жизнь наша, отягощенная государственными обязанностями, — совершенно та же, что и ваша городская деловая жизнь. Да что тут говорить? Беспременные заботы, свободна от которых бывает только какая-нибудь часть ночи, не позволяют мне даже на самую малость продлить и это письмо. Прощай, мой дорогой учитель.

Если у тебя, случайно, есть отобранные письма Цицерона, целиком или в отрывках, одолжи их мне или укажи, какие, по твоему мнению, я должен прочесть прежде всего, чтобы научиться лучше владеть языком.

Письмо 5

ФРОНТОН — МАРКУ АНТОНИНУ

Моему господину.

Вот уже пять дней, как болезнь охватила все мои члены, в особенности же, шею и живот. Насколько я помню, я выбирал из писем Цицерона только те, в которых содержалось какое-нибудь рассуждение или о красноречии, или о философии, или о государстве; кроме того, если что-нибудь, как мне казалось, сказано особенно изящно или остроумно, я это также выписывал. Те выдержки, которые были у меня под рукой, в употреблении, я послал тебе. Три книги — две к Бруту, одну к Акцию — ты прикажешь переписать, если тебе это покажется полезным, и пришлешь мне обратно, так как никаких копий с них я не делал. Я считаю, что все письма Цицерона надо прочесть, по моему мнению, даже скорее, чем все его речи. Нет ничего совершенней писем Цицерона.

Письмо 7

МАРК АНТОНИН — ФРОНТОНУ

Моему учителю.

Господин мой брат желает, чтобы я или ты как можно скорее прислали ему речи. Я предпочел бы, чтобы послал их ты, поскольку они у тебя под рукой, а те копии, которые у меня были, я послал тебе. В скором времени я изготовлю другие.

Письмо 8

ФРОНТОН — МАРКУ АНТОНИНУ

Моему господину.

Ты еще раз, как и в других случаях, проявил ко мне свое доброе расположение — захотел, чтобы я сам послал твоему брату, нашему господину, речи, которые он пожелал, и тем самым заслужил его милость. По своей воле я присоединил к ним третью речь, за Демострата Петилиана⁴¹, о которой написал следующее: «Я присоединил также речь за Демострата, но, когда я показал ее твоему брату, он сказал мне, что к Асклепидоту, который обвиняется в этой речи, ты относишься вполне одобрительно. Как только я об этом узнал, я, конечно, сразу же позаботился о том, чтобы уничтожить речь. Но она уже ходила по рукам так широко, что уничтожить ее было невозможно. Что мне остается делать после этого? Что, спрашиваю я, мне делать? Конечно, ничего, кроме того, чтобы сделать Асклепидота, заслужившего твое одобрение, своим лучшим другом, таким же, каким, клянусь Геркулесом, стал для меня теперь Герод, хотя речь и существует».

Прощай, мой милый господин.

ПЕРЕПИСКА С АППИАНОМ

Письмо 4

АППИАН — ФРОНТОНУ⁴²

1. Я не смог повидать тебя сегодня: боли в желудке, которые я почувствовал ночью, до сих пор продержали меня в постели. Мысли, которые волновали меня во время бессонницы, я не стал удерживать при себе и откладывать в долгий ящик, а поведал тебе, немногие из многих. Если они справедливы, прими их, как спра-

ведливые; если педантичны, прими их, по крайней мере, как искренние. Но ко мне, во всяком случае, отнесись доброжелательно, как к опечаленному болезнью и нуждающемуся в утешении.

2. В личных отношениях подобает следовать отношениям общественным. Будем же устраивать свои личные дела сообразно с этим, как этого и требует обычай. Почему же, в самом деле, города не боятся принимать чуждые дары, и имущество, и самые деньги граждан и иностранцев, и даже людей, которые им отдаются. А тут друг отказывается принять от друга, когда он его об этом просит. Даже боги, точно так же как и города, принимают то же самое от людей, как это доказывают сокровища богов. Да и друзья не отказываются получать что-либо по завещанию. Так почему же тот, кто принимает дар по завещанию, не принимает подарков от живого человека, хотя подарок живого человека гораздо большее доказательство его доброго расположения. Завещатели своим подарком показывают, что они предпочитают одного друга другому, живущие же — что они предпочитают друга самому себе. К тому же приятнее получить что-то от живого человека, потому что есть возможность и высказать ему свою признательность и ответить ему тем же. Затем, богам и городам посылают ведь не какое-нибудь угощение: более достойным всегда и более достойные дары.

3. Но не тяжелее ли принимать подарки? — спросишь ты. В самом деле, что может быть обременительнее дружбы и почета? Но нет ничего и замечательнее их. Что же в этом тяжелее всего, и что я счел бы здесь тяжелым? Я никогда ничего не стал бы продавать, ни покупать, если бы это вызвало «хождение равного дара», как говорят, из дома в дом. Подумай же и о том, какое удовольствие получает пославший, когда его подарок принят, и как он огорчается, когда подарок не принят... даже и после того, как пройдет много дней. Прошу тебя верить, что закон городов, богов и друзей справедлив..., но так как друзья не выставляют напоказ свою готовность к доброй воле, а их скромности скрывают ее, то я посылаю тебе подарок прежде, чем получил у тебя на это разрешение. Не посылай его назад второй раз, как ты не должен был этого делать и в первый раз.

Письмо 5

ФРОНТОН — АППИАНУ

1. Пожалуй, не будет испытывать недостатка в убедительных словах тот, кто в ответ на первую твою мысль возразит тебе, что вовсе не стоит в устройстве личных дел следовать примеру дел общественных. Действительно, мы найдем немало обычаев и законов, общественных — для городов и частных — для каждого отдельного гражданина, которые не похожи друг на друга. Ты убедился бы в этом, если б сравнил процессы и борьбу общественную с борьбой

Марк Аврелий в молодости
Мрамор. 171

Луций Вер в молодости
Мрамор. II век.

и делами личными. Для личных дел нет ни постоянного места суда, ни определенного числа судей, ни особого порядка для возведения обвинений и обжалования их, ни ограничений во времени, отсчитываемого водяными часами, ни присуждения наказания осужденным — и еще очень многого, что отличает личные дела от общественных. Надо, чтобы ворота города были открыты для желающего войти туда и выйти, когда он захочет. Каждый же из нас, частных лиц, не устерег бы своего домашнего имущества, если бы двери его дома не охранялись и привратник не бодрствовал бы постоянно, запрещая входить тем, кто приходит без дела, и не позволяя рабам выходить свободно, когда они захотят. И портики, и священные роции, и гимнасии, и публичные бани доступны для всех, и притом безвозмездно; то же, что принадлежит частным лицам, находится под железным замком да еще под охраной какого-нибудь Сира⁴³; а с купающихся берут плату. Нет сходства и между обедами в частных домах и обедами в пританее, между лошадью частной и лошадью общественной, пурпурным одеянием архонта и пурпурной одеждой простого гражданина, между венком из домашних роз и олимпийской оливковой ветвью.

2. Однако вместе с тем, я думаю, можно и согласиться с тобой в том, что нужно, чтобы личные дела соответствовали делам общественным. Но, уступив тебе в одном, я ни за что не соглашусь с тобой в другом — в том, что этому нужно способствовать. Спорным вопросом у нас, как я полагаю, был вопрос, нужно ли принимать от своих друзей большие и ценные подарки. Настоятельно советуя делать это, ты привел пример с городами, которые принимают друг от друга большие подарки, взяв, таким образом, на себя решение этого спорного вопроса. Стало быть, я, утверждая, что частным лицам не следует принимать друг от друга больших подарков, то же самое отношу и к городам, т. е. что и городам не следовало бы их принимать; ты же, напротив, решив, что принимать подарки — это долг городов, доказываешь, что это также долг и частных лиц. Но, может быть, ты скажешь, что нельзя строить решение спорного вопроса на спорных доводах. Если ты мне говоришь, что многие города принимают богатые подарки, то я могу сказать тебе, что многие из частных лиц также принимают подобные подарки. Но мы спрашиваем, справедливо ли и правильно ли они поступают. И это одинаково относится и к частным лицам и к городам. Поэтому ты правильно сделаешь, оставив нерешенным в этом вопросе то, что касается городов. Ты ведь, я думаю, хорошо знаешь, что многие из самых знаменитых и имеющих хорошее управление городов часто не принимали дорогих подарков. Например, город римлян много раз отказывался от подарков, которые ему присылали. Город афинян, с трудом вводя налоги с подданных, получал очень мало выгоды.

3. Что же касается твоего довода относительно богов, которые тоже принимают подарки и приношения, то я постараюсь ответить

на него так же кратко, как ты его мне изложил: не следует поклоняться мне, так как я не бог и не царь персидский.

4. Самый же убедительный свой аргумент, клянусь богом, ты выжал из завещаний; в самом деле, как же мы всегда, принимая по завещанию подарки, и немалые, можем отвергать те же самые подарки от живых людей? Ты опередил меня, подсказав мне объяснение. Тот, кто проявляет щедрость по завещанию, показывает, что он предпочитает одного друга другому. И я верю, что от него можно принять подарок. А живущие, преподнося подарки, показывают тем самым, что они, как ты говоришь, предпочитают друзей самим себе. И поэтому я утверждаю, что от них не нужно принимать подарки. Потому что, в самом деле, тяжело и с нашей стороны было бы проявлением высокомерия и просто тиранией принимать подобные знаки предпочтения. Ведь совершенно ясно, что тот, кто их оказывает, уважает друга и не уважает самого себя, ставя себя на второе место после того, кому отдает предпочтение. А я ни за что не сел бы на лошадь, с которой слез кто-то другой, уступив ее мне в знак уважения, если сам он идет пешком; и никогда не сел бы в театре, если б другому пришлось подняться и стоять из-за меня; и не принял бы одежды в зимнюю пору, если бы кто-нибудь в холод сам разделся, чтобы предложить ее мне. Каждый сам себе ближе всего и было бы справедливо, чтобы он предпочитал себя всякому другому.

5. Ты говоришь, что богам не принято посылать угощения. Действительно, разве можно назвать угощением муку, пироги, мед и вино с молоком, которыми мы совершаем возлияние, внутренности жертвенных животных и даже ладан — дар для богов?

6. Вот и все твои мудрые и убедительные доводы, взятые из области общественной, божественной и из области завещаний. Свои я изложу тебе коротко. То, о чем невозможно просить без стыда, корысти и жадности, добровольно может принимать только человек бесстыдный, склонный к корыстолюбию и жадности. Стыдно выпрашивать дорогие подарки и еще больший стыд их принимать...

...не следует принимать такие подарки, которые делают тех, кто их посылает, беднее, и обогащают тех, кто их принимает. Ведь таково двойное действие больших подарков. Если же ты обдумаешь наш случай, то окажется, что пославший этих двух рабов уменьшил свое состояние, а я, приняв их, увеличил его. Потому что стоимость двух рабов — очень чувствительна и в оценке состояния, и в обмене имуществом, и в записи расходов, и в уплате налогов.

7. Тот, кто посылает очень большие подарки, причиняет своему другу не меньшую боль, чем своему партнеру тот, кто слишком бросает мяч в игре, или своему собутыльнику тот, кто выпивает слишком большой кубок вина. Потому что в таком случае кажется, что он пьет не для удовольствия, а чтобы опьянеть. Точно так же, как на скромных обедах нам привычно видеть смесь из очень небольшого количества чистого вина с большим количеством воды, так и для подарков больше подходит сочетание большой умеренно-

сти и самых малых расходов. Да и кому, в самом деле, мы можем сказать, что подаркам подобает быть роскошными? Беднякам? Но они не в состоянии их преподносить. Богатым? Но они не нуждаются в том, чтобы их получать. Да и невозможно непрерывно посылать большие подарки. Или тот, кто делает их часто, узнает нужду. Маленькие же подарки можно посылать часто, и они не вызывают раскаяния ни в каком случае — смог ты их послать или не смог.

8. Ты ведь согласился бы со мной в том, что тот поступит несправедливо, кто вызовет похвалу по отношению к себе, а другого лишит этой похвалы? Так вот ты, посылая большие подарки, вызываешь похвалу по отношению к себе, как человек с возвышенной душой, но меня ты этой похвалы лишаешь, принуждая их принимать. А ведь я и сам показался бы человеком с возвышенной душой, если бы не принял такой огромный подарок. Маленькие же подарки вызывают равную похвалу и по отношению к тому, кто их послал за то, что он проявил заботу, и к тому, кто их принял, за то, что он не пренебрег ими...

...как некогда Главк, когда он менял золото на медь, и сто быков на девять. Ведь тот, кто получил выгоду от обмена, неминуемо должен или отплатить большим — и тогда покажется, что, как говорит Гомер, бог лишил его разума; или возратить меньше — и тогда это будет несправедливо. Третье и самое справедливое средство применимо в том случае, когда посылается маленький подарок — тогда обмениваются равными дарами. Рассуждая таким образом, ты поступил бы подобно мне, отославшему назад то, что ему было прислано. Но это все дружеская шутка по отношению к самому лучшему другу. Содержание этих двух рабов, если ты подсчитаешь, доставит тебе теперь мало выгоды.

СИММАХ

Ревностный защитник староримских традиций и культов, последний крупный языческий оратор Квинт Аврелий Симмах жил во второй половине IV в. н. э. (род. около 345 г.— умер вскоре после 400 г. н. э.). Знатность происхождения открыла ему доступ к самым высоким государственным должностям — он был квестором, претором, наместником провинций, понтификом, префектом города, консулом. Несмотря на свои языческие симпатии, он пользовался расположением и христианских императоров. Современники считали его Цицероном своего времени, и даже идейный противник Симмаха — Пруденций назвал его «украшением римского красноречия, которому уступит и сам Цицерон» («Против Симмаха», I, 633).

Симмах вошел в историю литературы как оратор, однако речей его почти не сохранилось, если не считать нескольких незначительных отрывков и трех, также неполных, панегириков императорам Валентиниану и Грациану, льстивых и напыщенных. Эти отрывки, разумеется, не дают представления о Симмахе как об ораторе. Гораздо более интересна с этой точки зрения его знаменитая реляция об алтаре Победы («*relatio de ara victoriae*»), помещенная в книге X его сборника писем. Реляция показывает подлинный ораторский талант Симмаха; согретая искренним чувством, она лишена чрезмерной сухости, свойственной большинству его писем и излишней напыщенности его панегириков, — и ярко характеризует Симмаха, как страстного приверженца старых традиций и старой религии.

Помимо упомянутых выше отрывков из речей до нас дошел также большой сборник писем Симмаха, которые собрал и издал после смерти Симмаха его сын Меммий Симмах. Письма разделены на десять книг, как и письма Плиния Младшего, которого Симмах избрал своим образцом по стилю и форме. Как и у Плиния, десятая книга составлена из реляций к императорам.

Среди адресатов Симмаха — влиятельные и знаменитые люди в империи: епископ Амвросий, историк Никомех Флавий, философ Претекстат, поэт Авсоний. Тематика писем не слишком разнообразна: это сообщения о поездках по Италии из одной собственной виллы в другую; заботы о воспитании детей (письма к сыну, дочери, зятю); литературные впечатления; утешение в несчастьях (письма к Флавиану). В переписке с Авсонием легче всего проследить наиболее характерные черты эпистографии Симмаха: незначительность содержания большинства писем; тщательная забота о форме, рождающая суховатость и манерность выражения; частые повторения. Язык Симмаха для того времени достаточно чист, варваризмов немного.

Хотя письма Симмаха дают нам меньше сведений о его эпохе, чем письма Плиния или Фронтонa, однако, являясь сами по себе документами времени, они представляют для нас определенный интерес.

ПЕРЕПИСКА С АВСОНИЕМ

КНИГА I

Письмо 14

СИММАХ — АВСОНИЮ¹

Ты просишь у меня писем подлиннее. Вот доказательство истинной любви. Однако я, сознавая бедность своего ума, предпочитаю скорее приучать себя к лаконической краткости, чем выставлять напоказ скудость своего лепета. И неудивительно, если стала иссякать жила моего красноречия: уже очень давно не питалась она чтением твоих томов прозы или поэзии. Как же можно требовать больших процентов с моего красноречия, когда ты не дал под него никакой литературной ссуды?

Твоя «Мозелла», которую ты обессмертил божественными стихами, порхает по рукам и в складках tog многих людей, но перед моими глазами она лишь промелькнула. Почему, скажи мне, прошу тебя, ты захотел лишить меня этой книги? Или я показался тебе невеждой, неспособным ее оценить? Или, может быть, недоброжелателем, который не умеет хвалить? И, таким образом, ты совершенно отказал мне либо в уме, либо в характере. Но я, вопреки твоему запрещению, скоро доберусь до тайн этого сочинения. Я хотел бы промолчать о том, что я о нем думаю, хотел бы наказывать тебя справедливым молчанием, но восхищение перед этим произведением разбивает чувство обиды. Действительно, прежде, когда я следовал за знаменами бессмертных императоров², я знал эту реку, похожую на многие другие и уступающую очень многим. Теперь же, неожиданно, благодаря блестящим стихам, она предстала перед нами более бурной, чем египетский Нил, холоднее, чем скифский Танаис и прозрачнее нашей отечественной реки. Я ни за что не поверил бы тому, что ты рассказываешь о возникновении и течении Мозеллы, если бы не знал наверняка, что ты никогда не обманываешь, даже в стихах. Где открыл ты эти стаи речных рыб, названия которых так же различны, как их окраска, и которые отличаются друг от друга величиной и вкусом? Что приготовил ты сверх этих даров природы из тонких снадобий своей поэзии?

За твоим столом, куда ты меня часто приглашал, я дивился большей частью другой еде, которой угощали тогда в претории, и никогда не замечал этого рода рыб. Когда же эти рыбы, которых никогда не было на блюдах, появились в твоей книге? Ты думаешь, что я шутник и занимаюсь болтовней. Пусть боги помогут мне заслужить одобрение повелителей — я ставлю твою поэму наравне с

книгами Вергилия. И я продолжаю настойчиво хвалить ее, чтобы не было добавлено к твоей славе, что я восхищаюсь тобой, огорченный болью. Пусть, распространяя свои тома, ты и впредь будешь исключать меня,— я же никогда не перестану наслаждаться твоими произведениями, довольствуясь любезностью других. Прощай.

Письмо 16

СИММАХ — АВСОНИУ

Часто сознание нашего с тобой единодушия побуждает меня писать тебе тотчас же, как только я получу от тебя письмо, которое ты послал ко мне с нежной заботливостью; я считаю своим долгом отвечать на каждое немедленно, как только оно мне вручено: ни цель моего ответа, ни взаимные обязательства нашей любви не позволяют мне медлить дольше.

Вот и теперь я также спешу выразить тебе благодарность и признательность за то, что ты не позволил себе оставить меня в неведении относительно счастливой новости. Об этом и о других вещах я уже говорил тебе в предыдущем письме. И если письмоноscopy уже сделали тебя владельцем этого письма, они не слишком утяжелили уже имеющуюся у тебя грудь, так как я предпочитаю оглушать твои уши повторением одного и того же, чем молча избегать делать в полной мере то, что следует.

Я в восторге от чести, оказанной моему брату Гесперию³, но его молчание больно ранит меня. Действительно, если он убедился на опыте в моей любви к нему, ему следовало бы предупредить меня письмом о своей славе: неопределенность слухов лишала мою радость твердой уверенности. Он сам должен был стать вестником нашего общего счастья, чтобы его письмо не оставило никаких сомнений в моих мыслях. Ты говоришь, что его удержала скромность, желание избежать похвалы собственными успехами. Но разве стыдно говорить о себе самому себе?

Так почему же он не пожелал сообщить мне то, что, как он знал, по справедливости касается нас обоих? Впрочем, я умолкаю об этом так же охотно, как только что настойчиво жаловался: я не хочу, чтобы моя любовь к тебе ни умалчивала о своих горестях, ни разбивала дружбу чрезмерными жалобами. Прощай.

Письмо 18

СИММАХ — АВСОНИУ⁴

Даже если бы я мог беспрерывно прославлять тебя в письмах, мне не показалось бы, что я в достаточной мере исполняю свой долг, поскольку твои достоинства заслуживают большего. Я еще немало не могу упрекнуть тебя в том, что ты недостаточно воз-

награждаешь меня за мое постоянство. Но ты должен поддержать мое усердие соответствующей благосклонностью — этого требует и моя почтительность и твоя доброта.

Обрати внимание на то, к чему клонят мои слова: ты уже давно ничего не посылал нам читать. Заботы префекта претория, скажешь ты, захватили тебя всего целиком. Это правда, ты по заслугам владеешь высшей судебной властью. Но высокая должность — не обуза для еще более высоких сил твоего ума. Поэтому займись также и такими делами, которые не только не приносят никакой усталости занятым людям, но, напротив, часто освобождают их от нее. Прощай.

Письмо 20

СИММАХ — АВСОНИУ ⁵

Прекрасно и мудро, по своему обыкновению, поступали наши предки, когда объединяли при постройке два храма — Чести и Доблести — в один. Они предугадали то, что мы видим в тебе: где доблестные заслуги, там и почетные награды. Но, конечно, возле этих храмов обращает на себя внимание и святилище муз и их священный источник, так как занятие литературой часто расчищает дорогу к государственной должности ⁶. То, что было установлено нашими отцами, получает подкрепление в твоём консульате; серьёзностью характера и блестящим образованием ты снискал себе почести курульного кресла. Многие и впредь будут стремиться к прекрасным искусствам, к истинной славе, к настоящей литературе, но вряд ли кому-нибудь посчастливится встретить либо такого способного ученика, либо должника с такой хорошей памятью. Нам неизвестно, что тот самый Александр Великий, счастливая судьба которого превзошла ожидания, ничего не сделал для своего стагирита ⁷, а единственный подарок Квинту Эннию — хламида, захваченная вместе с другой военной добычей у этолийцев, бросает тень на Фульвия ⁸. И ведь ничего не заплатили за щедрое обучение ни Африканец Второй — Панетию, ни Рутилий — Опиллию, ни Пирр — Кинею, ни Митридат Понтийский — своему Метродору ⁹.

А теперь наш, в высшей степени образованный император, не жалеющий ни денег, ни почестей, вознаградил тебя с лихвой, заплатил тебе сторицею, выше всяких норм.

Я не знаю, какими словами объяснить тебе, что, несмотря на мою огромную радость, я не могу сейчас быть возле тебя. Я очень боюсь, что ты дурно истолкуешь мои извинения и не поверишь, как искренне я тебя поздравляю. Я хотел внезапно появиться перед твоими глазами, но, обессиленный долгой болезнью, должен был отказать от этого, боясь длинных переездов и тягостных привалов, приближения зимних холодов и коротких дней, а также других

дорожных неудобств, чреватых опасностью для моего здоровья. Если тебе известно мое сердце, будь справедлив ко мне, прошу тебя, и прими эти оправдания с доброй душой. Хорошо, если мне удастся в будущем сохранить твое прежнее милостивое ко мне отношение; сейчас же мне достаточно избежать твоего неудовольствия.

Письмо 23

СИММАХ — АВСОНИЮ

После твоего долгого молчания я, чем больше ждал, тем больше надеялся получить от тебя длинное письмо: ведь повороты человеческой судьбы так неожиданны, что за недостатком часто приходит изобилие. Однако напрасно я так думал, ибо только что дошла до моих рук посланная тобой короткая страничка. Она была, правда, посыпана аттической солью и надушена тимьяном¹⁰, но очень слабо, скорее для того, чтобы слегка умерить мое недовольство, чем утолить мой голод. Что делать? Всякий раз, когда я прошу у тебя царских блюд, пышной трапезы, общественного пира, ты преподносишь мне невкусную еду, жалкие лакомства на кончике копья. Вспомни, что говорят греки по этому поводу: «Хотя слабая пища и предохранит нас от смерти, однако никогда не разовьет у нас крепкого здоровья». Ты, наверно, думаешь, что я хочу обойти молчанием твои занятия? Ты — квестор¹¹, я помню; участник царского совета, знаю; разбираешь ходатайства, учреждаешь законы, припоминаю; прибавь к этому еще тысячу других дел. Но ведь никогда не было так, чтобы работа ослабила твой ум, заботы повлияли на твое добродушие, а твое красноречие иссякло от частого употребления!

Ну, а если уж ты никогда не разнообразишь отдыхом свои дневные занятия, то, конечно, ни за что не поступишься своим предрассветным сном, чтобы уделить какое-то время дружеским обязанностям. Не кажется ли тебе подходящим к данному случаю один пример из комика, где он говорит: «что это за обычай — заниматься со своими друзьями даже ночью?»

Но что же это я, несчастный, все болтаю и болтаю? Мне следует взять за образец твое последнее письмо, как и многое другое в твоем характере: пожалуй, именно из-за множества дел ты отказываешься писать длинные письма. И я догадываюсь, что это правильно. Я ведь понимаю, как тебе не хочется много читать, если у тебя едва есть время продиктовать несколько слов.

Истинное счастье доставило мне твое ученое послание, которое я получил в Капуе: в нем было радушие, одобренное цинцероновским медом, и, не столько справедливая, сколько соблазнительная похвала моему языку. И я никак не могу решить, чем мне следует больше восхищаться: высокими качествами твоего стиля или высокими достоинствами твоего сердца. В самом деле, ты настолько превосходишь других в красноречии, что страшно писать тебе ответ; но в то же время ты выражаешь нам одобрение с такой щедростью, что не хотелось бы молчать. Если я буду хвалить тебя больше, чем ты меня, может показаться, что я просто ласкаю тебе слух в ответ на твою ласку и скорее подражаю твоим словам, чем оцениваю твою речь по достоинству. И вместе с тем, так как ты ничего не делаешь напоказ, приходится остерегаться хвалить твои подлинные качества, словно они поддельные. Однако узнай от меня одну несомненную истину: нет никого из смертных, кто был бы любим мною больше, чем ты, — такой любовью ты приковал меня к себе.

Но ты уж чересчур скромничаешь, упрекая меня в том, что я выдал всем тайну о существовании твоей книги. Ведь легче держать во рту горящие угли, чем умолчать об этом блестящем произведении, а раз ты уже выпустил поэму из своих рук — ты потерял на нее право. После того, как речь опубликована, она свободна. Или ты боишься яда завистливого читателя, который будет жалить твою книгу дерзкими укусами? Сейчас ты один ничего не приобретишь от благожелательности и ничего не потеряешь из-за зависти. Каждый человек — хороший он или плохой, по доброй воле или против воли — должен хвалить тебя. И поэтому оставь неразумный страх, дай волю перу, чтобы почаще издавать. Во всяком случае, напиши какую-нибудь нравоучительную или увещательную поэму в наш адрес. Создай опасность для моего молчания: хотя я и очень хочу осуществить его по отношению к тебе, однако ручаться за него не осмеливаюсь.

Я знаю, что это за нестерпимый зуд — желание издать произведение, которое одобрено. А тот, кто первый повторит чужие, хорошо сказанные слова, таким образом присоединяется к похвале. Поэтому в театре высшая слава достается авторам комедий, но у Росция, Амбивия и других актеров также нет недостатка в славе. Следовательно, искупай свой досуг трудами и новыми книгами помоги нам справиться с голодом. А если ты, избегая хвастовства, опасаясь моей нескромной болтовни, соблюдай молчание по отношению ко мне, чтобы я совершенно безопасно мог выдавать за свое то, что написал ты. Прощай.

Письмо 32
АВСОНИЙ — СИММАХУ

Я понимаю теперь, сколь сладки могут быть слова и сколь обольстительно, сколь убедительно красноречие. Ты вполне уверил меня в том, что мое письмо, полученное тобой в Капуе, — сочинение не совершенного невежды. Но это убеждение сохраняется у меня лишь в то время, пока я читаю твое письмо: оно постоянно влечет меня к себе, прельщая ласковой лестью, которой оно пропитано, словно соком нектара. Действительно, как только я кладу эту бумагу и обращаюсь к самому себе, так моя полынь ударяет мне в нос, и я понимаю, что лишь края моей чаши обмазаны твоим медом. Если же я возвращаюсь к твоему письму, — а это я делаю часто — я опять под его очарованием. И опять это сладчайшее, это благовоннейшее дыхание твоей речи исчезает, как только я заканчиваю чтение, и сила реальности не дает сохраниться приятному впечатлению. Оно для меня как отсвет золотого листа в воздухе или как красивое облако, которое радует, лишь пока на него смотришь. Я — как хамелеон, который заимствует свою окраску у близких к нему предметов: твое письмо заставляет меня чувствовать одно, а мое сознание говорит мне совсем другое. А ты еще даришь меня похвалой, которой достойны лишь самые красноречивейшие из смертных. Ты, стоящий выше всех людских похвал, отваживаешься считать меня достойным ее.

Разве имеет кто-нибудь столько блеска, чтобы не померкнуть в сравнении с тобой? Кто близок так, как ты, и к простоте Эзопа и к софизмам Исократа, и к рассудительности Демосфена, или к изобилию Цицерона и особенной славе нашего Марона? Кто сумел достичь одного из этих качеств, которые ты соединил в себе все? В самом деле, что же ты иное, как не совершенное воплощение гения всех прекрасных искусств? И я не боюсь, мой господин, мой сын Симмах, что в этих моих словах к тебе, может быть, увидят больше лести, чем правды.

Ты испытал искренность моих чувств и слов, пока мы оба жили при дворе. Мы были разного возраста: когда ты, новобранец, уже удостоился наград старого солдата, я, ветеран, еще только начинал учение. При дворе я был чистосердечен по отношению к тебе; не думаешь же ты, что я, находясь вне его, сочиняю сказки. При дворе, повторяю, где человек открывает свое лицо и скрывает свои мысли, ты чувствовал, что я был тебе и отцом, и другом и, может быть, еще более дорогим человеком, если только есть имена дороже этих. Но оставим это, а то как бы эти напоминания не вызвали у тебя опасений Сосии¹².

Теперь другое, о чем я чуть не забыл: каково же должно быть твое доброе расположение ко мне, если ты просишь меня прислать тебе несколько моих учебных книжонок или увещательных речей! Это мне-то тебя учить, когда самому в пору было бы еще учить-

ся, если б только возраст подходил для учебы! Это мне-то давать советы тебе, деятельному и полному сил! Ведь это то же самое, что учить муз — петь, море — плескаться, ветер — дуть, огонь — гореть. Словом, это все равно, что действовать в качестве ненужного помощника природы, которая совершает свою работу даже вопреки нам.

Достаточно одной ошибки, которая обнаружила некоторые из моих попыток и которая, по счастью, попала в руки друзей. Ибо если это случилось бы иначе, ты никогда не убедил бы меня, что я могу нравиться. Вот ответ на твое письмо. Что же касается остального, о чем ты страстно желаешь знать, я удовлетворю тебя более коротким путем: письма уже и так длинно. Я посылаю к тебе Юлиана, слугу нашего дома, на тот случай, если ты сочтешь нужным расспросить его обо мне. Одновременно прошу тебя, как только ты узнаешь причину его прихода, помочь его усилиям, которым ты уже отчасти благоприятствовал. Прощай.

ПИСЬМА К РАЗНЫМ ЛИЦАМ¹³

КНИГА IX

Письмо 147

По обычаю и порядку, установленному предками, наша коллегия верховных жрецов провела недавно расследование в Альбе, которое уличило в преступной связи первую жрицу Весты. Содеянное совершенно очевидно, оно засвидетельствовано как признаниями той, что забыла священный стыд, так и признаниями Максима, с которым она совершила этот ужасный проступок.

Остается лишь проявить законную строгость по отношению к тем, кто гнусным преступлением осквернил общественный обряд: описание этого дела с недавних пор хранится у тебя.

Поэтому, принимая во внимание благо государства и его законы, соизволь достойным образом покарать преступление, которое на протяжении многих веков вплоть до наших дней наказывалось самым строгим образом. Прощай.

Письмо 148

Относительно прошлогоднего дела о первой весталке, служительнице альбанского храма, осужденной нашей коллегией, было доложено нашему брату, славнейшему и благороднейшему мужу — префекту города. Но так как дело это письменным указом было признано несомненным и виновница подобного преступления не смеет переступить стены вечного города, а сам префект не может отлучиться из Рима на долгое время, тогда как преступление должно

быть наказано в том месте, где оно совершено, то мы пришли к следующему выводу: необходимо собрать местные власти и пригласить того, кому поручено ведение юридических дел в провинции, чтобы по отношению к первой жрице, осквернившей таинство целомудрия, и к ее соратителю Максиму, который не отказался от позорного дела, была проявлена строгость, всегда применяемая к таким преступлениям. Итак, по рассмотрении признаний, которые раскрывают нам трагедию этого нечестивого преступления, соизволь жестоко покарать виновных за обиду, нанесенную целомудреннейшему веку.

ПРИМЕЧАНИЯ

ДИОН ХРИСОСТОМ (ЗЛАТОУСТ)

РЕЧЬ 18. ОБ УПРАЖНЕНИИ В ИСКУССТВЕ РЕЧИ

Адресат этой речи Дионом не указан; ученые высказывали самые различные предположения: несомненно, однако, что советы Диона обращены к какому-то крупному магистрату, не получившему в свое время систематического образования, но достигшему высокого поста, который требовал от него ораторских выступлений. Весь круг произведений, рекомендуемых Дионом, относится к греческой литературе, о римских ораторах и историках он не упоминает; не называет он также ни одного чисто философского сочинения, из чего, пожалуй, можно заключить, что эта речь относится к периоду до изгнания его с родины, когда Дион преподавал риторику и еще не увлекся кинической философией.

¹ По всей вероятности, Дион подразумевает Солона (см. Плутарх, «Солон», 31).

² Ссылка на Платона: в диалоге «Федр» (242 с) Сократ говорит: «Я же и предсказатель, но не слишком искусный, ...а лишь настолько, насколько это нужно мне самому».

³ Ироническое замечание Диона относится, очевидно, к архаизаторам-аттицистам.

⁴ Феопомп и Эфор — историки IV в. до н. э., ученики Исократ. Их труды до нас не дошли.

⁵ Демосфен, Лисий, Гиперид, Эсхин и Ликург — ораторы IV в. до н. э., включенные в так называемый «канон» десяти аттических ораторов.

⁶ По-видимому, Дион подразумевает здесь Антипатра Дамасского, оратора I в. до н. э.; Феодор Гадарский, Плутон и Конон — ораторы конца I в. до н. э. — начала I в. н. э. Учеником первого был римский император Тиберий.

РЕЧЬ 9. О СОСТЯЗАНИЯХ

¹ Диоген, знаменитый философ-киник IV в. до н. э., обычно проводил лето в Коринфе, зиму — в Афинах.

² По-гречески — игра слов: «киникос» в буквальном значении — «собачий», в переносном — «приверженец кинической философии». Последнее значение возникло как прозвище учеников философа Антисфена, учившего в местечке Киносарг («Собачий отдых»).

³ Крапей — название гимнасия в Коринфе.

⁴ Массилия — область в северной Африке, на территории современного Алжира. Борисфен — нижнее течение Днепра.

⁵ «Одиссея», XVIII, 346—394; XXI, 285—310.

⁶ «Илиада», XXII, 131—201.

⁷ Миф о превращении фракийского царя Терея в удода, а его свояченицы Филомелы (по другому варианту — его жены Прокны) в соловья см.: Овидий, «Метаморфозы», VI, 424—679; Аристофан, «Птицы», 16, 17, 203—222.

РЕЧЬ 10. ДИОГЕН, ИЛИ О СЛУГАХ

¹ См. Дион Хрисостом, речь 9, примеч. 1.

РЕЧЬ 12. ОЛИМПИЙСКАЯ

¹ Перечисляются крупнейшие художники и скульпторы V в. до н. э. Фидий — знаменитый скульптор, уроженец Афин, создатель статуй Афины в Парфеноне и Зевса в Олимпии. Алкамен — его ученик. Скульптор Поликлет, уроженец Сикиона, работал в Аргосе. Аглафон и Полигнот — живописцы, отец и сын. Зевксид — крупнейший художник следующего поколения (конец V — начало IV в. до н. э.).

² Хорег — отдельный гражданин или городская община, финансирующая постановку драмы, в особенности — набор, содержание и обучение хора.

³ Подразумевается статуя Зевса в Олимпии.

⁴ «Одиссея», IV, 221.

⁵ Ифит, правитель Элиды, вместе с Ликургом, спартанским царем и законодателем, после долгого перерыва возобновил устройство олимпийских игр (Павсаний, V, 8, 5); впрочем, по мнению Ксенофонта, Ликург жил много раньше Ифита.

⁶ Дион подразумевает под «мастером» Гомера.

⁷ «Илиада», I, 493—532.

⁸ «Илиада», II, 478.

⁹ Дион говорит о том, что события, которые не могли быть наглядно представлены на сцене, излагались трагиками в речах «вестников».

¹⁰ «Илиада», XX, 248—249.

¹¹ Геродот, I, 8: «Люди доверяют ушам меньше, чем глазам».

¹² «Илиада», IV, 443.

¹³ Статуи Зевса в Олимпии и Афины в Парфеноне находились внутри храма, и скульптор должен был считаться с пропорциями здания.

¹⁴ «Илиада», XXII, 209—215.

¹⁵ Пиндар, фрагм. 57.

¹⁶ «Илиада», XVII, 474—475.

ЭЛИЙ АРИСТИД

РЕЧЬ 29. О ТОМ, ЧТО КОМЕДИИ НЕ СЛЕДУЕТ СТАВИТЬ НА СЦЕНЕ

Номер речи по изданию Б. Кейля; в более старых изданиях она имеет № 40.

¹ Дионисии были одними из самых почитаемых в Смирне праздников.

² В эпоху Римской империи атлетические игры вошли в обычай; до этого состязания атлетов были эпизодическими. Первое состязание атлетов, пригласенных из Греции, произошло в Риме в 186 г. до н. э.

³ Парабаза — хоровая лирическая часть древней комедии, следовавшая за экспозицией пьесы. В этой части действие комедии прерывалось, хор поворачивался лицом к публике и обращался к ней от имени поэта. Содержание парабазы было совершенно не связано с сюжетом пьесы и часто носило обличительный характер.

ЮЛИАН

К СОВЕТУ И НАРОДУ АФИНСКОМУ

¹ В 478 г. до н. э., после измены спартанского царя Павсания, Афины взяли на себя руководство общегреческим флотом и заняли главенствующее положение среди членов заключенного в этом же году Делосского морского союза. Устав союза был составлен Аристидом.

² Дейока — основатель мидийского государства. Геродот приписывает ему объединение мидийских племен и учреждение судопроизводства (I, 97). Абарис — легендарный гипорбореец, считавшийся строителем храма в Спарте в честь Девы-Спасительницы (Павсаний, III, 2). Анахарсис — легендарный скиф, один из семи мудрецов, убитый своим братом за попытку ввести среди скифов греческую религию (Геродот, IV, 76). Рассказ о его беседах с Солоном см.: «Плутарх», «Солон», 5.

³ См. Плутарх, «Фемистокл», 20.

⁴ Т. е. Афиной.

⁵ Константин и Юлий Констанций, отец Юлиана, были сыновьями Констанция Хлора.

⁶ Имеется в виду Далмаций I, который был убит вместе с сыновьями Ганнибалианом и Цезарем Далмацием.

⁷ Детские годы (шесть лет) Юлиан провел в уединенном замке Мацеллум (в Каппадокии) под строгим надзором.

⁸ В Милане.

⁹ Т. е. Галла, который был женат на Констанции, сестре Констанция.

¹⁰ Имеется в виду дочь Юлия Констанция.

¹¹ Юлиан жалуется на строгий надзор, под которым он находился во время его пребывания при дворе в Милане.

¹² Древнее название Милана.

¹³ См. Платон, «Федон», 62 В-С.

¹⁴ 6 ноября 355 г.

¹⁵ Африканец Евгемер, которого он взял с собой впоследствии в Галлию.

¹⁶ Речь идет о язычнике Орибасии.

¹⁷ При Аргенторате (ныне Страсбург) Юлиан одержал большую победу в августе 357 г. Более известное название горы Барсег — Воса.

¹⁸ Констанций заключил Хнодомара в тюрьму в Риме, а затем казнил (Аммиан Марцеллин, XVI, 12, 66).

¹⁹ Клады, народ племени свевов, жили к северу от Дуная, на территории теперешней Чехии и Моравии. Сарматы жили на запад от Вислы, вдоль Истра (нижней части Дуная).

²⁰ Флорентий, префект Галлии, сторонник Констанция.

²¹ Салии — племя франков, которое впервые встречается на Батавском острове при городе Токсандрии. Хамабы — германский народ, живший между Эмсом и Зейдер-зее.

²² Елены, сестры Констанция.

²³ «Одиссея», III, 173.

²⁴ Бригантий (ныне Брегенц) — город в Цизальпинской Галлии.

²⁵ Тавр — префект претория в Италии, верный сторонник Констанция.

²⁶ «Для разумного мужа — ужасное несчастье» — слова Демосфена («I Олифская речь», § 27).

ЛИБАНИЙ

РЕЧЬ 35. К ТЕМ, КТО НЕ ХОЧЕТ ВЫСТУПАТЬ С РЕЧАМИ

¹ Сфенел — один из героев «Илиады». Однажды предводитель ахейцев Агамемнон стал порицать его и Диомеда за то, что они славой и доблестью будто бы уступают своим отцам. Диомед не возразил Агамемнону ни слова, а Сфенел ответил и за себя и за Диомеда: «Мы справедливо гордимся, что наших отцов мы храбрее» («Илиада, IV, 405 и сл.).

РЕЧЬ 25. О РАБСТВЕ

¹ Еврипид, «Гекуба», 683 сл. Гекаба, или Гекуба, жена троянского царя Приама. Ее сын Полидор был умерщвлен фракийским царем Полиместором, которому Приам отдал его на воспитание. Гекуба, желая отомстить Полиместору, обратилась за помощью к Агамемнону, но тот отказал ей. Тогда Гекуба своими руками убила двух сыновей Полиместора, а его самого ослепила.

² Писа — город в Олимпии (Элида), где происходили знаменитые олимпийские игры.

³ Писистратиды — Гиппий и Гиппарх, сыновья и наследники афинского тирана Писистрата (VI в. до н. э.) Их правление отличалось жестокостью и несправедливостью; Гиппий был убит в результате заговора, а Гиппарха свергли спартанцы при помощи афинских изгнанников.

⁴ Двенадцать богов — боги-покровители, составлявшие совет Юпитера и поддерживавшие мировой порядок.

⁵ Пифос — большой глиняный сосуд, бочка.

⁶ Т. е. Одиссея.

РЕЧЬ 60. МОНОДИЯ НА ХРАМ АПОЛЛОНА В ДАФНЕ

¹ Дафна — предместье Антиохии, где находился замечательный храм Аполлона и Артемиды, имевший право убежища; около него совершались также игры. В 362 г. н. э. храм сгорел.

² Царь персов — Артаксеркс IV, основатель новоперсидского царства и родоначальник персидской династии Сассанидов (III в. н. э.). Достигнув юношеского возраста, сверг парфянского царя, уничтожил его царство и покорил соседние народы. Впоследствии напал на римские владения. С его правнуком, Сапуром II, воевали римские императоры Констанций и Юлиан (около 360 г. н. э.).

³ С именем лидийского владетеля Креза (VI в. до н. э.) связано несколько легенд. Согласно одной из них, Крез, потерпев поражение от персидского царя Кира Старшего, не мог вынести позора и решил покончить с собой. Вместе с женой и дочерьми он взобрал на сооруженный по его приказу костер, однако, когда вспыхнуло пламя, Зевс послал черную тучу, чтобы погасить огонь, Крез же вместе с семьей был отнесен Аполлоном в страну гипербореев.

⁴ «Илиада», I, 43—49.

ДЕКЛАМАЦИЯ 60

УГРЮМЫЙ ВОРЧУН, ЖЕНИВШИЙСЯ НА БОЛТЛИВОЙ ЖЕНЩИНЕ,
ПОДАЕТ В СУД НА САМОГО СЕБЯ И ПРОСИТ СМЕРТИ

¹ В нескольких декламациях, носящих юмористический характер, Либаний пользуется следующей вымышленной ситуацией: человек, по той или иной причине недовольный своей судьбой и решивший покончить расчеты с жизнью, подает в суд просьбу разрешить ему умереть, просит дать ему яд и излагает перед судьями и согражданами мотивы своего решения; в случае самоубийства он лишается почетного погребения, очевидно, за то, что лишил государство гражданина. О таком законе в Афинах ничего неизвестно.

² По мифу, в петуха был превращен Алектрион за то, что он не предупредил влюбленных Афродиту и Ареса о приближении Солица, которое выследило их и открыло им приют ревнивому Гефесту.

³ Таксиарх — начальник отряда пехоты; филарх — начальник отряда конницы; триерарх — командир триеры (военного корабля с тремя рядами гребцов).

⁴ Неточный намек на миф о Терее и его свояченице Филомеле, у которой Терей, обесчестив ее, отрезал язык.

ФЕМИСТИЙ

РЕЧЬ 27. О ТОМ, ЧТО СЛЕДУЕТ ЦЕНИТЬ НЕ ГОРОДА, А ЛЮДЕЙ

¹ В эллинистическую эпоху Гермес считался как бог мудрости и покровитель красноречия.

² Темискира — равнина близ Понта, между реками Иридом и Термодонтом, изоблававшая водою и пастбищами. Близ устья Термодонта находился город того же названия (столица амазонок). В эпоху Августа город прекратил свое существование.

³ Коринна — греческая поэтесса VI в. до н. э., родом из Беотии; Пиндар и Гесиод также родились в Беотии. Анахарсис — см. Юлиан «К совету и народу афинскому», примеч. 2.

⁴ Имеется в виду не остров Саламин близ Аттики, а большой укрепленный город на восточном берегу Кипра, основанный, по преданию, Тевкром, сыном Таламона. Полководец, восхваляемый Гомером, уроженец Саламина, — Аянт. «Вождь из Микен» — Агамемнон. «Вырос во Фтии» — Ахилл.

⁵ Т. е. Одиссея.

⁶ Т. е. Нестора.

⁷ Пирсена — замечательный источник в Коринфе. По преданию, он был из земель на том месте, где Беллерофонт укротил знаменитого Пегаса. Арестуса — название многочисленных источников: на острове Ортигии, на Итаке, на Эвбее, близ Фив в Беотии, около Аргоса в Пелопоннесе, в Эянде — у низовьев Алфея.

⁸ Япет — титан, сын Урана и Гея, отец Прометея и Эпиметея.

⁹ Т. е. оливу.

¹⁰ Т. е. Ксерксу (см. Элиан, «Пестрые истории», II, 14).

¹¹ На острове Эя спутники Одиссея попали к волшебнице Кирке, которая, вкусно угостив их, отняла у них память о родине и превратила в свиней. Когда Одиссей отправился на поиски товарищей, то на пути ему явился Гермес и дал корень чудодейственного растения, предохраняющего от чар Кирки (см. «Одиссея», X, 282—349).

¹² «Одиссея», X, 304.

ГИМЕРИЙ

РЕЧЬ 12. ПЕРЕД НАЧАЛОМ ЗАНЯТИЙ

¹ См. Фемистий, речь 27, примеч. 1.

² Евримедонт — судоходная река в Памфилии, на южном берегу Малой Азии; знаменита победой Кимона в 469 г. до н. э.: в битве на этой реке он разбил в один день морские и сухопутные силы персов.

РЕЧЬ 24. О ТОМ, ЧТО НАДО ПОСТОЯННО УПРАЖНЯТЬСЯ В РЕЧАХ

¹ Господ, «Труды и дни», ст. 412.

² Созвездие Плеяд бывает видно летом; таким образом, слова «раньше, чем зайдут Плеяды» означают «до наступления осени», а слова «когда они снова взойдут» указывают на весну.

РЕЧЬ 17. О ПОЛЬЗЕ УПРАЖНЕНИЙ

¹ Герой Итаки — Одиссей. Страна феаков, Схерия лежала к северу от Итаки, древние отождествляли ее с островом Керкирой. О пребывании Одиссея в стране феаков см.: «Одиссея», VI—VIII, о его расправе с женихами — «Одиссея», XXII.

ЭКЛОГА 17. ПО ПОВОДУ БЕСПОРЯДКОВ, ВОЗНИКШИХ В ШКОЛЕ

¹ Фрагмент сохранился в составе «Библиотеки» Фотия. Фотий — учитель императора Льва VI, константинопольский патриарх (857—867 и 877—886); отличался большими знаниями и ученостью, два его сочинения («Библиотека» и «Алфавитный глоссарий») имеют огромное значение для классической науки: первое содержит описание 280 сочинений, их оценку, критику, нередко выдержки из утраченных ныне оригиналов; второе — словотолкователь к греческим ораторам и историкам, дошедший до нас с позднейшими вставками и пробелами.

РЕЧЬ 18. В ЧЕСТЬ СВОЕГО ДОМА, НЕБОЛЬШОГО И СКРОМНОГО

¹ «Одиссея», VII, 244 сл.

² Демокед (V в. до н. э.), родом из Кротона (южная Италия), в молодости прибыл на остров Эгину, где прославился искусством врачевания, затем — в Афины и оттуда — на остров Самос. Персидский царь Дарий I пригласил его, чтобы вылечить свою больную ногу. Получив богатое вознаграждение за успешное лечение, Демокед возвратился на родину, несмотря на то, что Дарий предлагал сделать его при своем дворе царским врачом.

³ Хоасп — река в Персии, протекает мимо Суз. Вода была очень чиста и прозрачна, и персидские цари всегда возили ее с собой в серебряных сосудах (Геродот, I, 188).

⁴ Гиппоник — имя одного из очень богатых и знатных афинских родов, многие представители которых носили также имя Каллия. Эти два имени постоянно чередовались в роду.

⁵ Книд — главный город дорийского союза в Карии, основное место почитания Афродиты, где находился ее храм и знаменитая статуя работы Праксителя.

АПУЛЕЙ

АПОЛОГИЯ

¹ Таннионий Пудент — адвокат Эмилиана, брата первого мужа жены Апулея Пудентиллы. Эмилиан был одним из главных зачинщиков судебного процесса против Апулея.

² В тексте стихи приведены по-гречески («Илиада», III, 65—66, пер. Н. Гнедича).

³ Зенон — философ элеатской школы (V в. до н. э.), вскрывший противоречия в понятиях множества и движения. «Древним» он назван в отличие от Зенона-стоика (IV—III в. до н. э.). Веллия (Элея) — город на юге Италии.

⁴ Аристид — крупный афинский политический деятель V в. до н. э., признанный консервативными кругами Греции образцом государственного деятеля, откуда прозвище — Справедливый. Фокион — афинский полководец и политик IV в. до н. э., отличавшийся необыкновенной честностью. Эпаминонд — известный фиванский государственный деятель и полководец IV в. до н. э.

⁵ Гай Фабриций Лусций — римский консул III в. н. э., славившийся простотой образа жизни. Маний Курий — римский полководец III в. до н. э., одержавший знаменитую победу над эпирским царем Пирром. Публий Валерий Публикола (конец VI в. до н. э.) — один из инициаторов изгнания последнего римского царя Тарквиния Гордого. В первые годы республики трикратно занимал должность консула. Менений Агриппа — консул 503 г. до н. э., выступивший посредником в борьбе между патрициями и плебеями. Марк Атилий Регул — знаменитый римский полководец во время первой пунической войны (III в. до н. э.) и двукратный консул.

⁶ Клавдий Максим — римский проконсул, управлявший провинцией Африкой в конце II в. н. э. Он был председателем суда на процессе против Апулея.

⁷ Луций Фурий Фил, консул 136 г. до н. э., и Гай Леллий (по прозвищу Мудрый) — консул 140 г. до н. э. — друзья Цициона Эмилиана, разрушителя Карфагена. Красс Богатый — не знаменитый триумвир, а современник Леллия и Цициона — Публий Лициний Красс Дивес (т. е. Богатый) Муциан.

⁸ «Одиссея», I, 57.

⁹ Эя — город на побережье Средиземного моря, ныне Триполи. По пути в Александрию Апулей заболел и вынужден был остановиться в этом городе, где встретился со своим бывшим учеником Понтианом, на матери которого он затем и женился.

¹⁰ Сабрата — город, где происходил суд над Апулеем.

¹¹ Номенклатор — раб, знавший по памяти имена граждан и называвший их своему господину.

¹² Бритый подбородок молодого человека считался во времена Апулея (II в. н. э.) признаком порочности и изнеженности: по моде того времени люди среднего возраста и пожилые — брились, а молодые носили бороду.

¹³ Кальпурниан — личность мало известная, видимо, один из врагов Апулея.

¹⁴ Продавать дым — поговорка, означающая пустые обещания.

¹⁵ О своей ссоре с Понтианом Апулей рассказывает в главе 77, а о раскаянии Понтиана — в главе 94 «Апологии».

¹⁶ Т. е. несовершеннолетнего Сициния Пудента — пасынка Апулея.

¹⁷ Скорее всего, участвовал в пантомиме — очень популярном виде театральных представлений в эпоху империи. Профессия актера считалась тогда позорной и недостойной свободного человека.

¹⁸ Т. е. дадут вексель.

¹⁹ Т. е. знаки, указывающие на человека свободнорожденного и имевшего право быть избранным на общественную должность.

²⁰ Т. е. Руфин.

²¹ Ланиста — хозяин и учитель гладиаторов.

²² Т. е. царем.

²³ Лемуры, по древнеримским верованиям — духи умерших, не находящие себе покоя или вследствие собственной вины, или из-за нанесенного им оскорбления. Маны — первоначально — божества загробного мира в римской религии, позднее — обожествленные души умерших, покровительствующие своему роду. Апулей употребляет в данном случае это слово в его первом значении.

ФЛОРИДЫ

¹ Апулей, как платоник, считает Сократа своим предшественником.

² Плавт, «Грубиян», ст. 489.

³ Сократ, живший в V в. до н. э., не мог знать стихов Плавта (III в. до н. э.), наоборот, «вывернутый наизнанку» стих Плавта соответствует мысли Сократа.

⁴ «Илиада», III, 10—12.

⁵ Марсий — мифический фригийский музыкант, нашедший флейту, брошенную Афиной.

⁶ Вергилий, «Буколики», III, 27.

⁷ Минерва (Афина) считалась изобретательницей флейты.

⁸ По более распространенной версии мифа Марсия судили одни музы, а расправился с ним сам Аполлон.

⁹ Антигенид — знаменитый греческий музыкант конца V — начала IV в. до н. э., уроженец Фив.

¹⁰ Мим — актер, исполнитель мима (пьесы с авантурным сюжетом, бытового или пародийно-сатирического содержания).

¹¹ Римляне обычно одевались в тогу, а греки — в плащ.

¹² Филемон (IV—III вв. до н. э.) — древнегреческий комедиограф, старейший представитель новой аттической комедии (а не средней, как утверждает несколько строками ниже Апулей).

¹³ Прием узнавания был очень характерен для композиции новой аттической комедии; он заключался в том, что встречались два человека, нежданно узнавшие о своей прежней близости.

¹⁴ Котурины — высокая обувь трагических актеров. В данном случае — метафорическое выражение, означающее трагическую возвышенность, приподнятость.

¹⁵ В театре эпохи Империи оркестрой называлась полукруглая ровная площадка между просцениумом, на котором играли актеры, и первым рядом амфитеатра, где располагались зрители.

¹⁶ Эти слова, обращенные к зрителю, были заключительными словами комедии.

¹⁷ Герои комедии, как правило, преодолев все препятствия, вступали в брак.

¹⁸ Протагор. (ок. 480 — ок. 410 гг. до н. э.) — крупнейший из греческих софистов, родом из Абдеры (во Фракии).

¹⁹ Асклепиад, родом из Прусы (в Малой Азии) — известный греческий врач, практиковавший в Риме в I в. до н. э.

²⁰ Грязная одежда была знаком траура.

²¹ Труп осыпали благоуханиями, чтобы отбить запах тления.

²² Диоген Лаэртский (I, 103) вкладывает эти слова в уста мудрому скифу Анахарсису.

²³ Пить неразбавленное вино считалось признаком грубости и неумеренности, поэтому греки обычно на одну часть вина добавляли две части воды.

²⁴ Диалектикой называлось искусство вести спор и находить истину путем раскрытия противоречий в рассуждениях противника.

²⁵ Представление о поэтическом таланте Сократа сложилось, очевидно, под влиянием того поэтического колорита, который придан речам Сократа в платоновских диалогах (ср. Платон, «Федр», 237a — 241c). Эпихарм (ок.

540—448 гг. до н. э.) — греческий комедиограф, один из крупнейших представителей сицилийской комедии. Кратет из Фив — известный философ-киник IV в. до н. э., писал сатиры (пародии), от которых сохранились лишь фрагменты.

²⁶ Т. е. римлян.

ЕВМЕНИЙ

РЕЧЬ О ВОССТАНОВЛЕНИИ ШКОЛЫ ОРАТОРСКОГО ИСКУССТВА В АВГУСТОДУНЕ

¹ Происхождение названия «Менианская школа» не выяснено.

² Кто был «выдающимся наставником» Менианской школы, не известно.

³ О «почтенном старце Главке» более не известно ничего: может быть, это был один из тех «заморских мастеров», о которых Евмений упоминает в гл. 4, или какой-то греческий архитектор, присланный Констанцием Хлором для восстановительных работ в Августодуне.

⁴ Речь идет именно о той области, где лежит Августодун (Аугдунская Галлия, в которой жили эдуи, более всех страдала от нашествий германских племен).

⁵ Евмений говорит здесь, конечно, только о сменявшихся краткосрочных правителях III века. Все императоры II века были покровителями наук и искусств (особенно Адриан и Антонины).

⁶ Ценное сведение о состоянии картографии в позднем Риме.

⁷ Персидское двуречье (в тексте — «реки-близнецы») — Тигр и Евфрат.

⁸ Владыка Констанций — Констанций Хлор; цезарь Максимин — Максимин Галерий, зять Диоклетяна.

АЛКИФРОН

ПИСЬМА

¹ Осхофории — вакхический праздник жатвы, справлявшийся в Афинах в октябре-ноябре; Ленеи — праздник в честь Диониса (в январе — феврале).

² По афинским законам муж мог дать словесно развод жене.

³ Стерийский дем — дем (административный округ) на восточном берегу Аттики.

⁴ «Для рождения законных детей» — отец, отдавая дочь замуж, произносил эти слова.

⁵ Гермения — город в Арголиде.

⁶ Милетские сетки — город Милет в Малой Азии славился своими предметами роскоши.

⁷ «У друзей все общее» — пословица пифагорейского происхождения.

⁸ Малийцы — храброе и воинственное племя в южной Фессалии.

⁹ Кордак — непристойный танец.

¹⁰ «Собака» — намек на философов киинической школы.

¹¹ «Главарь негодяев» — имеется в виду философ Диоген.

¹² Солон и Дракон — первые афинские законодатели VII—VI вв. до н. э.

¹³ Декурии — десяток, группа по десяти.

¹⁴ Сариса — длинное македонское копье.

¹⁵ Коллит — городской дем в южной части Афин.

¹⁶ Рассказ о мизантропе Алеманте, единственном человеке, которого не чуждался Тимон, приводится Плутархом в биографии Антония (70).

¹⁷ Баня в Сарангии — баня на морском побережье Пирея.

¹⁸ Дипилон — «Двойные ворота» — один из ворот в Афинах (в северо-западной части города), выходившие на Керамик.

¹⁹ Пианепсион — вторая половина октября и первая половина ноября.

²⁰ «Золотые слова» — краткая дидактическая поэма в гексаметрах, якобы включающая в себе старинные пифагорейские изречения.

²¹ Диоскуры — сыновья Леды — близнецы Кастор и Поллукс (Поллукс) — считались покровителями гостеприимства. Они спасли Симонида, уведя его из пиршественного зала Кранония, где после ухода Симонида на присутствующих обрушился потолок.

²² Менандр (ок. 343—291 гг. до н. э.) — известнейший представитель новой аттической комедии.

²³ Хремет и Дифил — персонажи комедий Менандра.

²⁴ Гиперид — известный оратор IV в. до н. э.

²⁵ Фрина — знаменитая гетера, родом из Феспий, служившая молебью Праксителю для его известной статуи Афродиты. Ритор Евфий обвинил Фрину в нечестии, Гиперид защищал ее, и она была оправдана.

²⁶ Филемон — древнейший поэт новой аттической комедии III в. до н. э.

²⁷ «Праздник горшков» — на празднике Анфестерий (вторая половина февраля — первая половина марта) в честь Диониса в первый день праздновали пожин нового вина (открытие бочки), во второй день — «праздник кружек», а на третий день — «праздник горшков». В этот день выставляли горшки с вареными овощами в жертву Гермесу и душам умерших.

²⁸ Пситталия — островок близ Саламина.

²⁹ Праздник «цветущих садов» в честь богини Деметры и Персефоны отмечался в Элевсине в декабре — январе.

³⁰ Каллигеней — «производящая на свет прекрасные плоды» — эпитет Деметры.

ФИЛОСТРАТ

ПИСЬМА

¹ Тианиец — Аполлоний Тианский, греческий философ-неопифагореец I в. н. э.

² Дион Хрисостом (Златоуст) (I в. н. э.) — знаменитый философ стоического направления.

³ Брут — Марк Юний Брут (I в. до н. э.), один из вождей заговора против Юния Цезаря. Отличался большими склонностями к занятиям литературой и философией. Написал несколько не дошедших до нас философских трактатов на моральные темы.

⁴ Марк Аврелий, римский император II в. н. э.

⁵ Герод Аттик (103—179) — знаменитый оратор, глава риторской школы в Афинах. См. Филострат Старший, «Жизнеописание софистов», II, 1.

⁶ Тейда, Лайда и Аристагора — греческие гетеры.

⁷ Лисий — знаменитый афинский оратор V в. до н. э. Намек на диалог Платона «Федр», 227c—234b и 243d.

⁸ «Илиада», XIV, 293—329.

⁹ Антиопа, дочь речного бога, родила от Зевса двух близнецов — Амфиона и Зета. Амимона, царская дочь, была любимицей Посейдона, который из любви к ней создал источник, названный ее именем.

¹⁰ Имеется в виду сын афинского царя Тессея Демеофонт, участник Троянской войны; на пути из Трои его прибило морской волной к берегу Фракии. Дочь фракийского царя Филлида стала женой Демеофонта.

¹¹ Адраст, аргосский царь, получил предсказание, что выдаст одну дочь за льва, а другую за кабана. Случилось так, что Тидей, убивший своего дядю, явился в Аргос, неся щит с изображением кабана, а Полиник, бежавший из Фив из-за убийства родного брата, пришел в бурную ночь со щитом, на котором был изображен лев. Адраст принял их и выдал за них своих дочерей.

¹² Ликург — древний спартанский царь, запретивший браки между спартацами и иноземцами.

¹³ Зевс, приняв образ орла, похитил юного красавца Ганимеда и сделал его своим виночерпием.

¹⁴ Эпиктет — какой-то ритор.

¹⁵ В этом письме Флавий Филострат обращается к Юлии Домне, жене императора Септимия Севера (193—211).

¹⁶ Горгий, Гиппий и Протагор — известные софисты V—IV вв. до н. э. Для речи Горгия характерны парадоксы, вступления, обособления, обилие поэтических слов, что придавало ей особую торжественность. Гиппий, напротив, говорил просто и естественно. В своих беседах он касался самых разнообразных предметов (геометрии, музыки, живописи и др.). Протагор был слишком многословен (см. Филострат, «Жизнеописания софистов», I, 2; 10; 11).

¹⁷ Сын Грилла — историк Ксенофонт, современник Платона; Ксенофонт был превосходным стилистом и за красоту и ясность своего слога получил у потомков прозвища «аттической пчелы», «аттической музы».

¹⁸ Софист Продик пользовался большой славой за свои нравоучительные притчи; в одной из них изображалось, как порок и добродетель в обличье женщин беседовали с Гераклом (см. Филострат, «Жизнеописания софистов», введение, 5).

¹⁹ Аспасия — дочь Аксиоха из Милета, поселившись в Афинах, благодаря своему уму и красоте, собрала вокруг себя кружок наиболее образованных и видных людей своего времени. После того, как на ней женился Перикл, ей приписывали влияние на политическую жизнь страны. В 432 г. до н. э. на Аспасию было возведено обвинение, но Перикл своей речью сумел защитить ее.

²⁰ Критий — ученик Сократа и Горгия. В 410 г. до н. э. изгнан из Афин, куда снова вернулся после падения демократии. В 404 г. Критий становится во главе тридцати олигархов и жестоко расправляется со сторонниками демократии, считая, что власть можно удержать только террором. В 403 г. до н. э. Критий погиб в сражении.

²¹ Эсхин — ученик Сократа, автор семи диалогов. Был учителем, писал защитительные речи. Из его произведений почти ничего не сохранилось.

²² Гетера Фаргеллия из Милета была необычайно красива и умна. Фессалийский властитель Антиох женился на ней, и после его смерти она 30 лет управляла Фессалией (VI в. до н. э.).

ЭЛИАН

ПИСЬМА КРЕСТЬЯН

¹ Слово «опора» означает «сбор зрелых плодов, урожай». Далее — игра этим словом.

² Имя рабыни. Рабы часто получали клички по своему происхождению.

³ Т. е. кратко и резко.

⁴ Жители Филы — деревни в северной Аттике.

ЮЛИАН

ПИСЬМА

¹ Константин II (317—361) — христианский император, двоюродный брат Юлиана. Его внезапная смерть ускорила приход Юлиана к власти.

² «сюда», т. е. на Восток; «там» — т. е. в Галлии.

³ Судьбы.

⁴ Гермоген — префект Египта в 328 г., язычник, опасавшийся при жизни Констанция II быть обвиненным в непризнании христианства.

⁵ Георгий — арианский епископ, обладатель очень богатой библиотеки, которая была разграблена после его убийства во время мятежа в Александрии в декабре 361 г.

⁶ Галилеянами Юлиан называет христиан.

⁷ Нотарий — писарь и секретарь.

⁸ Каппадокия — провинция в Азии, где прошло детство Юлиана; по приказанию Констанция II он провел шесть лет в строгом уединении в замке Мацеллум.

⁹ Порфирий — может быть, секретарь Георгия.

¹⁰ Евамений и Фарман — товарищи Юлиана по афинской Академии.

¹¹ Артаба — персидская мера, немного больше медимна.

¹² Об этом Георгии почти ничего неизвестно: по-видимому, он был смотрителем казны в Африке.

¹³ «Одиссея», XVI, 23.

¹⁴ У Юлиана Гермес выступает как покровитель красноречия.

¹⁵ «Одиссея», IX, 19.

¹⁶ Бабрий, басня 107.

¹⁷ Максим Эфесский — философ-неоплатоник IV в. н. э., учитель Юлиана. Став императором, Юлиан пригласил его в Константинополь.

¹⁸ Анакреонт, фрагм. 22 (по Бергку).

¹⁹ Сапфо, фрагм. 126 (по Бергку).

²⁰ Литарбы — теперь Эль-Териб. Халкидика — область в центральной Сирии.

²¹ Т. е. сената Антиохии.

²² Теперь Алеппо. Город в Сирии.

²³ Теперь Тель-Батнан, в 45 км к западу от Бейрут.

²⁴ Пригород Антиохии.

²⁵ Либаний, речь 60 — «Монодия на храм Аполлона в Дафне».

²⁶ Сад Алкиноя — «Одиссея», VII, 112 сл. Садик Лаэрта — «Одиссея», XXIV, 245 сл.

²⁷ Ямблих (ок. 280—330 гг. до н. э.) — знаменитый философ-неоплатоник, основатель сирийской школы неоплатонизма. В своих философских произведениях пытался теоретически восстановить политеизм. Пользовался большим уважением и любовью Юлиана.

²⁸ Т. е. Констанция и Галла.

²⁹ Гираполь — город в центральной Сирии.

³⁰ Саракены — кочевое племя в северной Аравии; согласно Аммиану Марцеллину (XXIII, 3, 8), они предлагали Юлиану заключить с ними союз в войне против персов, но позднее перешли на сторону персов.

ЛИБАНИЙ

ПИСЬМА

¹ Александр — родом из Гелиополя, немного моложе Либания. Отличался вспыльчивостью и грубостью. В 363 г. император Юлиан назначил его правителем Сирии и Киликии.

² Энкомий — первоначально хвалебная песнь в честь победителя на состязаниях; позднее — любое хвалебное сочинение, похвальное слово или стихотворение.

³ Домиций — Модест, ритор IV в. н. э., начал свою деятельность адвокатом. В Антиохии был в весьма близких отношениях с Либанием; покинув этот город, завязал с ним оживленную переписку. Много путешествовал по Месопотамии, Александрии и другим провинциям.

⁴ Имеется в виду персидский царь Сапор.

⁵ Гермоген — родом из провинции Понт, человек мягкого характера; занимался языческой философией, много путешествовал. Во время своего пребывания в Антиохии стал другом Либания.

⁶ Т. е. Юлиана.

⁷ Юлиан был похоронен близ реки Тигр на территории Вавилонии.

⁸ Фемиций — философ и ритор второй половины IV в. н. э. См. отдел «Ораторское искусство».

⁹ Некто Северин, в 363 г. прибыл в Антиохию, откуда направился в Константинополь.

¹⁰ Т. е. Юлиан.

¹¹ Т. е. Никея, пострадавшая от землетрясения.

¹² Т. е. софистам. Слово «аргивянин» было синонимом слова «грек».

¹³ Кратин — представитель древнеаттической комедии (VI—V вв. до н. э.). Самая поздняя его комедия «Винная бочка» одержала победу над «Облаками» Аристофана; в ней автор изображал самого себя, показывая свою слабость к вину. Геракл в комедиях выводился большей частью не как герой, а как обжора.

СИНЕСИЙ

ПИСЬМА

¹ Никандр — философ V в. н. э., друг Синесия в Константинополе.

² Апеллес — знаменитый греческий живописец IV в. до н. э. Лисипп — скульптор, современник Апеллеса.

³ Хрисипп — философ-стоик III в. до н. э. Древние считали его вторым основателем стоической школы, видимо, по той причине, что он придал иное значение учению о нравственности, чем его предшественники Зенон и Клеанф. Как писатель, Хрисипп был очень плодovit. Он написал 705 книг различного содержания, ни одна из которых полностью не сохранилась.

⁴ Полигнот с острова Фасоса — живописец V в. до н. э., получивший в Афинах право гражданства. Первый из художников стал изображать черты лица в движении. Отличался искусством рисовать женщин в прозрачных одеждах.

⁵ Гипатия — дочь математика Феона из Александрии (IV—V вв. н. э.), славилась большими познаниями в области математики, астрономии и философии. Преподавала философию язычникам и христианам, в частности Синесию. Ее красота, добродетель, красноречие и ученость доставляли ей всеобщую любовь и уважение. Но в 415 г. она была зверски убита: фанатичная толпа христиан расправилась с ней по подстрекательству епископа Кирилла.

⁵ Феофил — христианский епископ в Александрии, посвятивший в епископы Синесия.

⁷ Пентаполь — область в Киренаике (северное побережье Африки, на западе от Египта), включавшая пять городов: Кирену, Беренику, Арсиною, Птолемаиду, Аполлонию.

⁸ Олимпий — товарищ Синесия, слушавший вместе с ним лекции Гипатия по философии.

ФРОНТОН

ПИСЬМА

¹ Письмо 5 представляет собой поздравление Фронтон, посланное императору Антонину по случаю годовщины со дня его восшествия на престол. Слова Фронтон о том, что этот день был днем рождения его собственного благополучия и почта — не просто риторический оборот, подсказанный образами лести, но и признание, имеющее под собой реальное основание. Почет и богатство пришли к нему в значительной степени благодаря близости Фронтон к императору.

² Из этого письма, а также из следующего, видно, что Фронтон был назначен проконсулом Азии.

³ Право детей — известные льготы в соискании должностей и в распределении провинций, предоставлявшиеся римлянам, имеющим трех и более детей.

⁴ Аппиан — известный историк. См. ниже его переписку с Фронтоном.

⁵ Секстий Кальпурний Юлиан упоминается в «Дигестах» (XL, 1, 8, рескрипт Антонина Пия к Кальпурнию), в письме Фронтон к Веру (II, 1) и у Капитолина в «Жизнеописании Марка Антонина» (гл. 8). Видимо, это один из учеников Фронтон, которые жили с ним, как, например, два сына Сардия Сатурнина, упоминаемые в письмах Фронтон «К друзьям» (I, 9; I, 10).

⁶ О Фидии см.: Дион Хрисостом, речь 12, примеч. 1. Канах происходил из Сикиона, художественная школа которого славилась изображениями атлетов. Афинянин Каламид был известен изображением лошадей, сикионец Поликлет — изображением человеческого тела; он установил систему пропорций, по которой ваялось тело. Все эти скульпторы работали в V в. до н. э. Паррасий — знаменитый греческий художник из Эфеса (середина IV в. до н. э.) (Известно его состязание с другим знаменитым греческим художником Зевксисом, которого он сумел ввести в заблуждение мастерски нарисованной занавесью); Апеллес — уроженец Коса, прозванный в древности царем художников. Работал в последней трети IV в. до н. э. Особенно знаменита его «Афродита Анадиомена», где богиня была изображена выходящей из воды и отжимающей волосы. Картины Апеллеса отличались необычайной грацией и высокой техникой исполнения; он — один из тех греческих художников (Плиний, XXXV, 50), которые использовали лишь четыре краски (об употреблении красок древними художниками см. Плиний, «Естественная история», XXXV, 30—50). Неалк — художник III в. до н. э., работавший в Египте, при дворе Птолемея III; была известна его картина, изображающая лошадь с пеной у рта и человека, стегавшего ее кнутом. Как художник он не достиг полной естественности исполнения (Плиний, XXXV, 104, 142). Напротив, Протоген, друг и соперник Апеллеса, работавший на Родосе, отличался тонким, художественным исполнением (Плиний, XXXV, 81—83; 101—106); свою самую знаменитую картину — охотник Иалис с собакой — Протоген писал семь лет. Никий — художник второй половины IV в. до н. э., родом из Афин, мастер живописи восковыми красками (энкаустикой); славился также умением изображать животных. Дионисий — художник из Колофона, ближе неизвестный. Евфранор — художник и скульптор из Колофона, работавший в Афинах в 60-е годы IV в. до н. э.; Плиний описывает его картину «Безумие Одиссея» (XXXV, 128—129). Павсий — худож-

ник из Сикиона (вторая половина IV в. до н. э.). Работал восковыми красками; с большим изяществом изображал преимущественно детей и цветы.

⁷ Луцилий (180—102 гг. до н. э.) — латинский поэт-сатирик, принадлежал к кружку Леллия и Сципиона Младшего; основоположник жанра сатиры в римской литературе. Альбуций — римский сатирический поэт, современник Луцилия; стихи его не сохранились. Марк Пакувий (219—132 гг. до н. э.) и Луций Акций (170—94 гг. до н. э.) — римские поэты, считавшиеся классиками римской трагедии; их пьесы — преимущественно переложения из Софокла и Еврипида — не сохранились. Эний (239—184 гг. до н. э.) прославился как автор исторического эпоса «Анналы», но писал также и трагедии, и комедии, и сатиры, и философские, и панегирические стихотворения.

⁸ Квинт Фабий Пиктор (вторая половина III в. до н. э.) — первый римский историк, описавший на греческом языке события со времен Энея до своих дней. Квинт Клавдий Квадригарий (вторая половина II в. до н. э.) — автор римской истории (в 23 книгах) с галльского нашествия и до своих дней; сухой, архаический язык Клавдия, видимо, нравился Фронтому, страстному поклоннику древней литературы. Квинт Валерий Антиат (конец II — начало I в. до н. э.) — автор 75 книг римской истории с первобытных времен до своего времени. Луций Корнелий Сизенна (начало I в. до н. э.) — оратор и историк, приверженец Суллы. Марк Порций Катон, по прозвищу Старший, или Цензор (234—149 гг. до н. э.) — государственный деятель, оратор, историк, писатель-дидактик; его история Рима и Италии в семи книгах носила название «Начала». Для римлян позднего времени, а в особенности для Фронтона, Катон — воплощение древней римской доблести. Луций Целлий Антипатр (вторая половина II в. н. э.) — историк, учитель оратора Л. Красса, автор истории Второй Пунической войны; по свидетельству Цицерона, он один из первых стал заботиться о красоте изложения. Все сочинения этих историков утрачены.

⁹ Гай Семпроний Грах — (153—121 гг. до н. э.) — знаменитый римский политический деятель-демократ и оратор; речь его отличалась необыкновенной страстностью. Лициний Кальв (82—47 гг. до н. э.) — оратор-аттицист и поэт-неотерик, друг Катутла. Туллий — Марк Туллий Цицерон.

¹⁰ Зенон (середина V в. до н. э.) — представитель элейской школы философов, знаменитый своими рассуждениями, содержащими аргументы против понятия о движении: «Ахилл и черепаха», «Стрела» и т. п. Сократ (469—399 гг. до н. э.) — философ, продолжатель софистики и одновременно борец против нее, славился тем, что, в совершенстве владея софистическим методом аргументации, мог привести собеседника к любому выводу. Диоген из Синопа (ок. 404—323 гг. до н. э.) — философ-киник, проповедовал презрение к культуре и возврат к «естественному состоянию». Гераклит (ок. 530—470 гг. до н. э.) — выдающийся философ-материалист и диалектик, был прозван «Темным» из-за сложной образности языка его сочинений. Пифагор (ок. 580—500 гг. до н. э.) — основатель направления в философии, названного его именем, началом всех явлений природы считал числа, образующие, по его мнению, «космический порядок». Клитоммах (II в. до н. э.) — родом из Карфагена — философ, представитель скептицизма «новой академии».

¹¹ Евфрат, Дион, Тимократ, Афинодот — стоики, жившие, видимо, около второй половины I — в начале II в. н. э. О Евфрате упоминают Эпиктет, Плиний Младший (I, 10) и Марк Аврелий («К самому себе», X, 31); известно, что он покончил жизнь самоубийством при Адриане. Афинодота Фронтон называет своим учителем («К Марку Цезарю», I, 12; IV, 12); его имя встречается также у Марка Аврелия (I, 13). Дион — имеется в виду Дион Хрисостом. Музоний (вторая половина I в. н. э.) — ревностный философ-стоик; при Нероне был сослан по подозрению в участии в заговоре Пизона (Тацит, «Анналы», XV, 71). Эпиктет (ок. 50—138 гг. н. э.) — философ-стоик, раб по происхождению. Сам ничего не писал, его поучения были записаны его учеником Флавиусом Аррианом. Видимо, здесь Фронтон порицает стиль этих записей.

¹² Письмо написано уже после консулата Фронтона, вероятно, в 144 — 145 гг. н. э. Это — типичный образец изысканно-лыстивого послания, выдер-

жанного в возвышенном стиле; почти все письмо состоит из разного рода сравнений (любимый риторический прием Фронтона), нагроможденных одно на другое. Фронтон блещет здесь своей эрудицией в области истории римской литературы.

¹³ Клодий Эап — трагический актер, и Квинт Росций — комический актер были современниками Цицерона; Цицерон защищал Росция в речи «За Росция-актера».

¹⁴ Тит-император — император Антонин Пий (его полное имя — Тит Элий Антонин).

¹⁵ Деций Лаберий (ок. 106—43 гг. до н. э.) — комедиограф, автор остроумных мимов.

¹⁶ «Поэту Тицию» — было двое поэтов по имени Тиций: одного из них упоминает Цицерон («Брут», 45), другого — Гораций («Послания», I, 3). ..Сципиону или Нумидийцу — Фронтон имеет в виду Публия Корнелия Сципиона африканского Старшего и Квинта Цецилия Метелла Нумидийского, победителя Югурты; оба были известны как ораторы. Лампадион — грамматик, II в. до н. э., издатель Энния и Невия. Стаберий — грамматик, учитель Брута и Кассия. Элий Стилон — грамматик, II в. до н. э., один из основателей филологии в Риме. Тирон — вольноотпущенник Цицерона и его секретарь, после смерти Цицерона издавший его речи и письма. Тит Помпоний Атик (109—32 гг. до н. э.) — римский всадник, богатый и образованный человек, друг Цицерона; размножал и распространял сочинения своих современников, перепиской которых занимались его рабы. Корнелий Непот (ок. 94—24 гг. до н. э.) — друг Цицерона, Катулла, Аттика; автор многочисленных сочинений, из которых сохранилась только часть его книги «О знаменитых людях», содержащая, между прочим, биографии Катона и Аттика.

¹⁷ Письмо написано вскоре после того, как Фронтон произнес в сенате благодарственную речь Антонину Пию, следовательно, вскоре после августовских ид 143 г. н. э.

¹⁸ Авфидий Викторин — товарищ Марка Аврелия по учению, впоследствии — зять Фронтона.

¹⁹ Позднее законом Диоклетиана и Максимиана было запрещено слушать крики народа, когда он требует освободить виновного или осудить невинного. Сам Марк Аврелий отказывался прощать преступников в цирке (Дион, LXXI, 29).

²⁰ Полемон (ок. 97—153 гг. н. э.) — знаменитый ритор-софист, ученик Диона Хрисостома, славился своими импровизациями.

²¹ Август отдал Меценату участок на Эсквилинском холме в Риме, занятый кладбищем; Меценат покрыл его слоем земли и посадил там сад. Впоследствии этот сад купил Фронтон.

²² Поговорка (Зенобий, IV, 2), смысл которой не вполне ясен.

²³ Письма 1, 3, 5, 6, 12, 14 относятся к 143 г. — году консульства Фронтона.

²⁴ Августовские иды — т. е. 13 августа.

²⁵ Градив (gradivus — шествующий в бой) — эпитет Марса, бога войны. Свое отношение к Адриану Фронтон сравнивает с отношением к недоступным для него богам.

²⁶ В письме 3 Марк Аврелий восторженно хвалит благодарственную речь Фронтона Антонину Пию (см. предыдущее письмо). Он хорошо знает вкус своего учителя и, чтобы доставить ему удовольствие, преподносит ему комплименты, имитируя также и его стиль.

²⁷ «Твоему Веру» — полное имя Марка Аврелия после усыновления его Антонином Пием было Марк Элий Аврелий Вер.

²⁸ Письмо 6 Марк Аврелий написал из Неаполя, где он находился в это время вместе со своей матерью.

²⁹ Целийский холм — место в Риме, где родился Марк Аврелий (Капитолин, «Мизнеописание Марка», I, 5).

³⁰ Феопомп (IV в. до н. э.) — греческий оратор и историк, ученик Исократа.

³¹ Цецилий — римский комедиограф, младший современник Энния.

³² Лаврент, Ланувий, Альгид, Тускул, Тибур — города Лация, центральной области Италии. Путеола — город в Кампании.

³³ Мазурий Сабин (первая половина I в. н. э.) — знаменитый юрист, автор сочинений о гражданском праве; его упоминают Персий («Сатиры», V, 90) и Квинтилиан («Воспитание оратора», XII, 3).

³⁴ Два письма Марка Цезаря (2 и 5) и два письма Фронтоня (3 и 4), написанные по действительно деловому поводу, отличаются искренностью и отсутствием чрезмерной риторичности, характерной для Фронтоня. В них говорится о процессе Герода Аттика, состоявшемся в Риме между 140—143 гг. Других сведений об этом процессе не сохранилось.

³⁵ Тиберий Клавдий Герод Аттик (ок. 103—179 гг. н. э.) — ритор и софист, представитель богатой и влиятельной афинской аристократии. Герод обвинялся афинянами в различных преступлениях (нарушении воли отца, избитии свободных граждан, в убийстве одного из них и т. п.). Аналогичный процесс был возбужден против Герода в Афинах тридцатью годами позже (см. Филострат, «Жизнеописание софистов», II, 1, 4).

³⁶ Капреол, Марциан, Виллиан — более нигде не упоминаются; можно предположить, что это адвокаты, противники Герода.

³⁷ Луций Целий — см. примеч. 8. Гней Невий (ок. 270—200 гг. до н. э.) — римский поэт, автор поэмы о Пунической войне и многочисленных трагедий и комедий. Цицерон считал его слог образцовым по чистоте для древнеримского языка. Деций Лаберий — см. примеч. 15. Акций — см. примеч. 7. Цецилий — см. примеч. 31. Новий и Помпоний (начало I в. до н. э.) — римские комедиографы, авторы ателлан. Атта — их современник, автор комедий на римские темы. Сизенна — см. примеч. 8. Луцилий — см. примеч. 7.

³⁸ Фронтон разбирает речь Марка, посвященную парфянским делам, которую тот произносил в сенате. Видимо, та же речь упоминается в конце письма 16 книги III к Марку Цезарю.

³⁹ В сочетании «navis triremis» («корабль-трирема») слово «triremis» воспринимается как прилагательное, по правилам языка стоящее после существительного «navis»; в сочетании же «triremis navis» слово «triremis» воспринимается как существительное, и слово «navis» после него излишне.

⁴⁰ Матидия — тетка Марка Аврелия, у которой, судя по письму, в это время гостили его маленькие дочери.

⁴¹ Речь за Демострата Петилиана — по всей вероятности, это тот же самый Демострат, который уже упоминался у Фронтоня в письмах о процессе Герода.

⁴² Как можно понять из переписки, историк Алпиан посылал в подарок своему другу Фронтону двух рабов, которых тот отказался принять. Алпиан снова посылает рабов Фронтону, сопроводив их этим письмом и убеждая его не отказываться. В ответ на сравнительно небольшое письмо Алпиана Фронтон, обрадовавшись случаю лишний раз показать свои риторические возможности, пишет ему длинное послание, которое выглядит как риторическое упражнение на тему о том, нужно ли принимать подарки. Рассуждения носят софистический характер.

⁴³ Сир — распространенное имя раба.

СИММАХ

ПИСЬМА

¹ Письмо содержит похвалы поэме Авсония «Мозелла», время издания которой относят к 370 г. н. э. Оно было написано вскоре после выхода поэмы в свет — в 370—371 гг. н. э.

² «прежде, когда я следовал за знаменами бессмертных императоров» — Симмах имеет в виду, видимо, то время, когда он сопровождал императора Валента в его германском походе.

³ Гесперий был проконсулом Африки в 376 г., префектом претория в 377 г. В письме речь идет о недавнем вступлении Гесперия в какую-то из этих почетных должностей.

⁴ Письмо написано в год префектуры Авсония, который стал префектом претория в начале 378 г. н. э. Симмах призывает Авсония среди государственных дел не оставлять литературных занятий, говоря, что литература приносит отдых от забот — традиционный для римских аристократов взгляд на литературу (ср. письмо Марка Аврелия — Фронтону, II, 1).

⁵ Письмо относится к году консульства Авсония (379 г. н. э.) и представляет собой своеобразное поздравление Авсония с консульством, а сопровождении неперенной лести по отношению к императору.

⁶ Храм Чести и Доблести упоминается у Тита Ливия, у Витрувия, Плиния Старшего. Рядом с храмом действительно был источник, посвященный музам. Однако близость источника муз к этому храму не имела того символического значения, которое придавал здесь этому факту Симмах.

⁷ Стагирит — Аристотель, уроженец города Стагиры в Македонии; он был воспитателем Александра.

⁸ В 189 г. до н. э. Квинт Энний сопровождал консула Марка Фульвия Нобилиора в его этолийском походе.

⁹ Африканец Второй — Публий Сципион Эмилиан Африканский Младший (185—129 гг. до н. э.), герой Третьей Пунической войны, разрушитель Карфагена, консул 147 и 134 гг. до н. э.; философ-стоик Панетий был его учителем. Публий Рутилий Руф (начало I в. до н. э.) — друг Лелия и Сципиона, ученый и оратор, изгнанный из Рима политическими противниками. Опилий — волюнтоупущенник, учитель философии и грамматики в Риме около 90 г. до н. э., сопровождал Рутилия в изгнание. Пирр — воинственный эпирский царь, ходивший походом на Рим в первой четверти III в. до н. э. Киней — афинский ритор, служивший у Пирра. Митридат IV Великий Евпатор (121—64 гг. до н. э.) — понтийский царь, на протяжении многих лет воевавший с римлянами. Ритор Метродор из Скепсиса в Мисии состоял на службе у Митридата.

¹⁰ Выражение «аттическая соль» означает остроумие. Тимьян — душистая трава, употреблявшаяся как приправа.

¹¹ Авсоний был квестором с 369 г. по 378 г. н. э. — письмо относится к этому периоду. В поздней империи через квестора, называемого *quaestor sacri Palatii*, проходили все законы и прошения. Имеются в виду слова Сосия из I акта комедии Теренция «Девушка с Андроса», где Сосия говорит: «...напоминание твое — как бы упрек в неблагодарности» (ст. 42—43).

¹² Любопытно это замечание Авсония о лицемерии придворных. Речь идет о дворе императора Валента. Молодой Симмах был его приближенным, а Авсоний — воспитателем Грациана, сына Валента.

¹³ Обе реляции выразительно показывают Симмаха ревностным сторонником соблюдения всех обычаев и законов, установленных предками. Обращаясь к магистрам от имени коллегии понтификов, он требует у них жестоко покарать жрицу Весты, нарушившую обет целомудрия. Симмах обратился сначала к префекту города (№ 147) и, видимо, не дождавшись от него ответа, послал еще одну реляцию по этому поводу префекту претория. Оба письма относятся к 396 г. н. э.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
ГРЕЧЕСКОЕ ОРАТОРСКОЕ ИСКУССТВО	
Дион Хрисостом. Пер. <i>М. Е. Грабарь-Пассек</i>	
Речь 18. Об упражнении в искусстве речи	10
Речь 9. О состязаниях	15
Речь 10. Диоген, или о слугах	18
Речь 12. Олимпийская речь	22
Элий Аристид. Пер. <i>М. Е. Грабарь-Пассек</i>	
Речь 29. О том, что комедии не следует ставить на сцене	33
Юлиан. Пер. <i>М. Е. Грабарь-Пассек</i>	
К совету и народу афинскому	41
Либанний. Пер. <i>М. Е. Грабарь-Пассек</i>	
Речь 31. К антиохийцам в защиту риторов	50
Речь 35. К тем, кто не хочет выступать с речами	55
Речь 25. О рабстве	58
Речь 6. О жадности	62
Речь 60. Монодия на храм Аполлона в Дафне	64
Декламация 26. Угрюмый ворчун	66
Декламация 29. Парасит	72
Фемистий. Пер. <i>М. Е. Грабарь-Пассек</i>	
Речь 27. О том, что следует ценить не города, а людей	80
Речь 25. Против тех, кто считает возможным выступать без подготовки	85
Гимерий. Пер. <i>М. Е. Грабарь-Пассек</i>	
Речь 12. Речь перед началом занятий	87
Речь 24. О том, что надо постоянно упражняться в речах	88
Речь 17. О пользе упражнений	89
Эклога XVII. По поводу беспорядков, возникших в школе	90
Речь 18. В честь своего дома, небольшого и скромного	91
РИМСКОЕ ОРАТОРСКОЕ ИСКУССТВО	
Апулей. Пер. <i>С. П. Маркиша</i>	
Апология	96
Флориды (II, III, IV, XIII, XVI, XVIII, XIX XX)	108
Евмений. Пер. <i>М. Е. Грабарь-Пассек</i>	
Речь о восстановлении школы ораторского искусства	116

ГРЕЧЕСКОЕ ЭПИСТОЛЯРНОЕ ИСКУССТВО

Эпистолография искусственная

Алкифрон. Пер. <i>Е. А. Берковой</i>	
Письма рыбаков (I, 4, 6, 8, 7)	128
Письма земледельцев (II, 4, 13, 15, 16, 38, 11, 34, 32)	129
Письма паразитов (III, 7, 13, 19, 40, 32)	132
Письма гетер (IV, 2, 3, 4, 18, 19)	136
Филострат. Пер. <i>М. Е. Грабарь-Пассек и Т. А. Миллер</i>	
Письма (1, 40, 22, 44, 6, 30, 35, 23, 28, 32, 33, 60, 25, 24, 42, 69, 65, 73)	144
Элиан. Пер. <i>М. А. Гаспарова</i>	
Письма крестьян (7, 8, 13, 14, 15, 16)	153
Эпистолография подлинная	
Юлиан. Пер. <i>М. Е. Грабарь-Пассек</i>	
Письма (12, 22, 8, 35, 54, 55, 7, 15, 17, 26)	156
Либаний. Пер. <i>М. Е. Грабарь-Пассек</i>	
Письма к Юлиану (224, 1125, 722, 525)	164
Письма к Модесту (44, 47, 1489)	165
Письма к Фемистию (1491, 1510)	167
Синесий. Пер. <i>М. Е. Грабарь-Пассек</i>	
Письма (1, 136, 10, 16, 89, 69, 107, 96, 124)	171

РИМСКОЕ ЭПИСТОЛЯРНОЕ ИСКУССТВО

Фронтон. Пер. <i>И. П. Стрельниковой</i>	
Переписка с Антонином Пием (5, 6, 8, 9)	178
Переписка с Луцием Вером (I, 2)	180
Переписка с Марком Антонином Цезарем (I, 7, 8; II, 1, 3, 5, 6, 12, 14; III, 1, 2, 3, 4, 5, 16; IV, 3)	182
Переписка с Марком Антонином, императором (II, 1, 2, 4, 5, 7, 8) .	197
Переписка с Алпианом (4, 5)	199
Симмах. Пер. <i>И. П. Стрельниковой</i>	
Переписка с Авсонием (I, 14, 16, 18, 20, 23, 31, 32)	205
Письма к разным лицам (IX, 147, 148)	211
Примечания	213

**Памятники позднего античного
ораторского и эпистолярного искусства**

II—V века

*Утверждено к печати Институтом мировой литературы
им. А. М. Горького*

Редактор издательства В. Ф. Журавлева

Художник А. Г. Лерский

Технический редактор Г. С. Симкина

Сдано в набор 28/V 1964 г.

Подписано к печати 13/VIII 1964 г. Формат 60×90^{1/16}.
Печ. л. 14,75 + 11 вкл. Уч.-изд. л. 14,2 (13,7+0,5 вкл).

Тираж 3800

Изд. № 4803/64. Тип. зак. № 734

Цена 1 р. 03 к.

Издательство «Наука»

Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»

Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

00.03.12

